

РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА СИСТЕМЫ И АВТОРЫ

М. Лукашев

**СОТВОРЕНИЕ САМБО:
РОДИТЬСЯ В ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЕ И УМЕРЕТЬ В СТАЛИНСКОЙ...**

ТЕКСТИЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

ИМ. С. М. НИРОВА

и Горького, 10. Телефон: 1, 12, 13, 14, 15, 16, 17 и 20. Адрес: Б. К. 6, 10, 12.

24
ДЕКАБРЬ 1937 г.

МАТЧ МОСКВА — ЛЕНИНГРАД ПО БОРЬБЕ ВОЛЬНОГО СТИЛЯ **ДЗЮУ-ДО**

УЧАСТВУЮТ ОТ МОСКВЫ
(СОБРАН)

1. Сязонов
2. Васюнов
3. Шинин
4. Будзинский
5. Сидоров
6. Гладков
7. Харлампиев
8. Сидоренко

УЧАСТВУЮТ ОТ ЛЕНИНГРАДА
(СОБРАН)

1. Силин
2. Горбунев
3. Иванов
4. Федоров
5. Лавров
6. Константинов
7. Пурзал
8. Нанейшвили

Входная плата 3 рубля

Начало в 7 час. вечера

Об авторе

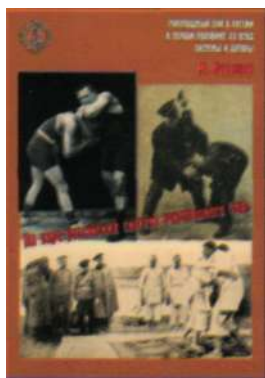
Лукашев Михаил Николаевич - ведущий российский специалист в области истории отечественного рукопашного боя, почетный член исполкома Всероссийской федерации самбо, талантливый писатель, способный преподнести результаты своих уникальных исследований в увлекательной литературной форме, автор десятков публикаций в различных периодических изданиях (печатается с 1957 года).

Работы М.Н. Лукашева привлекают своим первооткрывательским характером. Так, хотя наши боксеры уже в 1948 г. торжественно отпраздновали полувековой юбилей российского ринга, Михаил Николаевич сумел доказать ошибочность этой даты и увеличил возраст отечественного бокса на два года. Его же перу принадлежат первые на русском языке технико-тактические и методические материалы по спортивному дзюдо («Физкультура и спорт», 1972-1974 гг.), публикации о монастыре Шаолинь и его боевой системе. Большой интерес вызвали книги М.Н. Лукашева «Слава бывших чемпионов», «Десять тысяч путей к победе», «Родословная самбо», «И были схватки боевые...», которые получили высокие рецензионные оценки таких крупных специалистов, как Б.М. Чесноков, К.В. Градополов, Д.Л. Рудман, А.М. Ларионов, В.С. Харитонов и других. «Слава бывших чемпионов» была удостоена Почетного диплома Всесоюзного конкурса на лучшую спортивную книгу 1978 г. Его исследования о занятиях А.С. Пушкина было опубликовано во «Временнике» Пушкинской комиссии Института русского языка и литературы Академии наук СССР.

Несколько десятилетий своей жизни М.Н. Лукашев отдал исследованию истории возникновения советской спортивной борьбы и системы рукопашного боя самбо и борьбе с официозным мифом о создании самбо не мастером Кодокан дзюдо, «врагом народа и шпионом» Василием Сергеевичем Ощепковым, а его учеником А.А. Харлампиевым. В своих строго документированных, аналитических публикациях Лукашев воссоздал подлинную историю зарождения и формирования самбо и восстановил авторское право В.С. Ощепкова. За свою многолетнюю работу в этой области Михаил Николаевич был удостоен Серебряного ордена Международной федерации любительского самбо (FIAS).

Работы М.Н. Лукашева переведены на английский, французский, немецкий и другие иностранные языки.

Библиотека «ДОДЗЁ». Серия «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА»

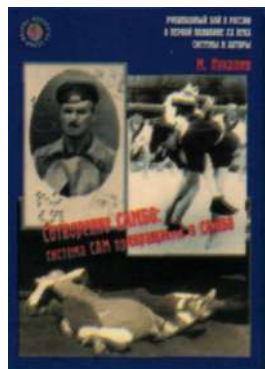

КНИГА 1. НА ЗАРЕ РОССИЙСКИХ СИСТЕМ РУКОПАШНОГО БОЯ

В первой книге серии в деталях рассказывается обо всех попытках создания систем рукопашного боя для нужд полиции, армии и гражданских лиц в дореволюционной России. Джиу-джитсу, французская борьба, исландская глимма, английский и французский бокс, приемы нападения и защиты преступного мира - вот далеко не полный перечень боевых и спортивных единоборств, которые в начальные десятилетия прошлого века явились источниками первых отечественных систем самозащиты. Перед читателем пройдут такие незаслуженно забытые ныне первопроходцы российского рукопашного боя, как А. Демерт, И. Лебедев и др.

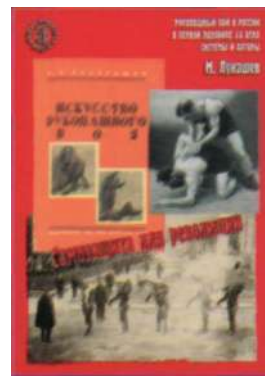
КНИГА 2. САМОЗАЩИТА ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ

Книга повествует о разработке систем рукопашного боя для нужд Красной Армии, Всевобуча и милиции в первое десятилетие Советской власти. Читатель познакомится с биографиями таких специалистов, оставивших заметный след в истории отечественного рукопашного боя, как М. Яковлев, И. Солоневич, Г. Калачев, Н. Ознобишин и другие.

КНИГА 3. СОТВОРЕНИЕ САМБО: СИСТЕМА «САМ» ПРЕВРАЩАЕТСЯ В САМБО

Третья книга серии посвящена деятельности В.А. Спиридонова и разработке на основе джиу-джитсу, а также французской и вольно-американской борьбы, английского и французского бокса и бытовой обороны приемов самозащиты для нужд чекистов, пограничников и милиционеров в системе «Динамо» в 1920-30-е гг.

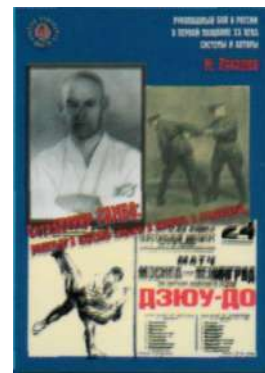
КНИГА 4. СОТВОРЕНИЕ САМБО: РОДИТЬСЯ В ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЕ И УМЕРЕТЬ В СТАЛИНСКОЙ...

В книге речь идет о жизни и деятельности основоположника отечественного дзюдо, выпускника Кодокана и советского разведчика В.С. Ощепкова, трагически погибшего в застенках НКВД в 1937 г. В деталях прослежена эволюция его системы от классического дзюдо к первооснове спортивного и боевого самбо.

КНИГА 5. САМБО НА СЛУЖБЕ РОДИНЫ

Книга посвящена синтезу систем В.А. Спиридонова и В.С. Ощепкова, который осуществил В.П. Волков, автор капитального труда «Курс самозащиты без оружия «Самбо». Учебное пособие для школ НКВД» 1940 года, распространению самбо в СССР в предвоенный период, внедрению его в вооруженные силы, а также попытке К. Градополова приспособить приемы бокса к применению в рукопашном бою.

Серия книг «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА» - это уникальное исследование, которому автор посвятил почти шестьдесят лет своей жизни. Иллюстрировано редкими фотографиями и рисунками из личного архива автора, многие из которых публикуются впервые. Огромное количество документов, архивных материалов, в том числе из архивов КГБ и ГРУ, личное знакомство М.Н. Лукашева со свидетелями событий и авторами ряда систем, взвешенность оценок и высокий профессионализм делают серию книг «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА» уникальным изданием, не имеющим по своей фундаментальности аналогов. Этот труд призван на десятилетия стать настольной книгой для каждого российского дзюдоиста, самбиста, джиу-джитсера, рукопашника.

РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА СИСТЕМЫ И АВТОРЫ

ПН. Лукашев

СОТВОРЕНИЕ САМБО:

родиться в царской тюрьме и умереть
в сталинской...

Будо-Спорт

Москва • 2003

«Двери все заглушены...»

Такое нередко бывало на фронте... Ночью в развалинах разбитого войной города несколько наших саперов внезапно лицом к лицу столкнулись с немцами. Случилось это так неожиданно и для тех, и для других, что никто не успел ни передернуть затвор автомата, ни сорвать с плеча ремень висевшей за спиной винтовки. Да и поздно было уже стрелять: в одну секунду все перемешались. В крошечной темноте вспыхнула беспощадная рукопашная схватка. Люди хватили друг друга за горло, валили наземь, наступали сапогами на упавших, колотили по головам попавшим под руку обломком кирпича. Слышались только хриплое дыхание дерущихся, глухие звуки ударов и яростная ругань на двух языках. В судорожно бестолковой суматохе смертельной борьбы поначалу трудно было понять, кто же одерживает верх, но гитлеровцев было больше, и они явно стали одолевать. И едва ли кто-нибудь из наших саперов, людей уже не молодых, вышел бы живым из этих развалин, если бы на помощь не подоспел сопровождавший их на «передок» сержант из разведвзвода.

Схватившего его, казалось, мертвой хваткой сзади за шею немца он так швырнул через себя, что тот грохнулся всей спиной

В ночь на второе октября жильцов дома номер шесть по Дегтярному переулку разбудил звук мотора въехавшего во двор автомобиля. Прежде никто на это не обратил бы никакого внимания, разве что какой-нибудь старичок, мучимый бессонницей. Но сейчас шла осень тридцать седьмого года, и к подобным угрожающе знакомым ночным звукам прислушивались особенно настороженно и с таким страхом, что сердце начинало бешено колотиться где-то под самым горлом. Те, кто осмелились осторожно, из-за занавески, взглянуть в окно, увидели въехавший во двор автофургон с крупной желтой надписью «Хлеб» на боковых стенках. Впрочем, такая наивная и примелькавшаяся маскировка уже никого не могла обмануть...

Шум автомобильного мотора умолк у самого подъезда, а затем уже в подъезде послышался громкий топот нескольких пар сапог. И по всей лестничной клетке у своих дверей тревожно прислушивались полуоде-

на острые кирпичные зубцы разрушенной стены, да так и остался лежать. Еще двоих уложил рядом с ним точными ударами ног, обутой в тяжелый кованный солдатский сапог. Тому, который пытался ткнуть его в живот ножом, разведчик вывихнул руку, поймав ее на безотказный болевой прием. И сейчас же что было силы рубанул ребром ладони сзади по шее дюжего немца, подмявшего под себя и почти уже придушившего низкорослого саперного лейтенанта...

А когда все уже было кончено, сорокалетний лейтенант, все еще сидя на земле, с трудом поворачивая голову из стороны в сторону и потирая ладонью шею, хрипловато произнес:

- Ну, ты силен, мужик... Если б не ты, всем нам здесь капут. И кто тебя только так ловко драться научил?

С трудом переводя дыхание, разведчик не сразу и с непонятной печалью ответил:

- Был один такой хороший человек - Василий Сергеевич Ощепков...

- А почему - был? На фронте погиб что ли?

- Да нет... Похуже...

- Ты скажешь тоже. Чего же хуже-то может быть?..

тые, насмерть перепуганные люди: «К нам?.. Или не к нам?» Сапоги протопали до двадцать первой квартиры на первом этаже, и каким это сейчас ни покажется нам неприятным, отталкивающим, но все остальные напряженно прислушивавшиеся жильцы облегченно вздохнули: «Слава богу! Это не к нам...» Так уж воспитывала, уродуя людей, беспощадная сталинская мясорубка...

А у двери квартиры двадцать один раздался оглушительно громкий в ночной тишине, долгий и требовательный звонок. И теперь уже только в этой коммунальной квартире стучало у людей в висках: «За кем же на этот раз?.. Неужели за мной?..»

А за дверями громкий, приказывающий голос:

- Откройте! НКВД!

И тотчас в передней оказались четверо мужчин в штатских темных демисезонных пальто, из под которых виднелись армейские хромовые сапоги.

- Ощепков Василий Сергеевич?

- Да, это я...
- Вы арестованы. Оружие есть?
- Откуда у меня может быть... оружие?..
- Отвечайте! Вопросы задаем мы!
- Оружия у меня нет и не было...

И в Комитете по делам физкультуры и спорта, и в Центральном институте физкультуры, где он работал, уже шли повальные аресты. Люди исчезали один за другим, и все слишком хорошо знали, что это значит. Знакомая сердечная боль остро отдалась вдруг под правой лопаткой...

- Анечка, дай мне нитроглицерин... Что-то сердце чувствуется...

Жена трясущимися руками заторопилась

Когда в годы горбачевской гласности стали все чаще появляться немыслимые прежде публикации о безвинно репрессированных людях, их массовых захоронениях, я присоединился к тем, кто начал осаждать КГБ ходатайствами об ознакомлении с делами безвинно казненных и затем полностью реабилитированных лиц.

Как спортивный журналист, я стремился узнать о судьбе весьма известных когда-то в спортивном мире людей, в первую очередь, о Василии Сергеевиче Ощепкове, бесследно исчезнувшем вдруг в 1937-ом.

«Враг народа» был предан принудительно-му забвению. О нем боялись даже говорить, в страхе сжигали книги и связанные с ним бумаги, густо замазывали его лицо на групповых фотографиях. В течение десятилетий само имя этого замечательного человека было под запретом. Казалось, Ощепков раз и навсегда вычеркнут из истории советского спорта. В самбо вырастали новые поколения спортсменов, никогда даже не слышавших этого славного имени. Нужно было переломить эту свинцовую сталинскую подлость испачканного кровью неблагодарного беспамятства. Восстановить не только доброе имя, но и украденный творческий приоритет этого честного, безвинно замученного человека, который так много сделал для нашей страны. И мне, его младшему современнику, очень хотелось рассказать о нем сегодняшнему читателю. О нем, о его времени, которое нынешним поколениям рисуется уже весьма и весьма туманно, если не сказать извращенно...

Ответа на письменные заявления приходилось ожидать месяцами. Затем предлагали прийти в приемную КГБ - Кузнецкий мост, 22. Там два здоровяка в штатском требовали для чего-то заполнить анкету с предъявлением паспорта. А затем очень доходчиво разъясняли, что знакомиться с делами нет

достать лекарство и заранее приготовленные кусочки сахара, на которые его нужно было накапать. Но один из пришедших молча взял у нее из рук пузырек и опустил себе в карман.

- Что вы делаете?! Это же сердечное лекарство... Он умереть может без него...

- Пора бы знать, гражданочка, что нитроглицерин в жидком виде - это взрывчатое вещество.

Боль еще сильнее воткнулась в спину, и в голове Василия Сергеевича промелькнула горькая мысль: «Неужели я родился в царской тюрьме для того, чтобы умереть в сталинской?..»

никакого смысла: в них всего две-три странички, и ровным счетом ничего существенного нет. Согласиться с этим я, конечно, не мог, отлично понимая, что меня нагло обманывают, и упорно продолжал свой «эпистолярный роман» с КГБ. А шел-то уже декабрь 1990 года, и хотя еще никто об этом не догадывался, но могущественный Комитет уже дышал на ладан...

И вот, вскоре после моего очередного, последнего ходатайства на имя самого председателя КГБ небезызвестного Крюкова, у меня раздался телефонный звонок. Очень вежливый мужской голос спросил, когда мне будет удобно ознакомиться с интересующими меня «уголовными» делами.

- Когда? Да, конечно же, прямо завтра!

Разве мог я хотя бы на день отложить эту открывшуюся вдруг прямо-таки фантастическую возможность узнать, наконец, то, что целых полвека хранилось за семью замками в архивах НКВД под сакраментальным грифом «Секретно»? Не дай бог, политическая погода снова изменится, и приоткрывшийся было вдруг таинственный «сезам» вновь захлопнется и тогда уже навсегда...

И вот, на следующее утро я спускаюсь по широким ступеням подземного перехода, прохожу по его тоннелю, пересекая под землей начало Мясницкой, и, поднявшись наверх, оказываюсь возле дома, в который иду. Этот большой бежевый дом с часами хорошо знает каждый по размещившемуся в нем учреждению и еще - по старому и возвращенному названию площади, на которой он стоит - Лубянка.

Обширный светлый парадный фасад, объединивший в единое целое два прежних перестроенных здания, возник сравнительно недавно. И я хорошо помню его совсем другим. Дом памятен мне еще с ранних детских лет и отнюдь не из-за своей страшной репутации, а всего лишь потому, что

возле него всегда расхаживали часовые в островерхих шлемах и с настоящими, с прикнутом штыком, винтовками в руках. (Сейчас я только недоумеваю, от кого выставлялись эти устрашающие наружные караулы?) Темно-зеленый фасад старой «Лубянки» в затейливом стиле модерн начала века запомнился мне, как ни странно, тоже из-за красноармейцев, но уже не живых, а скульптурных. Нарядный портал центрального входа увенчивался фигурным двухскатным карнизом, а на каждом из его скатов полулежали симметричные гипсовые красноармейцы в натуральную величину. Также в буденовках и с винтовками в руках, но почему-то выкрашенные в беспросветно черный цвет. Поначалу там, конечно, возлежали какие-нибудь недопустимо безыдейные аллегорические фигуры, но затем, учитывая целеустремленно-революционный характер занявшего здание учреждения, эту легкомысленную устаревшую аллегория сместил такой вот бдительный черно-гипсовый караул...

Однако эти безмятежные детские впечатления беспощадно прерывают совсем другие - угрожающие. Лет пятьдесят назад мне пришлось побывать внутри этого здания и отнюдь не по своей воле. Тогда из оконного проема лестничной клетки был виден окруженный стенами небольшой внутренний двор с выходившим в него множеством зарешеченных тюремных окон. Каждое окно с большим «спецкозырьком», идущим не сверху вниз, а вверх от подоконника, позволявшим заключенным видеть лишь небо «в крупную клетку». А в длиннейшем коридоре по обе стороны выступали пристроенные к дверям небольшие коробки тамбуров. И двери, и тамбуры оббиты черной кожей с полностью поглощавшей любые звуки толстой прокладкой.

Двери все заглушены
Способом особым,
Выступают из стены
Вертикальным гробом.

Когда через несколько лет я прочитал эти строки Твардовского, то сразу понял, что эти черные «гробы» ему тоже довелось повидеть собственными глазами...

Я минуя огромный облицованный полированным гранитом портал центрального входа, увенчанный большим гербом СССР («подъезд номер один», по здешней терми-

нологии), и направляюсь к несколько более скромному подъезду «один А». В былые времена именно он служил центральным и был украшен черными гипсовыми стражами. Поднявшись на несколько гранитных ступеней, тяну на себя за массивную бронзовую ручку туго подающуюся створку больших дверей. Миную короткое, шага в три, междверное пространство и открываю вторые такие же высокие остекленные двери.

- Вы к кому? Предъявите документы, - говорит один из двух, стоящих по обе стороны дверей «привратников» - прапорщиков в фуражках с голубым околышем. А тот, к кому я иду, уже ожидает меня на верху беломраморной лестницы, широким маршем поднимающейся к дверям лифта и расходящейся там на два более узких, обходящих лифт с обеих сторон марша.

Вместе с моим «Вергилием» поднимаемся на второй этаж и идем по коридорам с нумерованными дверями по обе стороны. Стены отделаны коричневатым пластиком. Не сохранилось ничего похожего на то, что мне когда-то довелось видеть. Кроме прапорщиков у входа, ни одного человека в форме. Довольно заурядная обстановка совершенно обычного, хотя и солидного, советского учреждения. Разве, кроме того, что коридоры пустынные, и никто не покуривает по углам, разводя бесконечный треп.

Но вот, наконец, на письменный стол передо мной ложится тощая, сильно потрепанная папка грязно-желтоватого тонкого картона. Внешне, казалось бы, самая обычная затрапезная канцелярская папка - одна из тех, какие сотнями тысяч хранились в наших учреждениях, организациях, архивах и содержали в себе нудную служебную переписку, бесчисленные приказы, бухгалтерские ведомости и прочую бумажную «требуху». Но в этой измызганной папке совсем другие бумаги, это документы чудовищно трагической силы. В ней упакована страшная судьба замечательного и ни в чем не виновного человека. Первую и последнюю страницу разделяет время всего лишь в десять дней, но в этой декаде безжалостно спрессована целая человеческая жизнь...

Под угрожающим грифом «Секретно» надпись: «СССР. НКВД. Управление по Московской области. Дело № 2641 по обвинению Ощепкова В.С. по ст. 58 п. 6 УК РСФСР. Том № 1»...

Каторжный и незаконнорожденный...

...В самом конце морозного, с пронизывающим ветром, декабря 1892 года в поселке Александровский пост на каторжном Сахалине у арестантки - крестьянской вдовы Марии Ощепковой родился сын. Старик-священник, благочинный Александр Унинский, в канун Нового года наскоро окрестил орущего младенца в холодной церкви и нарек его Василием. Совершив обряд, достал прошнурованную с сургучной печатью толстую церковную метрическую книгу, согрел дыханием озябшие пальцы и вписал дату крещения и имя новорожденного. В графе, посвященной родителям, вслед за фамилией матери указал: «Каторжная Александровской тюрьмы». Отца вообще не упомянул, а кратко отметил, что младенец - незаконнорожденный. Каторжанки были лишены права на законный, признаваемый государством и церковью брак. Их дети автоматически считались незаконнорожденными и, следовательно, отца не имеющими.

По всем канонам тех далеких лет младенца, входящего в жизнь с двойным клеймом отверженного - незаконнорожденный и сын каторжанки, ждала незавидная судьба. Боль-

шой знаток каторжного Сахалина Н. Новомбергский с печальным сочувствием говорил о «каторжной» детворе, «которых с рождения минует всякое доброе семя, и которые сразу же всасывают в себя последнюю мудрость преступного мира...».

Однако в нашем случае, к большому счастью для ребенка, в будущем он оказался совершенно свободным от царившего на острове зловещего влияния уголовщины. И при всем ущербном положении его отнюдь не миновало «доброе семя». Конечно, взращивать это «семя» в душе сына довелось, прежде всего, матери, которая ни в коем случае не могла иметь отношения к преступному миру, а попала в тюрьму, скорее всего, из-за своей вдовьей нищеты, да еще имея на руках своего первого ребенка.

Нетрудно понять, что эта несчастная крестьянка и сына воспитала в духе добрых старых русских крестьянских моральных традиций. Всячески старалась оградить его от опасного влияния каторжного окружения.

Еще трех возможных «добрых гениев» придется поискать в записи, сделанной священником в церковной книге, несмотря на

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1892 ^г				ГОДЪ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ		
Родившихся.	Полъ	Званіе, имя, отчество и фамилія родителей, и крестных родителей.	Званіе, имя, отчество и фамилія новорожденнаго.	Кто совершил таинство крещенія.	Крестные родители.	Въ какомъ мѣстѣ рожденъ.
3830	Мужской	Поселился на Сахалине Александровской тюрьмы. Александр Александрович Крайнов. Родился от вдовы Александры Ивановны Крайновой. Родился от вдовы Александры Ивановны Крайновой. Родился от вдовы Александры Ивановны Крайновой.	Василий Александрович Крайнов.	Священник Александр Унинский.	Священник Александр Унинский.	В Александровской тюрьме.
3831	Мужской	Каторжанка Александровской тюрьмы. Мария Семеновна Крайнова. Родилась от вдовы Семеновны Крайновой. Родилась от вдовы Семеновны Крайновой.	Василий Семенович Крайнов.	Священник Александр Унинский.	Священник Александр Унинский.	В Александровской тюрьме.

В метрической книге была записана дата рождения сына Василия Крайнова 18/12/92 года. В метрической книге была записана дата рождения сына Василия Крайнова 18/12/92 года. В метрической книге была записана дата рождения сына Василия Крайнова 18/12/92 года.

Лаборатория ГАСО, декабрь 20-04, серия 5-000.

то, что упомянуты там только двое из них. Ведь между крестником, крестными и родными родителями устанавливалась связь, близкая к родственной, признаваемая даже законом.

Крестным отцом Васи был «Георгий Павлов Смирнов - старший писарь Управления войска острова Сахалин», фигура заметная среди унтер-офицерского корпуса. Но особенно внимательно стоит присмотреться к крестной матери - «девице Пелагее Яковлевой Ивановой», дочери надворного советника, что, согласно «табели о рангах», соответствовало военному чину подполковника. Что же могло заставить эту девицу, принадлежащую к верхнему слою островного общества, встать у купели незаконнорожденного каторжного младенца?

Было ли это, по образному выражению Льва Толстого, всего лишь «спортом благотворительности», модным в те годы, или же девицей двигали какие-то искренние чувства, которые могли серьезно сказаться на будущем ее крестника? Все это остается тайной, плотно заслоненной вековым массивом времени. Но особенно загадочным был третий потенциальный «добрый гений», запись о котором в церковной книге отсутствовала да и никак не могла туда попасть. Это был невенчаный сожитель матери - таинственный Васин отец. Как он мог влиять на сына? И мог ли вообще? Кем был: случайным на каторге добропорядочным человеком или отпетым уголовником? Но не только все это, но даже и фамилия его оставалась неизвестной...

Как ни стремился я хоть что-нибудь выяснить о его отце, все оставалось тщетным. Никогда и никому, даже самым близким своим людям, не открывал Василий Сергеевич тягостную тайну своего происхождения. Уж очень глубоко в сердце застряла эта старая неизбывная боль! И лишь совсем недавно в архиве одного сверхсекретного учреждения, которое я назову позже, удалось, наконец, обнаружить документы, говорящие, что отцом являлся Сергей Захарович Плисак, крестьянин по социальному положению и столяр по профессии.

Что же касается Марии Семеновны Ощепковой, происходившей из Воробьевской волости, Оханского уезда, Пермской губернии, то, вероятно, бедствуя в своей вдовой доле, она совершила какое-то преступление. Была осуждена Екатеринбургским судом и отбывать наказание отправлена «на заводы». Но то ли слишком болела у нее душа об оставшейся в деревне дочери Агафье, то ли невыносимо тяжким оказал-

ся для сельской жительницы непривычный фабричный труд в насквозь продымленном, угарном заводском воздухе, но смелая женщина совершила побег. Только вот неважным конспиратором оказалась эта бесхитростная крестьянская душа. Ее, конечно, выследили и снова арестовали. Уж теперь-то судейские чины увидели в несчастной крестьянке «самого опасного и изощренного преступника» и определили ей тяжелейшее и мучительное наказание: восемнадцать лет каторжных работ и шестьдесят плетей. Трудно понять, как она выдержала эту зверскую экзекуцию, которая отправляла на тот свет даже здоровенных мужиков...

Скорее всего, столяр Плисак был «ссыльнопоселенцем», и его фактический брак, точнее сожительство, с Марией был «оформлен» традиционным для каторжного острова тюремным «свадебным обрядом», продиктованным острым дефицитом «островитянок». Нет, «браки» там заключались вовсе не на небесах и даже не в тюремной администрации, а прямо на тюремном плацу. И отнюдь не звучал там свадебный марш Мендельсона, не стреляли пробки шампанского. «Бракосочетание» по-сахалински совершалось несколько проще и скромнее. Однако же «от щедрот» тюремной администрации каждой из «невест» выдавалось дешевенькое белое «подвенечное» платье. И, наверно, никто из «меценатов» даже не догадывался, какой жестокой была эта благотворительная издевка...

Вновь прибывших каторжанок всех возрастов выстраивали в шеренгу, а напротив них стояла шеренга «женихов» из ссыльнопоселенцев. Выбор, как везде и всегда, принадлежал только мужчинам. По команде жених подходил к своей избраннице и становился рядом с ней. При неизбежном «соперничестве» мужчин в «сватовство» вмешивался окрик тюремного чина, выносив-

Каторжные работы на Сахалине. Фото 1890 года

шего окончательное и не подлежащее об-суждению решение. Если даже «невеста» го-дилась «жениху» в матери. С этого момен-та «сосватанные» женщины переходили в разряд так называемых «сожительных». В остроге уже не сидели, а жили у своего ссыльнопоселенца. Законным браком это, разумеется, не считалось и никаких прав и обязанностей для сожителей не порождало.

Должна была пройти через эту унизи-тельную процедуру и сорокалетняя Мария Ощепкова. Но, при всей дикости подобной обстановки, у нее с Плисаком сложилась се-мья настолько благополучная, насколько могла быть в подобных прискорбных об-стоятельствах.

Как выглядел «супруг», сказать не могу. А вот внешность «супруги» тюремный писарь в графе «Приметы» описал так: «Рост 2 ар-шина 6 вершков (метр 69 см. - М.Л.), лицо чистое, широкое, глаза карие, лоб крутой, нос и рот большие, подбородок крупный».

Как это ни удивительно, но фамилии Ощепкова и Плисака вместе с, как теперь говорят, анкетными данными можно про-читать в статистических карточках Всерос-сийской переписи населения 1890 года, соб-ственноручно заполненных А.П. Чеховым и пылящихся ныне где-то в недрах запасни-ков Московского литературного музея. Уже опасно больной, наш великий писатель, проделав полпути на лошадах (из-за еще от-сутствовавшей в Сибири железной дороги), совершил свое поистине героическое путе-шество, чтобы написать правду о каторж-ном острове и провести перепись всех его обитателей. Вот тогда-то наши «молодоже-ны», будущие Васины родители, и смогли говорить с писателем.

Судя по всему, Сергей Захарович был от-личным столяром и имел такой приличный заработок, что со временем смог даже от-крыть собственную мастерскую и то ли по-строить, то ли купить два небольших дома:

на Александровской улице - № 11 и на Кирпичной - без номера. Заботясь о сыне, определил его в реальное училище.

В 1901 году «приказом губернатора с применением Манифеста» каторжанка Ощепкова была переведена с каторжных работ в «ссыльнопоселенки». Но долго ра-доваться досрочному освобождению от ка-торги не пришлось: всего через год скончал-ся ее фактический супруг. А еще через два года, всего два месяца спустя после начала русско-японской войны, ушла из жизни и Мария Семеновна. Даже ее крепкое крест-ьянское здоровье не могли не пошатнуть ка-торга и изуверское телесное наказание. Она ушла из жизни всего лишь пятидесяти трех лет от роду. В тяжелейших военных услови-ях, когда боевые действия велись и на Са-халине, одиннадцатилетний ребенок остался круглым сиротой. Над ним была учреждена опека. Опекуном определен Емельян Влади-ко. К счастью, человек честный и доброже-лательный.

Говоря о дальнейшей жизни маленького Васи, нельзя не подивиться тому, как фан-тастически причудливо и даже противоре-ственно соединяют порой причинно-следст-венные связи события, происходящие в двух, казалось бы, совершенно чуждых друг другу мирах. Это трудно представить, но судьба незаконнорожденного «каторжного» подростка на много лет была предопреде-лена не где-нибудь, а... в царском кабинете Зимнего дворца. Именно там третьего фев-раля 1903 года Николай II утвердил своей подписью проект создания в России самой первой в мире «контрразведочной службы»: уж слишком назойливым был «доброже-лательный» интерес иностранных спецслужб. Война, ровно через год развязанная нашим восточным соседом, с ее массовым и изощ-ренным шпионажем доказала жизненную важность подобной меры. Эта же война по-казала, против чьей разведки надлежит на-чать борьбу в первую очередь. А нелегкое поражение научило военное ведомство смо-треть далеко вперед, понимая, что это толь-ко начало японской экспансии.

Вскоре после войны штабом Заамурского военного округа были специально выделе-ны денежные средства для обучения в Япо-нии русских подростков. Прожив несколь-ко лет непосредственно в чужой «языковой среде», они должны были в совершенстве овладеть особенно трудным для европейцев японским. Будущими кадровыми контрраз-ведчиками должны были стать осиротевшие сыновья тех, кто сложил головы в недавней войне. Впрочем, не следует думать, что де-

Заковавают в кандалы.
Фото 1890 года.

лалось это с вызывающе глупой прямолинейностью. Вовсе нет! Все совершалось, как тогда говаривали, чинно и благородно. Ребягишки направлялись для учебы в духовной семинарии российской православной миссии в Токио и, следовало считать, для того, чтобы в будущем стать образованными священнослужителями японской православной церкви. Разумеется, о далеко идущих планах «контрразведочной службы» не знали ни в России, ни в Японии. Все понималось только лишь как благотворительная возможность получить такое хорошее образование, какое на родине для сирот было заведомо недоступным.

Теперь уже мы едва ли узнаем, к каким хитроумным уловкам вынужден был прибегнуть заботливый опекун Емельян Владыко, чтобы добиться счастливой японской «командировки» для своего подопечного. Ведь тот был не солдатским, а «каторжным» сиротой, никаких льгот не имеющим. И не случайно в семинарии Вася самозвано числился «сыном крестьянина Ошепкова-Плисака». Эта двойная фамилия была явно вымышленной, как и не существующее официально родство с «крестьянином». В силу закона родной отец являлся для незаконно-рожденного сына совершенно посторонним лицом. И я думаю, что именно в этом затруднительном случае с поступлением в семинарию могла помочь своему крестнику его крестная мать, дочь надворного советника Пелагея Яковлевна.

Первое время Владыко сам оплачивал стоимость обучения, «сдавая в квартиры» унаследованные Васей по завещанию отцовские дома. А затем успешного ученика все же приняли на казенный военный кошт. Но и тогда Емельян присылал семинаристу то рубль двадцать копеек, то десять, а то и двадцать шесть рублей. Скорее всего, эти деньги и позволили Василию освоить дзюдо. Так как и обучение в Кодокане, и сдача экзамена на черный мастерский пояс едва ли были бесплатными.

Вдова Василия Сергеевича, Анна Ивановна, вспоминала, как он с юмором рассказывал о своей первой поездке в Страну Восходящего Солнца. Как, совершенно не зная языка, объяснялся с матросами, пытаясь сесть на японский пароход. А в Японии жизненный путь сироты счастливо пересекался со светлой, благородной дорогой замечательного человека - Архиепископа Японского, Преосвященного Николая. Сын сельского диакона, Иван Касаткин двадцати четырех лет от роду принял монашеское пострижение и в монашестве новое имя - Нико-

лай. Безукоризненно руководивший русской православной миссией в Японии более полувека, он стал одним из тех многих священнослужителей, которыми по праву может гордиться не только церковь, но и весь русский народ. Святой Николай, канонизированный православной церковью, являлся не просто самоотверженным миссионером, это был человек редкого мужества и доброты, заслуженно завоевавший огромное уважение даже у своих японских недоброжелателей. Не только церковный деятель, но еще крупный знаток Японии, талантливый переводчик и мудрый воспитатель.

Не имея достаточных материальных средств, он все-таки сумел создать в Японии несколько учебных заведений. В одно из них - духовную семинарию в Токио - в сентябре 1907 г. и попал четырнадцатилетний сирота Вася Ошепков.

Василий попал в семинарию, когда архиепископу пошел уже восьмой десяток, но этот высокого роста, крепко сложенный старик все еще сохранял былую бодрость и деятельность. Необычайной любовью и уважением воспитанников окружен был он. Когда случалось Преосвященному Николаю проходить через зал, где играли юные воспитанники, там сразу приостанавливалась игра, и все, русские и японцы, громко и дружно, но непременно по-русски приветствовали любимого наставника. А он со своей обычной живостью и веселостью отвечал им: «Здорово, молодцы!»

Общая комната, самая веселая и шумная, где жили молодые семинаристы, так и называлась - «молодцовская». «Но зато, - писал один из бывших семинаристов, - мы и успевали в учении тоже «по-молодцовски». Как и любой другой, этот юный семинаристский народ любил повеселиться, пошутить и порезвиться. Случалось и так, что, даже уже улегшись спать, юноши никак не могли уgomониться. Но стоило лишь архиепископу войти в спальню, тихо пройти между койками, как наступала полная и уже до самого утра ненарушаемая тишина».

Семинария - любимое детище архиепископа - представляла собой совсем не обычное учебное заведение: учились там и русские, и японцы, а возраст учащихся был от четырнадцати до... шестидесяти лет. Учебная программа могла, пожалуй, потягаться и с современными вузами.

Во-первых, семинаристов обучали по полной программе японской гимназии: география и история Японии и Дальнего Востока, литература и теория словесности, грамматика, чтение писем, перевод газетных ста-

тей, написание сочинений, иероглифическая каллиграфия, японская и китайская. Да плюс к этому - богословские дисциплины, русский язык, литература, всеобщая история... Василий учился на совесть: по всем этим предметам в его свидетельстве об окончании семинарии от июня 1913-го года стоят лишь завидные, хотя и несколько неприличные для нас оценки - «отлично хорошо (5)» и «очень хорошо (4)». Семинария дала Василию отличное образование, помогла стать по-настоящему интеллигентным человеком в добрых старых русских традициях.

В семинарии, как и в японских школах, преподавались основы борьбы дзюдо, всего лишь двадцать пять лет назад созданной знаменитым теперь педагогом Кано Дзигоро. Василий с головой окунулся в эту новую для себя, увлекательную стихию. Сообразительный и ловкий ученик, быстро постигавший технику японской борьбы, понравился преподавателю, и тот оказал ему одну немаловажную услугу.

Один из лучших учеников Ощепкова Н.М. Галковский рассказал мне, что раз в год проводился отбор лучших для обучения в знаменитом центре дзюдо Кодокан, и учитель под большим секретом сообщил приглянувшемуся ему русскому пареньку необычный принцип этого отбора.

Наступил торжественный день. В зале множество молодых претендентов чинно

расселись на соломенных матах татами, и сам основатель дзюдо Кано Дзигоро обратился к ним с речью. Нравоучительная речь была длиннейшей и, откровенно говоря, довольно скучной. Молодым людям, при всем уважении к оратору, трудно было удержаться от того, чтобы не оглянуться по сторонам, не взглянуть на своих соседей. Но Ощепков уже знал, что сзади за ними пристально следят преподаватели Кодокана. И каждое движение абитуриентов расценивается ими как невнимание и даже недостаточное уважение к великому гроссмейстеру дзюдо. Василий все еще, как следует, не привык сидеть по-японски: без стула, на собственных пятках. Затекие ноги невыносимо ныли, мучительно хотелось вытянуть их из-под себя и выпрямить, ну, хотя бы, просто чуть пошевелить ногами, но он по-прежнему сидел совсем неподвижно. А когда к нему подошли и сказали, что он принят в Кодокан, Ощепков попытался встать на совершенно онемевшие ноги, но так и не смог это сделать, а только повалился на бок. В архивах Кодокана до наших дней сохранилась запись о поступлении туда Василия Ощепкова 29 октября 1911 года.

Сейчас Кодокан - громадное современное здание из стекла и железобетона, которое в американских рекламных проспектах звонко именуют «фабрикой неуязвимых». Действительно, и огромное количество занимающихся, и массовость выпуска дипломированных атлетов - все напоминает современные индустриальные методы. Но почти сто лет назад, когда восемнадцатилетний Василий переступил порог Кодокана, это был не очень большой дощатый домик с залом площадью около 500 квадратных метров. Весь пол зала был застелен татами, покоясь на специальной системе особых амортизаторов, смягчавших падения дзюдоистов.

Василий в полном объеме познал всю суровую школу дзюдо тех лет. Даже в наши дни японские специалисты считают, что практикуемая в Японии тренировка дзюдоистов непосильна для европейцев. Тогда же система обучения была особенно жесткой и совершенно безжалостной. К тому же это было время, когда еще чувствовались отзвуки недавней русско-японской войны, и русского парня особенно охотно выбирали в качестве партнера. В нем видели не условно-спортивного, а реального противника. Еще недостаточно умелого Ощепкова более опытные борцы беспощадно швыряли на жесткий татами, душили и выламывали руки, а он, по дзюдоистскому обычаю, благодарил их за науку смиренным поклоном да-

же тогда, когда у него оказалось сломанным ребро. Вскоре, однако, с ним уже стало не так-то просто бороться даже искушенным дзюдоистам.

Никто из поступавших вместе с Василием товарищей не выдержал суровых дзюдоистских испытаний: все оставили Кодокан. А он не только успешно овладевал борцовской наукой, но и стал претендовать на получение мастерского звания. И всего лишь полтора года потребовалось ему для того, чтобы в 1913 г. на весеннем состязании по рандори завоевать право подпоясать свое кимоно черным мастерским поясом. Японцы необычайно ревностно относились тогда к присуждению мастерских степеней - дан, и особенно иностранцам. Ощепков стал первым русским и одним из всего лишь четверых европейцев, заслуживших в те годы «черный пояс». Выступая на состязаниях, он не раз завоевывал призы и пользовался известностью среди японских спортсменов и даже удостоился теплой похвалы самого гроссмейстера Кано, который был не очень-то щедр на подобные вещи. И долго еще хранил Ощепков японский журнал, написавший о нем: «Русский медведь добился своей цели». Владивостокская газета, несколько исказив детали, так сообщила об успехах Ощепкова: «...Благодаря своим выдающимся способностям, отмеченным самим основателем школы Кано Дзигоро, чрезвычайно быстро, в шесть месяцев, достиг звания «сёдана», то есть учителя первой степени, и получил отличительный знак «черный пояс»».

Забегая вперед, следует сказать, что уже в октябре 1917-го Василий снова предстал перед строгими экзаменаторами Кодокана, которые единодушно присвоили ему следующую, еще более высокую, мастерскую ступень - второй дан.

Возвратившись на родину, Ощепков, знавший не только японский, но и английский язык, начал работать переводчиком в контрразведке Заамурского военного округа в городе Харбине, а затем в разведотделе Приамурского округа, выезжая иногда с какими-то заданиями в Японию. Вероятно, во время последней из таких поездок он и получил второй дан.

Совершенно естественно, что, оказавшись снова в России, именно он стал пионером дзюдо в нашей стране и щедро делился своими обширными познаниями с молодежью.

Во Владивостоке до наших дней сохранился одноэтажный, но обширный старый кирпичный дом за номером 21 под крутым

откосом на Корабельно-набережной улице. Символично, что теперь в нем размещается спортивный клуб Тихоокеанского флота. А более восьми десятилетий назад дом занимало Владивостокское общество «Спорт», где выпускник Кодокана развернул работу со свойственной ему энергией.

Шел 1914 год. В то время экзотическая японская борьба была в большую новинку даже для задававших тон в спорте западных держав, а в самом отдаленном провинциальном городе России активно функционировал кружок дзюдо, насчитывавший до полусотни занимающихся. Овладев под руководством своего наставника основами этой борьбы, кружковцы стали проводить в обществе внутренние состязания.

Самое первое сообщение о кружке в спортивной печати появилось в июне 1915 года в столичном журнале «Геркулес» в виде небольшой корреспонденции из провинции. Среди прочих Владивостокских спортивных новостей сообщалось: «Правление местного Спортивного Общества, воспользовавшись пребыванием в городе специалиста японской борьбы «джиу-джитсу» г. Ощепкова, пригласило его в качестве преподавателя. Интерес к этой борьбе возрастает среди спортсменов, и они с увлечением принимаются за изучение одного из распространенных видов спорта в Японии».

Сам Василий Сергеевич впоследствии писал: «В кружке занималось около 50 человек, преимущественно учащая молодежь. Сюда приходили тренироваться и японцы, проживавшие во Владивостоке. Кружок существовал до 20-го года». К счастью, сохранилась и фотография, запечатлевшая чле-

Дом на Корабельно-набережной улице, 21, во Владивостоке, где Ощепков впервые вёл кружки дзюдо-до в 1914 году. Там же состоялась первая международная встреча

нов кружка в первый же год его существования - 1914-й.

Основоположник европейского дзюдо Коидзуми в книге «Мое обучение дзюдо» говорит, что первый в мире международный матч по дзюдо состоялся в 1929 году. Тогда команды Англии и Германии встречались во Франкфурте и Висбадене. Но знаменитый сэнсэй сильно ошибается. Впрочем, подобный пробел в знаниях вполне обычен для зарубежных специалистов там, где речь идет о России. В действительности дзюдоисты двух различных стран впервые сошлись в схватках на татами на целых десять лет ранее. И происходило это не в каком-либо процветающем центре Европы или в Америке, а в «страшно далеком», но, как полушутя назвал его Ленин, «нашенском», городе Владивостоке.

Дадим слово выходившей там газете «Далекая окраина» от 4 июля 1917 года: «...В помещении Владивостокского общества «Спорт» состоялось весьма интересное состязание по «Дзю-Дзюцу» прибывших из Японии во главе со своим преподавателем господином Хидетоси Томабечи, экскурсантов-воспитанников японского высшего коммерческого училища города Отару и местного спортивного кружка «Спорт», организованного руководителем этого кружка

Ощепковский кружок,
во Владивостоке. 1914
год

В. С. Ощепковым, при личном участии самого господина Ощепкова, привлечшего массу публики... Некоторые приемы самозащиты были продемонстрированы господином Ощепковым, причем нападения на него делались не только при встрече лицом к лицу, но и сзади».

Довелось мне слышать и еще об одном состязании с японцами - еще в 1915-м году. По словам сведущих лиц, материалы о ней сохранились в богатейшем архиве В.С. Ощепкова, который сразу же после его ареста забрал у его вдовы Анатолий Харлампиев и до самой своей смерти так и «не выпустил на волю» ни одного листочка, боясь поколебать свое липовое авторство по отношению к самбо. Так что все сведения о Василии Сергеевиче мне пришлось добывать в совершенно других местах самостоятельно или с помощью сочувствующих лиц.

И лишь совсем недавно, когда работа над этой книгой практически завершилась, его сын, Александр Харлампиев, опубликовал в журнале «Додзё» материалы о подлинном «возрасте» отечественного дзюдо, в которых упоминается и эта, бывшая для меня только «гипотетической», вторая встреча с японцами.

И мне было очень радостно узнать, что после моей статьи редакция «Додзё», про-

явив благородную инициативу, сумела договориться с Александром о публикации хранящихся у него интереснейших материалов злосчастного ошепковского архива, который был закрыт для общества на протяжении целых 65 лет, и даже начала это делать...

Доктор исторических наук, профессор А.А. Маслов в своем пространном труде «Воины и мудрецы Страны Восходящего солнца», говоря о В.С.Ошепкове, использовал материалы моей книги «Родословная самбо». Очень жаль, что он воспользовался уже устаревшей работой шестнадцатилетней давности, а мои более поздние и более информативные публикации прошли мимо его внимания. Недостаток реальных знаний не только породил неизбежные неточности, но и побудил Маслова сделать весьма сомнительные и явно не корректные предположения.

Автор считает, что в Японии Василия «готовили в руководители официальной ветви Кодокана в России... Ошепков преподавал в основном среди военных и сам работал в то время военным переводчиком... Понятно, что в отношениях «Кодокан-Ошепков» была еще и третья сторона - разведка (японская! - М.Л.). Как оказался Ошепков в России в 1914 году? Кто послал его сюда, как он сумел со своей биографией стать военным переводчиком? В какой мере японские спецслужбы стимулировали деятельность Ошепкова, хотя это происходило неявно, за его спиной?»

Трудно поверить, что уважаемый крупный специалист сознательно бросает черную тень подозрительности на безвинно репрессированного Василия Сергеевича. Однако же, хотел он этого или не хотел, но у читателя невольно возникает мысль: «А уж не был ли Ошепков действительно японским шпионом?» Надеюсь, что мое строго доку-

ментальное повествование не оставляет ни-какого места всем этим уж очень странным полувопросительным подозрениям! Тем не менее, я не мог не указать на досадное заблуждение этого специалиста, так как его научный авторитет способен заронить в головы иных читателей сомнения в невиновности Василия Сергеевича, который в 1937-ом был незаконно арестован именно по обвинению в шпионаже в пользу Японии...

В феврале 1917 года Ошепков решительно становится на сторону революции. После свержения самодержавия царская полиция была разогнана восставшим народом. Создавалась новая сила для защиты законности и порядка - милиция, и Ошепков активно участвует в этом важном созидательном процессе. На «Курсах для подготовки милиционеров городской и уездной милиции» он преподает курсантам столь необходимое в их будущей нелегкой работе искусство самозащиты без оружия. И едва ли случайно организационную работу по созданию этих курсов взяло на себя именно общество «Спорт», в котором Василий Ошепков играл главную роль.

Читатели, особенно молодые, напичканные современной лживой квазидемократической пропагандой, могут не понять, почему он с самого начала принял сторону революции. А дело в том, что наша «независимая» пресса, горько всхлипывая о «чуждой России, которою мы потеряли», почему-то забывает сказать, что при «восхитительном» царском режиме существовало законодательно закрепленное социальное, религиозное и национальное неравенство в правах, да и множество иных подобных «прелестей». А Василий принадлежал к тому подавляющему большинству народа, которое познало все это на собственном горьком опыте...

Глава 3

На пути к тайне

Несмотря на все усилия, мне до самого недавнего времени так и не удавалось узнать о жизни и деятельности Ощепкова в самый тяжелый период владивостокской истории - с 1918 по 1922 год. Время, когда из-за интервенции и гражданской войны наш Дальний Восток оказался наглухо изолированным от остальной России. Отыскивание и «расшифровка» ощепковских материалов в любом случае были весьма нелегким, длительным и кропотливым делом. Но особенно трудным, казавшимся даже безнадежным, стал поиск сведений об этом тревожном и изменчивом времени, когда определились убеждения Василия, да и вся линия его дальнейшей жизни. Столь важный период так и остался в моих исследованиях настоящей «черной дырой». Впрочем, и последующие пять лет, уже при установившейся на всем Дальнем Востоке советской власти, тоже являлись, если не «черной дырой», то уж наверняка этакой «информационной туманностью», рассеять которую все еще не удавалось. Нельзя сказать, что я совсем уж ничего не знал об этом периоде, но сведения были отрывочны, скудны и, главное, недостаточно достоверны.

Повествуя в своих прежних работах об этом отрезке биографии, я был вынужден в основном исходить из рассказов учеников, знавших Василия Сергеевича лишь в тридцатые годы, и невольно повторял их неизбежные ошибки (неизбежные, потому что подлинные факты его деятельности были зафиксированы только лишь в документах еще *более* секретных архивов, чем уже знакомый мне архив НКВД). Так Н.М. Галковский говорил, что в начале двадцатых его учитель рекламировал и продавал советские фильмы в Японии и Китае. А.А. Харлампиев утверждал, что Василий Сергеевич являлся нашим разведчиком в Японии и был даже представлен за это к награждению орденом Красного знамени, который так и не успел получить из-за ареста. Но вот вдова Жамкова, знавшая Ощепкова еще по Владивостоку, вспоминала, что он, якобы, был в японском плену и возвратился вместе с женой в Россию только в двадцать шестом году. Вот таким широким был разброс мнений.

Работа за рубежом в те годы была возможна только по линии Внешторга или ведомства иностранных дел, если даже они

служили всего лишь «крышей». Однако архивы обоих этих учреждений ответили, что в их системе Ощепков не числился. Романтическая «разведывательная» версия была, разумеется, наиболее заманчивой, но, вместе с тем, и самой трудноустановимой, если установимой вообще. Получить доступ к подобным документам тогда нельзя было даже мечтать: абсолютно невозможная авантюра. Но вот, в «уголовном» деле НКВД, в анкете, заполненной со слов Василия Сергеевича в день, точнее в ночь, его ареста, бросилась в глаза единственная, но так нужная мне фраза: «Официально - переводчик японского языка, а неофициально - разведчик, подпольный работник». Какая удача! Так значит, разведывательный след вовсе не был легендой! В этом можно было уже не сомневаться. Лгать на допросе было не только бессмысленно, но и опасно. Ложь могла усугубить и без того незавидное положение. Ведь следователь всегда мог без особого труда установить истину.

Я немедленно попросил ознакомить меня с личным делом разведчика, но услышал ответ: «Такого дела в архивах НКВД не существует». Я не очень этому поверил, поскольку за предшествовавшие три года моих домогательств не раз сталкивался с явной ложью сотрудников КГБ. Но что я мог тогда поделать? А вот после того, как с этим заведением произошли небезызвестные пертурбации, я тут же снова направил запрос, теперь уже в Службу внешней разведки. И когда получил такой же огорчительно-отрицательный ответ лично от генерала Ю.Г. Кобаладзе, у меня уже не было никаких оснований усомниться в его искренности. Более того, я очень благодарен этому ветерану разведки, интеллигентному и доброжелательному человеку, любезно подсказавшему мне дальнейшие пути поиска.

Было ясно, что на чекистов Ощепков не работал. Но в Советском Союзе агентурной разведкой за рубежом уже в те годы занималось не одно, а два учреждения: не только иностранный отдел ОГПУ, но и Разведывательное управление РККА. Значит, нужно было стучаться в двери Главного разведывательного управления Генерального штаба Российской армии (ГРУ).

Это военное учреждение, по вполне понятным причинам, остается в густой тени,

и известно о нем очень немного и очень немногим. И если после шумных событий начала девяностых годов вход в энкаведевские архивы оказался довольно широко открытым, то двери ГРУ вполне справедливо и разумно оставались запертыми на большой замок. А я не знал не только, как постучаться в эти самые двери, но даже и где их нужно разыскивать. Наудачу послал запрос в Министерство обороны. Прошло довольно много времени, пока письмо блуждало по военным инстанциям. Уже не надеялся получить ответ, собираясь, было, повторить свое ходатайство. И если бы вы только знали, как обрадовал меня неожиданный звонок из архива ГРУ с приглашением посетить это замечательное учреждение! Так, значит, личное дело разведчика Ощепкова не только действительно существовало, но и сохранилось до наших дней! Немедленно отправился в тот район Москвы, который не так уж давно считался частью Московской области - ближайшим Подмосковьем. На задах многоэтажной современной застройки отыскал еще не получивший названия длинный проезд с глухой бетонной оградой, поверх которой виднелись кроны деревьев. Там и находилось нужное мне учреждение, не имевшее, разумеется, никаких вывесок. Большой пятиэтажный дом серого силикатного кирпича с немудрыми прямоугольными порталами темно-красного цвета, выглядел весьма скромно и даже буднично.

По нынешним криминальным временам зарешеченными окнами нижних этажей уже никого не удивишь, но здесь были забраны прочными решетками и многие окна верхних этажей. И я думаю, что в данном случае любые предосторожности явно не были излишними. Что только бы не отдали иностранные спецслужбы, лишь бы

проникнуть за эти серые стены! Впрочем, скрываются за ними не только действительно строго секретные и очень серьезные вещи, но еще необыкновенно увлекательное, волнующее документальное повествование о работе наших славных, но безвестных разведчиков, героической работе, перед которой жалко меркнут все шпионские страсти и доморощенных, и иностранных бестселлеров, блестящих яркими глянцевыми обложками на книжных развалах.

Мне действительно крупно повезло: в этом доме я встретил обаятельных, интеллигентных, умных людей, которые сумели правильно понять мои устремления и, при всей закрытости своей ответственной службы, нашли возможным пойти мне навстречу. Хотя замечу, пойти не сразу, что, конечно же, было совершенно оправданным по отношению к человеку, с которым они еще не были достаточно знакомы. Жалею, что не могу назвать их имена, но хочу принести свою искреннюю благодарность этим бойцам невидимого фронта в штатских костюмах (военную форму я увидел там только лишь на сержанте, проверяющем пропуск в проходной).

А получил я даже не одно, а целых два ощепковских личных дела. Первое из них - синеватая, плотной бумаги папка с дореволюционной изящной окантовкой и крупно напечатанными затейливыми черными буквами: «Дело». В левом верхнем углу - чернильная надпись: «Разведупр IV Управления штаба РККА». В правом: «Дело по описи № 12 Резидента Разведотдела штаба Сибирского военного округа в гор. Токио товарища «Японца». Последнее слово зачеркнуто, а под ним: «Монаха». Несколько ниже - даты начала и окончания дела. С вполне понятным нетерпением открываю папку и переносюсь во Владивосток грозного 1918 года...

Глава 4

Новобранец разведотдела

В середине января в бухту «Золотой рог», у которой стоит город, неожиданно вошел крейсер под боевым белым флагом с солнечным кругом посредине, разбросавшим широкие красные лучи. Вошел не только без разрешения властей, но даже не считая нужным предупредить их. А всего два дня спустя прибыл еще один японский, а также американский, английский и даже китайский крейсеры. «Для защиты проживающих во Владивостоке японских подданных» в город был высажен японский десант. Началась интервенция. Американцы и англичане объявили, что они явились, чтобы, якобы, защитить поднявших в России мятеж чехословацких солдат. Что же касается японских милитаристов, то у них еще с самого начала века зрели планы завоевания не только наших дальневосточных земель, но даже и Сибири. Теперь в Стране Восходящего Солнца решили, что наконец наступил долгожданный удобный момент. И хотя японский консул широковещательно объявил: «Императорское правительство не намерено вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России», - японская армия очень скоро вступила в войну на стороне белых, а во Владивостоке на целых пять лет бешено завертелся калейдоскоп правительственной чехарды, нескончаемой и, чаще всего, кровавой. Большевистские и меньшевистско-эсеровские советы; восставшие белочехи и Временное правительство Приморской областной земельной управы; возжелавшие политической власти и дважды бравшие ее купцы братья Меркуловы и два колчаковских наместника, сначала генерал Иванов-Ринов, затем генерал Розанов; плюс еще два генерала: Молчанов и «воевода земского края» Дитерихс. Последнее сальто-мортале в этом поистине убийственном цирке уже перед приходом Красной Армии в 1922 году совершило правительство кооператора Сазонова и профессора Головачева. Но даже это далеко не полный перечень политических катаклизмов, потрясавших Владивосток на протяжении долгих пяти лет. Впрочем, при всем этом трагическом мельтешении разномастных правительств, реальная власть принадлежала японским оккупантам.

Разведка и контрразведка русской армии прекратили свое существование вместе с Российской империей, и Василий остался

не у дел. Преподавание дзюдо не обеспечивало достаточных средств существования, и ему приходилось, кроме этого, еще служить переводчиком в конторе некоего Хунтера, исполнять поручения таможенного экспедитора и даже пытаться получить разрешение на закупку и завоз японской обуви для торговли ею.

В анкете «уголовного» дела Ощепкова говорилось о его службе в колчаковской армии переводчиком. Меня, естественно, интересовало, как он попал туда: добровольно или по мобилизации? В архиве ГРУ я получил на это точный ответ, полностью рассеявший смущавший меня информационный туман. В 1919 году колчаковцы мобилизовали Василия и откомандировали в японское Управление военно-полевых сообщений. Работая там переводчиком, он все еще продолжал преподавать в спортклубе. Но кроме этого, у него очень скоро появилось и еще одно «совместительство». Вероятно, с помощью своего старого, еще семинарского приятеля Трофима Юркевича, переводчика Главного штаба японских экспедиционных войск и нашего разведчика, Василий устанавливает связь с Осведомительным отделом подпольной Рабоче-Крестьянской партии большевиков.

Он не разделял коммунистической идеологии и членом партии никогда не был. Даже несколько лет спустя служебная характеристика Разведупра определяет его взгляды как «сменовеховские» («Сменовеховцами» называли ту часть белой эмиграции, которая, издавая журнал «Смена вех», настаивала на сближении с Советской Россией). Просто, он слишком хорошо знал о давних японских планах захвата наших земель и, как убежденный русский патриот, начал свою героическую и смертельно опасную борьбу с оккупантами. Василий любил замечательную древнюю культуру Страны Восходящего Солнца, ее трудолюбивый талантливый народ, но, вместе с тем, изнутри познал и ненавидел кровавые повадки и давнюю антирусскую устремленность агрессивного японского милитаризма. Беспардонная интервенция возмущала и до глубины души оскорбляла его. Это и определило его выбор, только и возможный для истинного патриота. Ведь единственной силой, реально противостоявшей интервентам, являлись большевики. Вот почему, хорошо

зная, как «разделяют» подследственных заплечных дел мастера в японской жандармерии, Василий, тем не менее, шел на огромный риск и сотрудничал с красным подпольем. Служил не партии, а только лишь своей родной униженной и ограбленной России.

Через Управление военно-полевых сообщений проходило немало секретных документов и, благодаря «колчаковскому переводчику», все они становились известны антияпонскому подполью. И будет вполне справедливым сказать, что в общем деле освобождения российского Дальнего Востока была доля и его героического, столь опасного труда.

Когда же оккупанты убралась восвояси, Василий отправился на Сахалин, в свой родной Александровск, где ему, возможно, все еще принадлежали два отцовских дома. Купил кинопроектор «Пауэрс» и стал зарабатывать на жизнь, демонстрируя там фильмы. Очень скоро весь Дальний Восток был снова присоединен к России, лишь Северный Сахалин продолжали топтать японские интервенты. И это создавало необходимость получения информации об их воинском контингенте на острове. А во Владивостоке не забыли об Ощепкове. По рекомендации того же Юркевича, поручившегося за своего старого товарища, теперь уже советская военная разведка обратилась с предложением сотрудничества. Василий сразу же согласился. Наглухо отрезанный от советской действительности, он заведомо идеализировал советскую власть. Видел в ней не только носительницу народной справедливости, но и твердую защитницу российских интересов на Дальнем Востоке.

Впоследствии, уже возвратившись в Россию, Василий объяснил свое решение так: «Я командирован нашей армией на опасную и важную для Родины работу. На эту работу может встать человек, прежде всего, глубоко любящий свою Родину и ненавидящий вечного и хитрого врага России. Я истинный русский патриот, воспитанный хотя и в японской школе. Но эта школа научила меня любить, прежде всего, свой народ и Россию. Я воспитывался на средства русской армии, чтобы посвятить себя вечному служению Родине, что я и делаю с 1914 года».

Начиная почти с первых же «перестроечных» лет, в нашей прессе было опубликовано множество самых различных секретнейших документов советского времени. Но я уверен, что такого еще не читал никто.

Секретно

Подписка

Действительно на один год

1923 года, сентября 1 дня

На агента Василия Ощепкова (подпись)

Я, нижеподписавшийся Василий Сергеевич Ощепков, поступивший в Отдел Агентурной Разведки 5 армии, даю настоящую подписку в том, что

- 1. Все возложенные ею на меня обязанности я обязуюсь точно и скоро исполнять.*
- 2. Не разглашать никаких получаемых сведений.*
- 3. Все сведения после тщательной проверки обязуюсь передавать своему начальнику или лицу, указанному им.*
- 4. Не выдавать товарища-сотрудника, служащих Отдела Агентурной Разведки, хотя бы под угрозой смерти.*
- 5. Не разглашать о деятельности Отдела, а также о штате вообще и не произносить слов «Агентурной Разведки».*
- 6. Признаю только Советскую власть и буду работать только на укрепление добытой кровью трудового народа Революции.*
- 7. Мне объявлено, что в случае неисполнения указанного в подписке моя семья будет преследоваться наравне с семьями белогвардейцев и контрреволюционеров.*
- 8. Требую смертного для себя приговора, если разглашу какие-либо сведения и буду действовать во вред Советской Власти, в чем и подписуюсь.*

Подпись: Василий Ощепков

Настоящую подпись удостоверяю: Уполномоченный для поручений (подпись неразборчива).

Василия отнюдь не смутил этот дышавший революционной кровожадностью документ, и он, твердо убежденный в благородной правоте своего дела, спокойно подписал его.

Теперь вы имеете полную возможность оценить не только сам типографски отпечатанный текст подписки, но и ее стилистическую «прелесть». Не слишком высокая грамотность и достаточно примитивный нищенский уровень сквозил буквально во всем. Так, ни в одном из двух дел фотографии агента не имеется. Эти технические выходы преодолеть еще не удалось. Но в собственноручно заполненной Ощепковым анкете, из которой я и почерпнул все неизвестные мне прежде биографические данные, обращает на себя внимание заключительный абзац: «С согласия Начальника Отдела буду работать под псевдонимом (кличкой) Д.Д.». Не иначе, как Василий вспомнил здесь свой любимый спорт - «Дзю-до».

Глава 5

Резидент «Д.Д.» начинает работу

ЕСЛИ В тридцатые годы в Советском Союзе уже была создана лучшая в мире разведка, то в начале двадцатых она пребывала в самом незавидном состоянии. Иностранные разведслужбы уже располагали всеми чудесами шпионской техники тех лет: миниатюрными фотокамерами; прибором, способным наносить на стекло очков невидимый без микроскопа объемистый текст; тайниками в зубных коронках; мудреными шифрами и, конечно, симпатическими чернилами. А Василий был вынужден писать открытым текстом на внутренней стороне конверта или между строк письма такими «новейшими» симпатическими чернилами, как луковый сок, которым и ограничивались все его «технические средства». К тому же, этим «луковым горем» его заботы, отнюдь, не исчерпывались. Еще приходилось категорически требовать от начальства, чтобы связник - механик с российского парохода - «не предавался бы вину, пока не выполнит поручения, то есть не передаст мне Вашу информацию и не примет и отвезет на пароход, спрятав в надежном месте, для Вас информацию. Курьеру, явившемуся в пьяном виде, информация доверяться не будет. Этот вопрос у нас с Вами больной! Никакие словесные поручения курьеру не делайте, так как по этому делу я никаких разговоров вести не буду. Курьер не должен идти сразу ко мне, а только побродив по городу, так как за высадившимися пароходными служащими по пятам следует жандарм, филер. Мне же ходить на берег и встречать моториста сейчас нельзя, так как на берегу во время прихода русского парохода всегда стоят дежурные жандармы, которые меня хорошо знают, и мое шатание по берегу, иногда допоздна, в ожидании моториста, может только навести подозрение. Вам неизвестна строгость кордона на Погибях, который обязательно обыскивает не только груз, но и возчиков». Вполне естественно, что вынужденный работать в таких отчаянных и совершенно неприспособленных, примитивных условиях Ошепков был обречен рассчитывать только на себя: «Работал исключительно своими силами. Я человек из тех немногих, кои верят только в себя».

И заметьте, не Василия инструктируют, а совсем наоборот, этот разведчик-новичок

инструктирует начальство. Сообщает о методах слежки жандармерии; указывает, где связнику может грозить особая опасность; предлагает наиболее эффективные методы работы и меры безопасности. Просит, в частности, назначить его сахалинским агентом российского общества «Доброфлот», которое осуществляло связь с островом. Это позволило ему, не вызывая подозрений, являться на пароходы для получения письменных заданий, пересылавшихся в жестяных коробках монпансье или зубного порошка с двойным дном.

Я хотел, было, написать: «Этот замечательный человек был прирожденным разведчиком». Но ведь и в сфере японского языка, спорта, рукопашного боя, он тоже был таким же «прирожденным». И, наверное, правильнее будет сказать, что просто был это всесторонне одаренный русский человек. Такой же талантливый, как увиденный в жизни и описанный Лесковым тульский мастер Левша, который, работая самыми примитивными инструментами, сумел превзойти прекрасно оснащенных английских коллег. И можно сколько угодно, глуповато хихикая, иронизировать над этим, поистине знаковым русским образом. Только вот, так уж сложилось испокон веку, что нам, русским, приходится выполнять одинаковую с иностранцами работу, однако в значительно более трудных условиях. И ведь делаем! Делаем не хуже, а частенько даже и превосходя их! Разве непрофессионал, простой уральский инженер Николай Кузнецов, самоучкой овладевший безукоризненным немецким языком, не стал одним из лучших разведчиков в сложнейших условиях прошедшей войны?! И точно так же, как Кузнецов, Ошепков был «человеком, сделавшим самого себя». Необыкновенно одаренный, он совершенно самостоятельно разработал наиболее эффективные методы своей работы. И можно только удивляться, насколько профессионально сделал это начинающий разведчик, не имевший никакой специальной подготовки и даже достаточного опыта.

Материалы личного дела ГРУ и очень нестандартно, своеобразно и образно составленные Василием донесения позволяют восстановить методы его успешной работы. Как и у Кузнецова, у него в активе было

только отличное знание языка. Но Василию не составило большого труда перезнакомиться чуть ли ни со всем офицерским корпусом оккупированной северной половины острова. Японцы охотно шли на контакт с доброжелательным и общительным русским, хорошо знавшим и уважавшим их обычаи. К тому же знавшим японскую литературу, искусство и историю, пожалуй, даже лучше некоторых из них. Что же касалось господ жандармов, исполнявших контрразведывательные функции, то для них было специально установлено даже бесплатное посещение любого сеанса в небольшом ошепковском кинотеатре. А специально для солдат обаятельный кинобизнесмен не только устраивал в гарнизонах бесплатные выездные сеансы, но даже выступал в роли «бэнси». Это японское слово Ошепков переводил как «говорун». Звукового кино в те годы еще не было. И если у нас фильмы «озвучивали» пианисты-таперы, то в Японии это делали «бэнси». Своих фильмов там почти еще не было. И «говорун» не только переводил западноевропейские титры, но и пояснял детали абсолютно чуждой японцам западной жизни.

Ошепковские благотворительные сеансы гармонично сочетали приятное с полезным: скучавшие на чужбине солдаты получали хорошее развлечение, а Василий - хорошую возможность добыть ценные разведанные. Стоит ли удивляться, что очень скоро во Владивостоке получили первое донесение начинающего разведчика. Удивление мог вызвать только сам этот двадцатистраничный машинописный материал, тайком, по ночам, отпечатанный кинопредпринимателем на папиросной бумаге.

Я читал это разведывательное донесение и не мог не восхититься его удивительной исчерпывающей полнотой, сравнимой, разве что, с тем, чем располагало само японское командование. Начиная с полных биографий высшего и старшего командного состава (происхождение, семейное положение, образование, прохождение службы, участие в военных кампаниях, награды и т.п.) и кончая точной численностью и вооружением гарнизонов даже небольших населенных пунктов; от солдатских настроений до чисто экономических данных о хищнической эксплуатации оккупантами природных богатств острова. Будь моя власть, я бы непременно выставил этот интереснейший экспонат интереснейшего и сложного времени в музей нашей разведки. А Ошепков приобретает фотоаппарат, быстро овладевает искусством съемки и увлеченно запечатлевает

прекрасные сахалинские пейзажи и мужественный облик своих знакомых «самураев». Но на стол разведотдела во Владивостоке ложатся фотографии японских боевых кораблей, аэролодок и населенных пунктов с подробным и точным обозначением размещенных в них военных объектов.

Обрадованное столь богатыми результатами начальство сыплет все новые и новые задания: «Установите срочно нумерацию частей японского гарнизона на Северном Сахалине от роты и отдельной команды до армии включительно... Вышлите подробную карту хотя бы на японском языке». Карта поступает во Владивосток с припиской разведчика, которая дает ответ и на предшествовавший запрос об экономических планах оккупантов: «На карте восточного побережья Сахалина красным карандашом мной обозначены нефтяные места, изыскания на которых дали благоприятные результаты». (Среди перечисленных Василием фирм, собиравшихся качать русскую нефть, бросается в глаза уж очень знакомое сегодня название «Мицубиси»). Он сообщает также, что выслать подлинники японских секретных документов не сможет, но постарается их сфотографировать.

Очередная почта ставит задание раздобыть новые уставы японской армии и прислать их переводы. «Задачи, выставленные Вами настолько трудны, что опыта на этой почве явно не хватает. К тому же, это дело заставляет меня, человека частного, сделаться военным... Заставляет взяться за изучение военного японского письменного языка, так как это работа по специальным военным терминам...».

Здесь необходимо разъяснить, что перевод военных текстов требовал отменного знания специальной военной терминологии, поскольку в них зачастую самые обыкновенные и понятные слова обретали свой особый, совершенно непонятный для штатского смысл. А никаких военных японо-русских словарей тогда еще не существовало. Но это, конечно, не может остановить «частного», то есть штатского человека Ошепкова. Он только запрашивает: «Для пособия к переводу японских уставов, если мне удастся их раздобыть, прошу Вас выслать мне наши старые уставы старого режима и японский устав в переводе, сделанном Блонским в 1909 году. Устав Блонского, правда, устарел, но в смысле терминологии поможет мне. Работа серьезная, ответственная, и, не изучив детально дела, давать голословные сведения я не могу...»

Последняя фраза отлично показывает от-

ветственное, добросовестно-вредливое отношение молодого разведчика к своей нелегкой работе, его готовность даже в опасном японском окружении приняться за дело, которое отнюдь не входит в его профессиональные разведывательные функции - длительную, трудоемкую работу по переводу новых японских уставов. Если нужно, значит, будет сделано...

А новые задания идут в Александровск сплошным конвейером: «Хотелось бы иметь ответы на следующие вопросы: общий обзор сахалинской японской армии и гражданских учреждений... Есть ли намерение эвакуации и ее срок?... Были ли какие-либо пополнения или уменьшения армии в 1923 году?..»

К сожалению, однако, это была дорога с односторонним движением. Необходимые для работы деньги высылаются в Александровск крайне неаккуратно, с длительными задержками и после многих напоминаний. А вот скрупулезные отчеты в расходовании каждой копейки требуют неукоснительно и категорично. Счета, выписанные на японском, приказывают непременно переводить на русский язык. И это при всем том, что пересылка этой никчемной и мелочной бухгалтерии только создает совершенно ненужный риск.

Для демонстрации в японских гарнизонах, да и в своем кинотеатре необходимы новые фильмы, и разведчик просит прислать их. Однако его обращения оказываются недостаточно: начальству нужны дополнительные «подтверждения» обоснованности этой просьбы. И вот, к делу подшивается секретный рапорт завагентурой Арканова начальнику разведчасти 17-го Приморского корпуса: «Со слов маршрутного агента Иванова подтверждается необходимость снабжения резидента «Д.Д.» картинками и биноклем цейса для наблюдения за японскими судами. Прошу для пользы дела обратиться от имени Корпуса в Примгубисполком (киносекция ГУБОНО) о выдаче».

Бинокль - имущество военное, и резидент вскоре его получает. Но вот победить губисполкомовских культуртрегеров оказалось не по силам ни разведчасти, ни всему Приморскому корпусу в полном составе. Расстаться с фильмами ни для какой «пользы дела» могущественная киносекция не желала. И Василий так и остался без того, что было насушно необходимо для дальнейшей работы. Уж потом ему удалось за собственный счет закупить фильмы с помощью своего старого товарища Трофима Юркевича.

Сегодня трудно даже поверить, что по-

добный «театр абсурда» мог существовать, но такова была реальность начала двадцатых годов. Случались и другие нелепые ситуации, когда опасность вдруг возникала с совершенно неожиданной стороны.

«Гражданин Буриков изжил меня... С японцами я здесь справлюсь скорее, чем с русскими языками», - написал Ощепков. А стояло за этими непонятными словами вот что. Василий, который к этому времени уже был женат, имел в «Доброфлоте» какой-то приработок, так как его киносеансы, среди которых было немало бесплатных - солдатских, давали весьма скудные доходы. Буриков, то ли завидуя «богатству» «владельца кинотеатра», то ли претендуя на его должность в «Доброфлоте», затеял грязные интриги с бесконечными сплетнями, жалобами и, похоже, даже выслеживанием, дабы уличить своего врага в нерадивой работе в «Доброфлоте». В обыденной обстановке подобное пристально-клеветное преследование могло бы вызвать всего лишь отвращение. Но когда под таким самодеятельным колпаком оказывается разведчик, это уже грозит непредсказуемо опасными случайностями, вплоть до глупейшего провала. Во Владивостоке это поняли, и больше Ощепков уже не упоминает о своем неутомимом ненавистнике, которого, вероятно, немедленно отозвали. Справиться с «гражданином Буриковым» разведотделу оказалось значительно легче, чем одолеть строптивых губисполкомовских бюрократов, владевших кинолентами.

Оценив богатейшие возможности резидента, начальство пишет, что ему «переброситься необходимо на Южный Сахалин, так как с 1918 года мы совершенно не знаем положения там». В отличие от российской северной, только теперь оккупированной половины, южная часть острова отошла к Японии еще после русско-японской войны 1904-1905 годов и, являясь «иностранной территорией», была сплошным белым пятном для Разведупра. Однако у резидента были свои собственные значительно более смелые и масштабные планы, чем у его начальства. Он выдвинул встречное предложение: «переброситься» не на Южный Сахалин, а в самое сердце Японии - ее столицу. И предложение это отнюдь не было бездумно авантюрным. Оно было, как обычно, тщательно и всесторонне продумано, а к его осуществлению Василий уже даже начал готовиться: получил очень теплое благодарственное письмо от японской администрации острова - Военно-административного управления, загодя договорился с жандармерией об упрощенном оформле-

нии разрешения на въезд и поделился со знакомыми офицерами своими планами киносбизнеса на их родине. Ими это было встречено с одобрением и со значительно большим пониманием, чем в разведотделе. Судя по тому, что происходило в дальнейшем, начальство слегка даже ошеломило этот отчаянно рискованный, но столь же заманчивый план. Весьма вероятно, что тогда, в 1923-24 годах, кроме дипломатических работников, крайне ограниченных в своих возможностях, в Японию вообще не были внедрены наши разведчики, и Ощепкову предстояло стать первопроходцем на этом рискованном неизвестном, непроторенном пути. Во Владивостоке, конечно же, понимали огромные выгоды этого отчаянного предприятия, но столь же хорошо знали о своих скудных финансовых возможностях, едва ли способных выдержать подобную валютную нагрузку.

«Главная маска, все-таки, будет кинематограф», - писал разведчик и получал ответ: «Предложенная Вами маскировка требует максимум времени и средств, которыми мы не располагаем в настоящее время». Для работы в Японии Василий просил снабдить его новым кинопроектором и фильмами. А ему рекомендовали вообще отказаться от «киномаскировки» и отправиться туда «как обыватель-беженец», чтобы постараться за-

тем устроиться переводчиком «в одно из гражданских правительственных учреждений Японии». Понимая полную бесперспективность подобного предложения, Ощепков категорически отказывается ехать в Японию, кроме как в качестве кинематографиста. Однако, вместо кинооборудования и финансовых средств, получает столь модное в те тяжелые годы пламенное демагогически-пропагандистское обращение, орфографию которого я сохраняю:

«Уважаемый товарищ

*Работа необходимая государству еще в зачаточном состоянии, намечаются только ее ве-
хи, насчитывается почва, а потому Ваше пред-
ложение, бесспорно хорошо но при отсутствии
материальных средств в настоящее время не вы-
полнимо, тем более, что Дальний Восток еще
оправляется от нанесенных ему экономических
разрушений интервенцией. Наша цель при ми-
нимальных затратах, подробно осветить наше-
го врага Империалистическую Японию. В этом
отношении Вы можете как человек знаю-
щий быт и условия жизни Японии. Всем, чем
можем мы содействовать Вам, в Вашей труд-
ной работе мы представим, но больше можем
только обещать в будущем, с восстановлением
нашего экономического быта. И так Уважае-
мый Товарищ - РСФСР ждет от Вас граждан-
ского долга...»*

Глава 6

Здравствуй, Япония!

Скорее всего, работа в Японии была бы сорвана, если бы один умный, смелый и профессионально очень грамотный человек не вписал рапорт, адресованный непосредственно заведующему агентурой разведчасти 17-го Приморского корпуса: «Считаю своим гражданским долгом указать на неправильную и вредную для дела точку зрения,

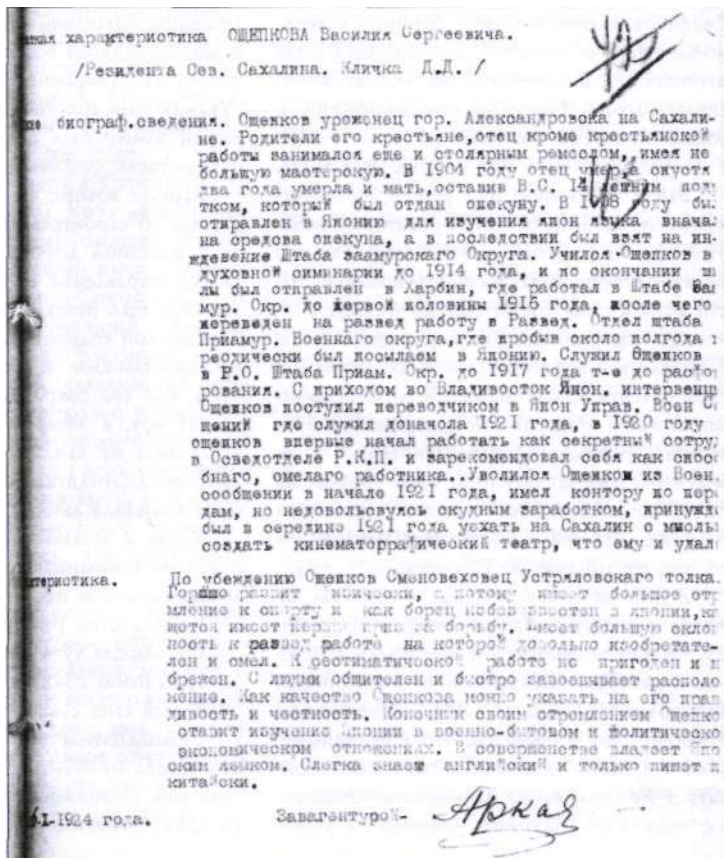
изложенную в вашей инструкции товарищу Ошепкову от 28 сентября с.г. Отказ удовлетворить просьбу тов. Ошепкова в высылке ему аппарата и картин, а также предложение поступить на службу к японцам стоит в полном противоречии с данной ему задачей и знаменует собой связывание по рукам и ногам этого отважного и талантливого разведчика, на редкость мастерски владеющего японским языком, преданного и любящего свое дело. Кинематография - это самый верный и надежный способ для проникновения в среду военной жизни всех родов оружия, тогда как должность переводчика герметически закупоривает человека на весь день, с 10 до 5 часов вечера, между четырьмя стенами одного только избранного учреждения. Что касается службы переводчиком в самой Японии, то это в отношении военных и правительственных учреждений вовсе невозможно, так как в Японии нет необходимости в переводчиках на русский язык.

С другой же стороны, в японской армии существует обычай, обязывающий владельцев кинотеатров устраивать для солдат льготные киносеансы. Такое положение вещей дает широкую возможность тов. Ошепкову вести точный учет всех частей, бывать в штабах и фотографировать различные приказы, таблицы, условные сигнализации, орудия, укрепления, военные суда с их артиллерией. Проникать в запрещенные для посторонних лиц районы, как Ныйский залив, где расположен 12-й батальон. Вести широкие знакомства, появляться в нужное время в различных местах. Маскировать свои личные средства, если будет необходимость вести жизнь, превышающую норму получаемого содержания и вообще успешно выполнять все возложенные на него поручения». (Забегая вперед, отмечу, что Василию в будущем отнюдь не приходилось «вести жизнь», затраты на которую являлись бы «превышающими сумму содер-

жания». Скорее, совсем наоборот.) К большому сожалению, я не имею возможности назвать имя автора этого решающего документа: под ним нет подписи. Но я думаю, что был это все тот же Трофим Юркевич, работавший в зарубежной разведывательной системе ОГПУ. Об этом говорит его исчерпывающая осведомленность о работе Василия, которому он помогал, а также сама форма обращения: не в служебном порядке, а лишь в силу гражданского долга. Только так и мог обратиться специалист, задействованный не в армейской разведывательной, а в иной аналогичной системе.

Разумеется, подобный рапорт никак не мог быть анонимным. Должно быть, в деле подшита всего лишь его машинописная копия, в которой, по каким-то соображениям, специально не проставили подпись. А подлинник для согласования отправили на самый верх, где действительно знающие люди немедленно дали «добро». Возможно, действовало и то, что автор рапорта был

Характеристика Ошепкова из его личного дела (архив ГРУ)

из ОГПУ, с которым у армейской разведки складывались не слишком теплые отношения. ГПУ все-таки побаивались...

Дело сразу же сдвинулось с мертвой точки, завертелась официальная машина. Нужно сказать, что, как это ни странно, но в то время разведработа велась децентрализовано, непосредственно воинскими частями, дислоцированными в соответствующем регионе. И вот, начальник разведчасти штаба Первой Тихоокеанской дивизии направляет начальнику Разведупра штаба РККА при 19-ом корпусе два упоминавшихся мною личных дела и характеристику резидента. Она состоит из биографической части, которую я опускаю, и собственно характеристики, которую привожу, исправив грамматические ошибки: «По убеждению Ощепков - сменовеховец Устряловского толка. Хорошо развит физически, а потому имеет большую склонность к спорту и как борец небезызвестен в Японии. Кажется, имеет первый приз за борьбу. Имеет большую склонность к разведработе, на которой довольно изобретателен и смел. К систематической работе непригоден и небрежен. С людьми общителен и быстро завоевывает расположение. Как качество Ощепкова можно указать на его правдивость и честность. Конечным своим стремлением Ощепков ставит изучение Японии в военно-бытовом и политическо-экономическом отношении. В совершенстве владеет японским языком. Слегка знает английский и только пишет по-китайски.

26-X-1924 года».

Выезд в Японию был решен, но современного мощного кинопроектора, который просил Василий, ему не дали. Так что богатая перспектива посещать воинские части отпала сама собой еще до отъезда.

Для оформления Василия вызвали в Хабаровск, и он отправился туда, объяснив свой отъезд с Сахалина необходимостью лечения жены и закупки новых фильмов. Интересны формальности того времени: с резидентом был заключен договор сроком на год с выплатой в виде зарплаты трехсот иен в месяц. Это было на сто иен меньше того, что он получал на Сахалине.

В деле не говорится, как и в каком качестве разведчик пересек китайскую границу, но уже в Шанхае он встречался со своим куратором Шадриним и сотрудником иностранного отдела ОГПУ «товарищем Егором». Тот усомнился, что с такими незначительными деньгами можно что-то сделать в Японии и, по выражению Ощепкова, «нажал на Шадрину», настояв на увели-

чении зарплаты. Теперь она возросла до четырехсот иен, с условием, что в эту сумму войдут и расходы «по содержанию комнаты для свидания с сотрудниками», то есть явочной квартиры. Плюс суточные при поездках - пять иен и расходы на гостиницы - три иены в сутки. Но, вместе с тем, «товарищ Егор» просил давать для его системы чисто экономические сведения. Василий не соглашался, но теперь уже на него «нажал» Шадрин и добился согласия. Впрочем, впоследствии Ощепков все-таки отказался от сотрудничества с ГПУ, сославшись на свою экономическую неподготовленность. Но тогда, в Шанхае, среди многого прочего он сообщил «Егору» исчерпывающие сведения о реальных сроках, в пределах которых японцы были способны эвакуировать свои войска с Сахалина. Именно эти сведения позволили полномочному представителю СССР в Китае Л. М. Карахану успешно провести переговоры с Японией и освободить от оккупантов островную российскую территорию.

Случилось, однако, так, что в Китае Василию довелось решать не только служебные, но и личные проблемы. Какое-то время он оставался в Харбине, в новом городе в районе Чурина, на Стрелковой улице, дом 25, у своего знакомого переводчика с забавной фамилией Незнайко. Имеющееся в деле Ощепкова сообщение об этом напечатано на папиросной бумаге и подписано: «Уважающий Вас № 13». Такой уж несчастливый номер был присвоен резиденту его начальством.

Харбин возник в начале прошлого века в связи со строительством российско-китайской железной дороги (КВЖД). Там находилось управление дороги и многие службы. Это был русский город с собственной Харбинской епархией, мужскими и женскими гимназиями и русскими названиями улиц. Все это сохранялось в двадцатые годы. И вот, в этом-то российском городе, выросшем на китайской земле, сердце нашего тридцатидвухлетнего железного супермена поразила любовь с первого взгляда.

Когда я думаю о его избраннице, мне невольно вспоминаются слова известной белоэмигрантской песенки:

Гимназистки румяные,
От мороза чуть пьяные,
Грациозно сбивают
Талый снег с каблучка...

Семнадцатилетняя Машенька только что успела окончить последний класс классической гимназии. Вчерашняя гимназистка тоже полюбила Василия, несмотря даже

Это фото Василия
Сергеевича с женой
Марией сделано в
Японии

на тс. —о он, как тогда говорили, уже был связан брачными узами. Влюбленный немедленно обратился в Харбинский епархиальный совет с ходатайством «о расторжении брака с Екатериной Николаевной, урожденной Журавлевой». А получив положительный ответ, тут же повел к венцу свою любимую. И теперь в Страну Восходящего Солнца, в город Кобэ кинобизнесмен, бывший подданный бывшей Российской империи, не имевший ничего общего с враждебным Советским Союзом и, к тому же, активно сотрудничавший с японцами еще с 1920 года и во Владивостоке, и на Сахалине (недаром сахалинское жандармское управление не только выдало ему удостоверение о полной «политблагонадежности», но и всего за один день обеспечило получение разрешения на выезд в Японию без предъявления обязательного «реверса»), направлялся уже не один, а в сопровождении юной супруги.

В Японии издревле существовала хорошо организованная система шпионажа и контршпионажа, отслеживания, доносов. К тому же, на протяжении нескольких веков, и совсем не бесосновательно, там складывалось опасно-подозрительное отношение к европейцам — «белым варварам», которые беззастенчиво пользовались военно-техниче-

ским превосходством в своих корыстных интересах. И в двадцатые годы японцы одинаково тщательно следили и за советскими гражданами, и за белыми эмигрантами. Это было хорошо известно Василию. Понимал он и то, что при всех его отличных аттестациях полиция непременно будет интересоваться им, но такого пристального внимания к своей персоне, с каким ему пришлось столкнуться, он никак не ожидал. Ему не составило большого труда заметить постоянную слежку во время всех передвижений по городу и поездок в другие города.

Обслуживающему персоналу японских гостиниц вменялось в обязанность наблюдать за подозрительными постояльцами, особенно иностранцами, и просматривать их вещи во время уборки номеров. Поэтому, выходя из гостиницы вместе с женой, Василий, якобы, небрежно, но с некоторыми неприметными особенностями раскладывал журналы поверх своих вещей. И всякий раз отмечал чуть заметные изменения в расположении журналов. Кроме того, на другой же день после того, как Ощепковы поселились в гостинице, в дверь их номера постучал офицер полиции. И хотя такие обязательные полицейские посещения вряд ли могли быть приятны, Василия обрадовал этот неожиданный визит: в чиновнике полиции по иностранным делам он узнал Сиба Набути, с которым познакомился еще во Владивостоке. Так что ему не пришлось слишком сильно лгать, говоря о том, как приятно снова встретить старого знакомого. То, что персонально «закрепленный» за ним полицейский чин был свидетелем «сотрудничества» Ощепкова с японцами, могло принести только пользу. И несмотря на то, что регулярные визиты Сиба имели сугубо официальный характер, в номере гостеприимной русской семьи его всякий раз угощали вкусным обедом или ужином с непременно горячим сакэ. А со временем даже стали давать деньги «взаймы». Так что, в конце концов, появления офицера у Ощепкова стали значительно больше походить не на строгий полицейский контроль, а на посещения добрых знакомых. Впрочем, и в этих условиях Сиба не забывал о своих служебных обязанностях и однажды в разговоре, как бы между прочим, поинтересовался политическими взглядами любезного хозяина.

Похоже, что в характере Василия мудрая предусмотрительность и тщательная продуманность каждого шага каким-то совершенно непостижимым образом уживались с лихим, по-мальчишески озорным и

опасным авантюрным риском (Может быть, именно это казалось автору его характеристики «небрежностью?»). На вопрос Сибя он ответил вполне серьезно:

- Моя партия - «Дэ-дэ».

Едва ли было уместной проделкой в открытую называть в разговоре с полицейским свой разведывательный псевдоним, но ведь «есть наслаждение в бою у бездны страшной на краю»! И случилось так, что вызывающе двусмысленный рискованный ответ резидента, посмеивающегося в душе над своим «гостем», принес неожиданную и немалую пользу.

- А что это за партия? Я никогда не слышал о ней, - удивленно насторожился Сибя.

А услышав ответ:

- Партия «Дэ-дэ» означает «Деньги, деньги», - неожиданно громко расхохотался.

Побагровевший от смеха и сакэ, он снял очки и промокнул носовым платком выступившие слезы.

- Очень остроумно, Ошепков-сан... Хотел бы я сейчас увидеть физиономию нашего харбинского агента... Какая глупая ошибка! Могу теперь доверительно сказать вам, что из Китая мы получили сообщение: пароходом «Натясами-мару» в Японию направляется под видом кинематографиста советский шпион по кличке «Дэ-дэ». И что этот «Дэ-дэ» докладывал о положении на Сахалине послу Карахану, от которого получил соответствующие инструкции. Понятно, что за Вами установили строгое наружное наблюдение. Но теперь недоразумение разъяснилось, и наблюдение завтра же будет снято.

Василий тоже старался как можно естественнее смеяться, хотя и не мог не ощутить смертельный холодок опасности, которая и на этот раз, хоть совсем близко, но прошла мимо. Продолжая весело улыбаться, он пояснил, что партия «Дэ-дэ» - якобы, модная на Сахалине острота. И он не раз повторял ее, когда жил в одном из русских пансионатов Харбина. Объяснял, а в голове все время стучало: немедленно сообщить, что в посольстве - предатель, немедленно сменить известный японцам псевдоним...

- Я могу только благодарить судьбу, что мое дело попало в руки такого опытного и умного специалиста, как Вы, уважаемый Сибя-сан. Ведь иначе...

- Да, иначе, - перебил его полицейский, - иначе это могло бы огорчительно прервать Вашу успешную кинематографическую деятельность, уважаемый Ошепков-сан...

Так первоначальный, ставший слишком

Таким был Ошепков в Токио

опасным, псевдоним сменился новым - «Черный монах», или просто - «Монах». Должно быть, сотруднику разведотдела, предложившему его, вспомнилось семинарское прошлое разведчика, А затем был и еще один псевдоним - «Японец».

Перебравшись в Токио, Ошепков первым делом решил утолить «книжный голод» разведотдела. Отправился покупать японские армейские уставы, наставления и другую несекретную военную литературу, которая во всем мире находится в свободной продаже. Так что никакого подвоха в этом деле никак нельзя было ожидать.

В магазине, специализировавшемся на военной литературе, миниатюрная японочка в нарядном кимоно обслуживала покупателя в строгом черном штатском костюме, уже не молодого, но с явно военной выправкой и крохотными усиками («Совсем как у Чарли Чаплина», - мысленно улыбнулся Василий).

Продащица ловко завернула стопку различных уставов в цветастую бумагу, перевязала ленточкой и протянула покупателю со словами:

- Пожалуйста, извините меня, господин, но мы обязаны записывать имя и адрес всех покупающих литературу подобного рода.

- Полковник запаса Хаяси Вакиндэ, - отчетливо и громко, словно команду, проговорил «Чаплин» и назвал свой адрес.

- Благодарю Вас, Хаяси-сан, - поклонил-

лась продавщица и повернулась к Ощепкову, отвесив новый поклон.

- Что желает господин приобрести? - за ее изысканной японской вежливостью чувствовалось удивление и любопытство из-за европейской внешности нового покупателя. А у покупателя пронеслось в голове: «Ну, спасибо полковнику! Ведь так глупо было бы привлечь внимание жандармерии из-за такой ерунды». На улыбку японочки он ответил широкой улыбкой и спокойно спросил:

- Мне сказали, что вышла интересная книга об истории средневековых войн Японии. Есть она у вас?

Как он точно рассчитал, приобретатели «сдобной» литературы жандармерию вовсе не интересовали, и в угрожающий кондуит его фамилия внесена не была.

Еще на Сахалине Ощепков решил, что первым, к кому он обратится за помощью, будет бывший семинарский одноклассник и преданный друг Итигути¹.

Тем более, что тот преподавал в военном училище и имел доступ к ценной информации. И теперь было самое время посетить его и поручить покупку военной литературы. Итигути, искренне обрадованный встречей со старым другом после многих лет разлуки, сразу же согласился оказать ему эту услугу. Правда, он заметно оробел после того, как к нему домой явился жандарм, чтобы удостовериться подлинность личности покупателя военной литературы. Но все же согласился сотрудничать не столько ради денег, сколько в силу старой и крепкой дружеской привязанности. Да и платить ему друг мог только совсем немного и даже нерегулярно. Финансовая проблема, как и на Сахалине, сохранила в Японии прежнюю остроту.

В училище, где Итигути преподавал, скорее всего, русский язык, существовало строгое разделение на военных и «частных» преподавателей. Для «частных», к которым он и относился, существовал даже отдельный, изолированный корпус.

Несмотря на всю эту изощренную бдительность, Василий уже вскоре смог сообщить на ту сторону о деятельности этого своего первого агента: «Есть совершенно секретные данные о маневрах 1924 года. Похитить невозможно, при удобном случае он будет понемногу списывать эти данные... Документ из Управления военной инспекции - только в копии, ввиду припечатывания его к общей папке с секретными документами...»

Для того, чтобы читатель мог, хотя бы приблизительно, представить себе, с какими трудностями пришлось столкнуться Василию, следует процитировать пару абзацев из статьи известного историка разведки. Там он приводит «выдержки из доклада, сделанного военным агентом (то есть военным атташе - М. Л.) в Японии Генерального штаба полковником Самойловым в 1908 году». Самойлов, исходя из собственного опыта, утверждал, что «в Японии разведка является делом особенно трудным и рискованным». И что ни одно из европейских государств не имело там организованной и дающей удовлетворительные результаты разведслужбы. Этот вывод русский военный агент сделал на основании следующих особенностей характера японского народа и условий жизни иностранцев в Стране Восходящего Солнца:

1. Патриотизм японцев, воспитанных в строгих правилах преданности «престолу и отечеству» и в очень редких случаях идущих на сотрудничество с иностранной разведкой. «Предлагающие свои услуги обычно бывают принуждены к этому денежными затруднениями вследствие игры и кутежей, а так как в Японии игры запрещены, то много шансов за то, что данное лицо уже находится под наблюдением полиции, и за каждым шагом его следят, следовательно, он легко может попасться, что обыкновенно и бывает довольно скоро».

2. Скрытность и недоверчивость японцев. Их «никоим образом нельзя обвинить в болтливости. Многие из того, что в европейских странах является предметом обыденных разговоров офицеров и чиновников и пр., никогда не обсуждается вне присутственных мест, следовательно, уничтожается возможность кому бы то ни было услышать и воспользоваться этим для каких бы то ни было целей».

3. Расширительная трактовка понятия «секретность». «В Японии секретными считаются многие вещи, которые в европейских странах появляются в печати и продаются для публики: большая часть карт, все учебники военных училищ, штаты и пр. секреты».

4. Широко распространенная в стране сеть осведомителей. «Укоренившаяся среди японцев привычка шпионить и подсматривать друг за другом выработала из них отличных агентов тайной полиции. В Японии не считается позорным ремесло доносчика и шпиона».

---

¹ Понимая, что книга может привлечь внимание и некоторую японцев, я называю вымышленную фамилию агента, чтобы не бросить, тень на его нынешних потомков.

5. Хорошо организованная служба жандармерии и полиции. «Без преувеличения можно сказать, что за всеми официальными лицами, живущими в Японии, по пятам следует агент полиции. Иногда он даже не скрывается, и в случае вопроса о том, за чем он неустанно следует, обыкновенно дается ответ, что это делается для безопасности... Японцы не стесняются осматривать вещи в отсутствие владельца, прочитывать письма, подслушивать...»

Перед Ощепковым все эти трудности вставали в полный рост. Работу на новом месте, да еще во враждебной стране, не военной нашей разведкой, приходилось начинать с нулевой отметки, особенно продуманно и осторожно.

Вопреки начальственному мнению о его «небрежности», здесь Василий был очень осмотрителен, разумно нетороплив и не шел ни на какие авантюры. Резидент еще загодя тщательно разработал план работы и теперь, корректируя его в случае необходимости, приступил к неукоснительному исполнению. В Токио он поселился неподалеку от казарм Третьего полка, расквартированного в районе Адзабу, и свел доброе знакомство с хозяином соседнего фотографического агентства, сниматься в которое ходил весь полк от командира до последнего новобранца. Сердце фотографа разведчик покорило, давая выгодные заказы на изготовление рекламных фотографий с кадрами готовящихся к показу новых фильмов. Весьма возможно, что в этом случае им был «творчески использован» успешный опыт японского шпиона, который еще во время войны с Россией открыл очень недорогую фотографию по соседству с нашей воинской частью. А посещая ближайший спортивный клуб дзюдо в Адзабу, Василий познакомился непосредственно и с военнотружущими полка, на которых не могли не произвести сильное впечатление черный пояс второго дана и стоявшее за ним не совсем понят-

ное высокое мастерство европейца.

С целью расширения контактов обладатель черного пояса планировал посещать и знакомый с юных лет Кодокан, где его хорошо помнили и ценили. Однако снять квартиру неподалеку пока не удавалось. Мешали острый в те годы в Токио жилищный кризис из-за недавнего землетрясения и скудные финансовые возможности. Регулярные поездки в район Коисикава, где находилась тогда центральная школа дзюдо, требовали больших затрат не только времени, но и денег. А Ощепкову приходилось экономить даже на городском транспорте.

Но, конечно, самой первоочередной и жизненно важной, как и на Сахалине, была задача познакомиться и установить приятельские отношения с теми, кто по долгу службы должен был за ним охотиться. Каким ни покажется это удивительным, но такую «сверхзадачу» Василий сумел решить успешно и в очень короткий срок. Дело в том, что токийское церковное учебное заведение успешно использовали в своих целях не только российские, но и японские спецслужбы. Правда, задачи были при этом диаметрально противоположные: русские семинаристы старались овладеть японским языком, а японские - русским. И теперь неплохо освоившие язык будущего противника экс-семинаристы уже служили на заметных должностях и в полиции, и в жандармерии, и в контрразведке.

Сообщая о благоприятных в этом отношении условиях, Ощепков написал: «Могут спокойно работать, развивая сеть нашей работы, насколько позволит возможность. В контрразведке, полиции все агенты по русскому отделу - мои однокашники по японской гимназии. В контрразведке МВД - также чиновники из моего класса». Эти контрразведчики по дружески относились к Василию и называли его «Васири-сан», не выговаривая, как все японцы, звук «л» и заменяя его на «р».

Глава 7

Благодарность гражданину Ощепкову»

В смысле обеспечения владивостокским разведотделом необходимых условий для работы резидента в Японии повторялась сахалинская история. Деньги систематически задерживались. «Живу на деньги, получаемые от фирмы, где служу. Итигути с сентября не платил ничего, и он, благодаря личным отношениям, никогда даже не напоминает, работу продолжает...» (Здесь не могу не вспомнить остроумные слова одного высокопоставленного офицера ГРУ: «Разведка без денег - это кружок кройки и шитья в пионерском лагере».)

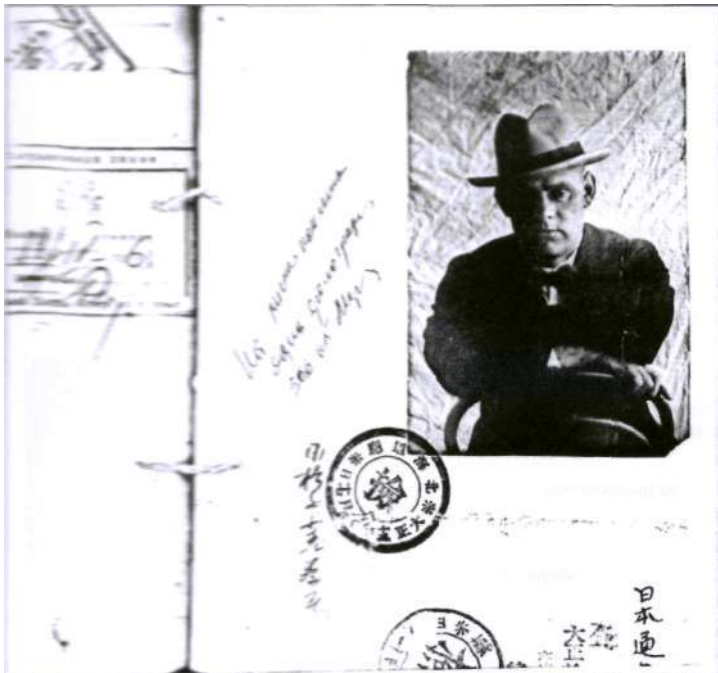
Связь тоже не была обеспечена, и Василию предлагалось самому завербовать связных в Японии: «Так как связь слаба, подыщите 1-2 человек курьеров Токио - Шанхай, не вызывая подозрений. Явку укажем». Он отвечает: «Завербовать кого-либо для связи нельзя, и здесь нет таких людей, все люди, которые продадут и выдадут. По поводу последней передачи я хотел бы высказаться отрицательно, так как, если бы не «Митрич», случайно оказавшийся в Токио, я провалился бы с головой. В дальнейшем ни под каким видом не телеграфируйте мне... Связь - цепь через «Митрича», он - хокайдскому консулу, а тот - своей связью».

А причины нависшей опасности были та-

кие. От своего полицейского приятеля Василии узнал, что советский пароход «Декабрист», с которым ему направляли «посылку», будет особо строго обыскан, а на берегу установлено «наблюдение» за всеми, как прибывшими, так и отъезжающими. Получено агентурное сообщение, что пароход нелегально везет оружие. Действительно ли на «Декабристе» переправляли оружие, или нет, и каким образом «Митрич» спас коллегу, в деле, к сожалению, никаких данных не содержится. Очевидно, однако, что если бы японцы «взяли» связника с пакетом, то карьера резидента на этом бы и окончилась. А связник этот вез такого содержания письмо: «С подателем сего высылаем два флакона: за номерами 1 и 2. Первый - для тайнописи, второй - для проявления. Писать пером или палочкой, чтобы не поцарапать бумагу. Когда засохнет, писать поверх чернилами или карандашом. Димерил-гликсил (№ 1) очень слабо проявляется. Если у вас есть более сильный раствор, этими лучше не пишите». Впрочем, если бы у разведчика и не было «более сильного раствора», писать даже «слабо проявляющимся гликсидом» он тоже бы не смог: «Ваше письмо с пароходом «Декабрист» получил. Печати целы, но флаконы пусты: вытекли... Тайнописью пользоваться не будем, потому что все это уже известно японской цензуре...» При этом он предлагал код, который, даже захватив переписку, расшифровать было не просто. Для шифровки служил русский орфографический словарь. Первая цифра означала в шифре страницу, а вторая порядковый номер соответствующего слова. Буква «а» означала точку и т.д. Но начальственная рука красными чернилами начертила на этой бумаге: «Долой код!»

После инцидента с «Декабристом», когда Владивосток чуть было не подставил своего резидента, а принципиальный Ощепков не постеснялся сообщить свое мнение об этом, явно прослеживается ухудшение отношения к нему начальства. Его упрекают в задержке «заказанных» материалов. Но он возражает, давая понять, что разведотделу не мешало бы работать оперативнее: «Данные об авиации и воздухоплавании частью уже были представлены. В дальнейшем я буду все писать на русском языке, насколько позволит мне возможность, так как по мо-

Японское
удостоверение
личности Ощепкова
ГРУ

ему заключению часть высылаемых мной материалов на японском языке или переводится очень медленно или совершенно не переводится. Заключаю я это из тех заданий, которые повторяются по несколько раз». И в этом своем утверждении Ощепков был совершенно прав!

В Токио поступает бумага с шестью подлежащими выяснению вопросами и с грифом «Строго секретно. Уничтожить при малейшей опасности». Василий изучил документ и, не дожидаясь «малейшей опасности», уничтожил его. Не хранить никаких уличающих бумаг было его твердым правилом еще с Сахалина. Но «помначотдела» Шестаков приходит в крайнюю степень возмущения из-за того, что подчиненный игнорировал его «примерные указания о способах хранения секретных бумаг».

Особенно старался Ощепков расширить круг знакомств в офицерской среде. Нет, он вовсе не надеялся завербовать их, хорошо зная, что эти фанатично преданные и слишком высокооплачиваемые люди отнюдь не клюнут на его удочку. Здесь был совсем другой и верный расчет. Резидент называл их «несознательными сотрудниками», то есть неумышленными информаторами, имея в виду, что из приятельских, непринужденных бесед офицеров между собой или с ним самим, наверняка, можно будет «отфильтровать» мимолетные, но интересные детали или даже всего лишь намеки. А сопоставляя их и анализируя, получить полезные сведения.

Хорошо понимая, какие преимущества может принести общение с представителями высших сфер японского общества, резидент целенаправленно заводит нужные знакомства: «Живешь дольше, появляется шире круг знакомых. Не «банто»¹, а людей с аристократическим положением. Публика очень интеллигентная». Его «хорошим другом» становится лейтенант от кавалерии барон Ниси, сын бывшего посла Японии в России. И каждую неделю к ощепковскому подъезду подкатывал блестящий черным лаком роскошный новенький автомобиль, который отвозил Ощепковых в огромные шикарные апартаменты барона. Там они познакомились с еще одним бароном - лейтенантом от артиллерии Дамэ. И молодой артиллерист безнадежно влюбился в русскую красавицу Мусю, как нежно называл свою юную супругу Василий. Влюбленный барон никогда не появлялся у Ощепковых без большого букета красных роз, предназначенных хозяйке дома. Но подобные зна-

комства требовали приглашения гостей к себе. И Ощепковы, страдая душой, принимали блестящих аристократов в своей тесной комнатке, снятой в немецком пансионе борона Шмидта.

Василий тщательно старался объяснить Владивостоку все выгоды подобных знакомств и существенную важность его собственного имиджа в глазах знатных визитеров: «Мои незавидные обстоятельства с жильем окончательно ставят меня в невыгодное положение».

А в ответ уничтожающая резолюция: «А где вторая комната?» Очень может быть, что Ощепковы действительно жили не в одно-, а двухкомнатной квартире. Но ведь одна из комнат непременно служила спальней, а принимать гостей в ней было бы до неприличия нелепо.

Однако пролетарское сознание начальства, жившего если не в казарме, то всем большим семейством в одной из комнат «коммуналки», подобных тонкостей нипочем не признавало. И дело было вовсе не в черной зависти, а в искреннем возмущении «капризами» человека, живущего в шикарных буржуазных условиях (два человека в двух комнатах!!!), да еще требующего чего-то лучшего!

Хороший разведчик, Василий оказался неважным коммерсантом. Японец, которому он предоставил для проката кинофильмы, оказался мошенником: деньги не заплатил и картины возратить отказался. «Судись!» - приказали Ощепкову. Но это требовало еще затрат на судебную пошлину и на адвоката. К тому же японская «фемид» в подобных случаях неизменно принимала сторону своего соотечественника. В пиковом финансовом положении разведчику пришлось принять предложение немецкой кинофирмы «Вести» и занять должность заведующего ее токийского отделения. Это вызвало очередное недовольство начальства и на этот раз вполне обоснованное: служба в фирме оставляла меньше времени для разведработы. Последовал приказ: «Увольнение!»

А старые знакомые из «русских отделов» японской контрразведки и жандармерии предоставляли уникальную возможность еще на самой ранней стадии знать, не выплывают ли на поверхность какие-то следы его разведывательной деятельности. Каким это ни выглядит до неправдоподобия комичным, но стражи безопасности, не ведая того, даже помогли в его непосредственной работе. Когда Василий наметил для вербовки безработного типографского наборщи-

¹ Банто - продавец, приказчик; клерк, служащий.

Документы М. Г. Ощепковой на въезд в СССР (архив ГРУ)

ка, «проникнутого социальными идеалами», то, прежде всего, обратился к своему полицейскому другу: «Хочу взять на работу этого человека. Не откажи в любезности узнать о его благонадежности. Мне не хотелось бы связываться с неблагонадежными». Вербовать человека, который уже на примете у полиции, было опасно, но любезный полицейский проверил и сообщил, что тот вне подозрений.

Очень нужны были агенты, связанные с секретной государственной деятельностью. И Василий решил не только стараться вербовать таковых, но и продвигать уже завербованных людей на нужные должности. Именно таким человеком являлся «проверенный» безработный. Ощепков собирался устроить его на работу в типографию «Койкося», печатавшую не подлежащую оглашению литературу Генерального штаба и Инспекции по военному образованию. Почва была уже надежно подготовлена: Василий удружил хозяину «Койкося», расхвалив типографию своему знакомому, который сделал большой и выгодный заказ. Однако осуществиться этому хитроумному плану было уже не суждено...

От разведчика все более категорично начинают требовать всего сразу и без особых валютных затрат. Постоянно понукают и требуют, чтобы он начал вести самую примитивную игру: давал деньги под расписку, а затем шантажировал получателя. А кроме того, немедленно установил контакты с прокоммунистически настроенными лица-

ми. Отлично знающий местные условия резидент терпеливо старался объяснить, что весьма патриотично настроенные японцы при первой же попытке шантажа сейчас же обратятся в полицию. А все «левые» найдутся под неусыпным наблюдением полиции, и поспешный контакт с ними заведомо обречен на провал. Здесь мне вспоминаются слова бывшего шефа «Первого управления» Главного разведуправления КГБ Леонида Шебаршина: «Шантаж - враг разведки. Разве можно положиться на агента, который работает из-под палки? Он обязательно подведет, рано или поздно». Очень показательно, что Ощепков, в отличие от «руководящих товарищей», уже тогда понимал эту азбучную истину. Служа Родине, он был готов пожертвовать жизнью, но лишаться головы по чужой глупости нипочем не желал. И он категорически отказался выполнить полученные самоубийственные инструкции.

В 1926 году недалекое начальство, взбешенное неповиновением своего подчиненного, приказывает ему вместе с женой немедленно выезжать в Советский Союз. Так, безвременно, но вовсе не по его вине, закончилась уже налаженная и дававшая неплохие результаты разведывательная работа Василия Сергеевича Ощепкова, славного предтечи Героя Советского Союза Рихарда Зорге...

Закончилась работа, но отнюдь не ощепковские митарства. Открытая поездка в СССР была крайне нежелательна для его прочно утвердившейся и не вызывающей у японцев никаких сомнений разведывательной легенды. Но, даже понимая, что его «засвечивают», заведомо ухудшая условия будущей работы, Василий собирался мужественно продолжать ее. Сообщив знакомым, что, якобы, в России тяжело заболела его мать, он отплывает во Владивосток. Один, оставив жену в Токио.

Во Владивостоке ему приказывают явиться непосредственно в разведотдел. Знавший, как много японцев проживает в этом городе, и крайне возмущенный такой провокационной неосмотрительностью, Ощепков поздно вечером тайком отправляется в свою «контору». Впервые «проверяться», нет ли слежки, ему приходилось не в Японии, а на родной земле. Но главная и совсем уж неожиданная опасность еще ожидала его впереди. В течение шести долгих лет он постоянно жил под угрозой репрессий японских, теперь же перед ним впервые, но слишком отчетливо замаячила угроза «родных», советских репрессий...

Оказавшийся необычайно шустрым в по-

добных операциях «исполнявший должность помначотдела по II части» настроил рапорт непосредственно начальнику разведотдела штаба Сибирского военного округа («Совершенно секретно. Отпечатано в одном экземпляре»). А в рапорте, явно не без одобрения своего начальника Заколотного, обвинил токийского резидента... в плохой работе. Хотя буквально на предшествовавших листах дела записано: «Источником 1043 (так был зашифрован «Черный монах» - М.Л.) даны весьма интересные сведения об отказе японского командования от старых принципов военной подготовки, о проведении маневров и ряд других интересных вопросов... ценные сведения о совещании комдивов и другие сведения об исследовании ядовитых газов и применении их (против шаблона - на основе прогресса техники)». А в завершающей дело «Учетной карточке» подавляющее большинство доставленных «Монахом» донесений, документов и книг значатся как «ценные» и «весьма ценные»...

В свое время Василий, из-за связывающих его с Итигути дружеских отношений, не взял с него подписку о согласии работать на советскую разведку и всего лишь однажды, и то под давлением начальства, попросил расписку в получении денег. Теперь же эта сентиментальность обходилась ему очень дорого. И в прямом, и в переносном смысле. У Шестакова была «железная» логика: нет подписки - нет и агента. А нет агента - не должно быть и расходов на него: «Я усматриваю, что фактически эти деньги пошли в карман резидента, для собственного резидентского материального благополучия. Так как предполагать, что указанные суммы резидентом выплачивались Итигути, было бы делом, которое можно назвать игрой в карточные домики... Подтверждается ранее высказанное Вам мною предположение... Все приведенные моменты доказывают полное разложение резидента. Донося о вышеизложенном, полагаю бы гражданина Ощепкова с работы снять и предать суду, предъявив ему соответствующее обвинение...»

Да, реальная возможность угодить под суд военного трибунала - такой была благодарность «гражданину Ощепкову», шесть лет неизменно рисковавшему своей головой! Человеку, чья честность особо подчеркивалась в одной из начальственных характеристик! До глубины души оскорбленный Василий старается доказать свою добросовестность и полную лживость обвинения. Вот здесь-то он и пишет приведенные мной выше слова о своем патриотизме.

Разве мог он, проживая все это время вне СССР, знать, что тогда там, точно так же, как и у нас сегодня, само понятие «патриотизм» успело сделаться не только одиозным, но и откровенно подозрительным. Правда, тогда ему противопоставляли «пролетарский интернационализм», а ныне - «западные ценности»...

Однако, если в штабе Сибирского военного округа и поверили глуповатым обвинениям, то вовсе не собирались терять столь высококвалифицированного япониста. Приказ констатировал «невозможность использования в Японии» и оставление во Владивостоке в качестве переводчика. Сильно этим раздосадованный, Шестаков сказал, словно предсказав судьбу Василия: «Если бы не был таким нужным и полезным человеком, давно бы сгнил в подвале ГПУ!»

А вот «неосновательную переплату в разmere 3140 иен» бывшему разведчику ни с того, ни с сего все-таки пришлось возмещать. Как ему удалось оплатить такую огромную сумму? Не знаю, что еще пришлось продавать. Известно лишь, что принадлежавший ему еще на Сахалине кинопроектор был отобран в погашение долга...

Было очень печально и обидно за все эти до глупости нелепые обстоятельства, но все-таки я не спешил бы, как это сейчас очень модно, разразиться пламенной обличительной тирадой в адрес наших разведорганов. Сделать это - значит, подпевать такому подонку, как автор печально знаменитого «Аквариума» Иуда Резун, который, не чувствуя всей самоубийственной саркастичности, осмелился взять в качестве псевдонима славную фамилию нашего величайшего полководца.

У меня хватает здравого смысла не заподозрить, что все эти «шестаковы» и «заколотные» являлись такими окопавшимися партийно-бюрократическими шелкоперами. Думаю все-таки, что были это прошедшие не одну войну командиры, не раз подставлявшие грудь вражеским пулям. Только вот, «классовое сознание» говорило им, что делают они все правильно и справедливо. Не получили они специального образования, необходимого для интеллектуальной разведывательной работы, не обзавелись даже элементарной грамотностью. Их бумаги так и пестрят грубыми грамматическими ошибками. Такие же грубые, неоправимые ошибки совершали они и в работе, но даже при нищенских финансовых возможностях, как могли, самоотверженно исполняли эту напряженную и ответственную, необходимую для страны работу. Для ни-

шей, вконец разоренной восемью годами беспощадной войны страны, которая другими - высококвалифицированными - сотрудниками тогда просто-напросто не располагала. Еще не успела их вырастить...

Защищаясь от напористых начальственных обвинений, Василий Сергеевич действительно согласился с ними и писал, что он недостаточно опытен, так как не получил специальной подготовки. Но ведь это всего лишь вынужденное оправдание под вполне реальной угрозой незаслуженного ареста. В действительности же, не имея никакой подготовки, он работал вполне профессионально.

Историк разведки М. А. Алексеев высоко оценил мою работу и в двух своих публикациях² широко использовал ее, к сожалению, иногда раскавычивая мои цитаты. Но огорчает меня даже не это, а то, что этот специалист поверил несправедливым обвинениям начальства в адрес Ощепкова по поводу его «плохой» работы. В сущности, сам же Алексеев опровергает эти обвинения, на основании официальных документов подтверждая утверждения Ощепкова, что многие материалы разведчика просто не успевали переводить с японского. Но в то же время ставили ему в вину, якобы, непредоставление затребованных сведений,

которые он уже давно направил во Владивосток.

Еще более веско тот же Алексеев свидетельствует о подлинных профессиональных достоинствах Василия Сергеевича, когда цитирует доклад одного из новых руководителей разведотдела штаба Сибирского военного округа Комарова начальнику Разведупра Берзину: «Я хочу выразить глубокое возмущение по поводу снятия с работы Ощепкова, этот факт не лезет ни в какие ворота... Я глубоко убежден, что если бы в свое время было дано надлежащее руководство, он во сто крат окупил бы затраты на него... Это тип, которого нам едва ли придется иметь когда-либо... Я полагаю, что если бы вы дали нам Ощепкова сейчас, мы сделали бы из него работника такого, о котором, может быть, не позволяем себе и думать».

В отличие от прежнего начальства, Комаров уже успел получить «высшее специальное образование» на восточном факультете Военной академии РККА и был способен объективно оценить достоинства Василия Сергеевича. Однако же Ощепкова, как он просил, ему не дали. Боюсь, что уже с тех лет Ощепков был на подозрении в ГПУ, и этому есть некоторые косвенные подтверждения...

² Журнал «Родина», № 8/1997 г. и «Военно-исторический журнал», № 6/1998.

Глава 8

И опять - смена профессии...

Бесспорно, что дзюдо всегда оставалось дорогим Ощепковскому сердцу, но если бы не этот внезапный крах разведывательной карьеры он едва ли возвратился бы в спорт. (Даже у таких крупных неприятностей есть и своя положительная сторона!) Вчистую ограбленный «доброжелательным» начальством, экс-резидент воспользовался своей второй профессией и начал преподавать во владивостокском клубе физкультуры, одновременно отбывая свой «долг» в качестве безотказного переводчика разведорганов. Снова обратившись к своей любимой спортивной деятельности, он, как всегда, увлеченно вел занятия с учениками нового поколения.

В том же спортивном кружке рука об руку с Василием Сергеевичем несколько лет работал П.Н. Азанчевский, специалист, еще до революции получивший образование в знаменитой Жуанвильской военной спортивно-гимнастической школе. Большой знаток не только английского, но и французского бокса - савата, он выступал даже на французском профессиональном ринге. Во Владивостоке Азанчевский преподавал и бокс, и сават. Мог ли Ощепков упустить такую отличную возможность досконально ознакомиться и сопоставить с дзюдо эти две спортивные дисциплины, которые не только использовались в качестве самозащиты, но и конкурировали на Западе с джиу-джитсу? Неудивительно, что впоследствии в своих работах он уверенно и вполне профессионально оценивал достоинства и недостатки как английского, так и французского бокса.

В клубе занимались и девушки, но не у Василия, и не дзюдо. Азанчевский преподавал им специально рассчитанный на женщин курс джиу-джитсу. А ученики Василия Сергеевича успешно осваивали его науку на организованных Приморским губернским советом физкультуры специальных шестимесячных курсах инструкторов. По окончании обучения им были выданы особые удостоверения в подтверждение того, что они прошли «сокращенный курс самозащиты и свободной борьбы по японской системе Дзю-До». Пользуясь своим правом мастера второго дана, Ощепков присвоил выпускникам, в зависимости от успехов -каждого, различные ученические разряды с правом

ношения пояса соответствующего цвета, как это принято в дзюдо. В этом выпуске 1927 года были: В.Г. Кузовлев, который впоследствии активно вел работу в Ленинграде; Д.Ф. Косинин, Герой Советского Союза, погибший в Великую Отечественную войну, возглавляя один из прославленных партизанских отрядов; Ф.И. Жамков, будущий мастер спорта по стрельбе и ответственный работник Центрального совета «Динамо», руководивший прикладными видами спорта, в том числе и самбо.

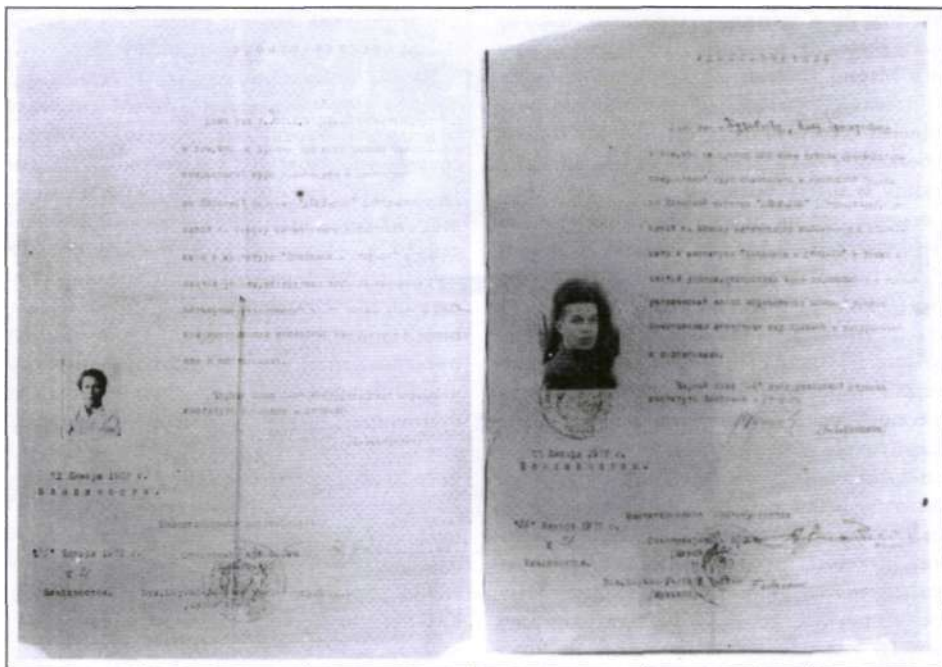
А когда вскоре Ощепков навсегда покинул Дальний Восток, его ученики, в первую очередь В.Г. Кузовлев, активно продолжали начатое им дело. Кружок существовал еще много лет и вплоть до 1931 года даже организовывал в морском интернациональном клубе самостоятельные международные встречи на татами и ринге с моряками иностранных судов, приходивших во владивостокский порт.

Трудно сказать, ходатайствовал ли об этом Василий, но штаб Сибирского военного округа пожелал обзавестись таким отличным переводчиком. Однако, видимо, несмотря на все возведенные на него вздорные обвинения, Владивосток не соглашался расстаться со своим уникальным специалистом. И Сибирский округ решает этот вопрос «на самом верху». И вот, 27 января 1927 года приказом № 26 Реввоенсовета СССР «Ощепков Василий Сергеевич определен на службу в РККА». А уже на этом

Выпускники курсов инструкторов дзюдо во Владивостоке. В центре - В.С. Ощепков и преподаватель бокса П.Н. Азанчевский.
1927 год

Свидетельства о присвоении соответствующих разрядов, выданные в январе 1927 года Ощепковым его ученикам: будущему Герою Советского Союза, командиру прославленного партизанского отряда Л. Ф. Косичину (синий пояс и В. Г. Кузовлеву (коричневый пояс)

основании «приказом войскам сибирского военного округа за № 19» он «назначается на должность переводчика 7-го отделения Штаба округа» (нужно понимать - разведывательного - М.Л.). И что для Василия было особенно ценно, даже не столько в материальном, сколько в моральном отношении, в отличие от владивостокских сквалыжников, его назначение сибиряки даже оформили задним числом: еще с 15 апреля 1926 г., а, следовательно, выплатили новому переводчику все положенное за этот период денежное довольствие.

Василий Сергеевич был блестящим знатоком весьма сложного для европейцев японского языка. С ним, бывало, консультировались даже крупные специалисты. И все-таки борьба и самозащита уже составляли один из наиболее важных, если не самый важный, интерес в его жизни. И разумеется, оказавшись на новом месте жительства, он сразу же стал и там пропагандировать свою науку самозащиты, особенно важную в военной среде.

На собрании ячейки Осоавиахима при штабе Сибирского военного округа Василий Сергеевич выступил с увлекательным докладом об искусстве самозащиты, специально указав на то, что дзюдо используется в армиях многих капиталистических стран при обучении рукопашному бою. А для того, чтобы не быть голословным, тут же продемонстрировал целый ряд приемов обезоруживания.

Калачев еще только поднимает вопрос о необходимости для армии приемов руко-

пашного боя, а Василий Сергеевич уже с блеском демонстрирует эти самые приемы сотрудникам штаба Сибирского военного округа.

Новосибирские газеты, поспешившие сообщить о таком незаурядном событии, в один голос утверждали: «Приемы «Джиу-Джицу» поражали своей красивой техникой выполнения и произвели на присутствующих впечатление исключительного восхищения. Нападения с револьвером, палкой, ножом, саблей и винтовкой отражались с особенной ловкостью». Та же новосибирская газета сообщала, что «товарищ Ощепков предполагает выступить в местном цирке, где он продемонстрирует приемы «Джиу-Джицу» и устроит показательные соревнования, выпустив против себя 5-10 нападающих».

Немедленно было решено организовать для сотрудников штаба кружок по изучению приемов самозащиты. Популярность Василия Сергеевича росла. Услугами редкого специалиста поспешно воспользовались местное общество «Динамо», объединявшее чекистов, а также школа милиции.

При всем том, масштабы новосибирской работы Ощепкова никак не удовлетворяли. Он понимал, что может делать значительно большее. Но если служба теперь не доставляла ему особых хлопот, то в личной жизни надвинулось большое несчастье: жена тяжело заболела туберкулезом легких, как тогда говорили, чахоткой. Расходы на врачей и лекарства требовали все больших денег, и имевшегося заработка на это уже не стало

хватать. Да и усилия местных врачей не давали никакого результата. Состояние здоровья Марии заметно ухудшалось.

Василий старался добиться перевода в Москву или Ленинград, где можно было бы обеспечить более действенную лечебную помощь и иметь более высокий оклад. Есть сведения, что он просил своего сослуживца, переведенного в Москву, помочь и ему выбраться из Сибири. Был согласен и на переводческую работу в Разведуправлении, и на тренерскую «в школе физо», и даже на демобилизацию с самостоятельным трудоустройством, «благодаря своей редкой профессии - знанию японского языка и джиу-джицу» (он писал «джиу-джицу», т.к. о дзю-до тогда почти никто не знал). Трудно сказать, помог ли ему бывший сослуживец по разведотделу, но в сентябре 1929 г. переводчик, наконец, был вызван в Москву. Однако, случилось это слишком поздно: жену, скончавшуюся, не дожив до двадцати двух лет, он уже похоронил на одном из новосибирских кладбищ...

Тяжелая болезнь и смерть горячо любимой жены, крушение всех жизненных планов об увлекательно-опасной и интеллектуально тонкой разведывательной работе на пользу России не могли не повлиять на Василия. Психологически он явно был подавлен, и в одном из писем к московскому другу у него вырывается печальное признание, что он «израсходовал без толку добрую половину своих молодых лет...»

Здесь я должен отметить еще одно не просто печальное, но заведомо трагическое обстоятельство, нацеленное в будущее героя моего повествования: частные письма Ошепкова почему-то оказываются в одном из секретнейших архивов, и очень похоже, что стараниями своего бывшего владивостокского начальства он уже тогда был занесен в черные проскрипционные списки **ОГПУ...**

«То, что увидел адъютант, едва открыв дверь в кабинет Тухачевского, буквально ошеломило его: командарм угрожал револьвером какому-то незнакомому здоровяку в военной форме. Но незнакомец ловко обезоружил его и уложил на пол. Адъютант бросился на помощь шефу, однако тот вовремя успел остановить его...»

Вот такой завлекательный эпизод вполне можно было бы преподнести читателю, опираясь на рассказ Н.М. Галковского, одного из ошепковских учеников. Он утверждал, что его учитель был вызван в Москву для написания военного учебника японского языка, но после показа приемов Тухачев-

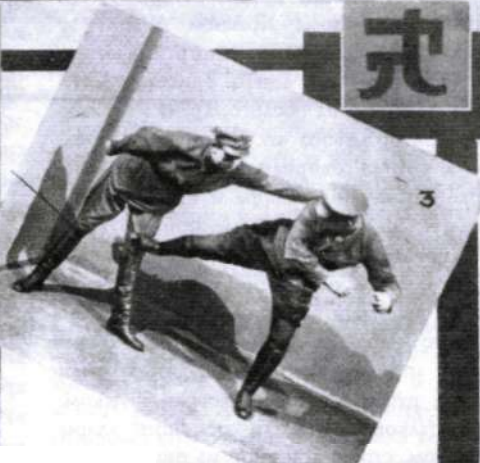
скому получил задание участвовать в разработке пособия по рукопашному бою.

Весьма возможно, что командарм Н.М. Тухачевский, богатырски сложенный силач и неплохой борец, действительно заинтересовался ошепковским мастерством. Харлампиев рассказал мне, что был даже свидетелем борьбы командарма с Василием Сергеевичем. Но Тухачевский в то время являлся начальником Ленинградского военного округа и имел к рукопашному бою весьма опосредованное отношение. Поэтому мне представляется более предпочтительным не вышеописанный завидно яркий рассказ, а будничное сообщение самого Ошепкова, что в Москву его пригласил тот, в чьи непосредственные служебные обязанности входило обеспечение подготовки к рукопашному бою. И был это уже знакомый нам инспектор физической подготовки и спорта Красной армии Борис Алексеевич Кальпус, имевший генеральское звание - комкор. Действительно, произошло так, что будущая судьба развития искусства самозащиты, а, в конечном счете, и нынешней борьбы самбо оказалась в его руках. И были это надежные и сильные руки. И не без помощи этого дальновидного специалиста, который, к сожалению, тоже не пережил кровавых тридцатых годов, Василий оказался в столице.

И теперь уже в декабрьском номере за 1929 год центрального органа спортивной печати - журнала «Физкультура и спорт» - появляется такое интригующее сообщение: «Дзю-до - путь к ловкости, так называется неизвестная у нас до сих пор японская система самозащиты. В предстоящем зимнем сезоне с этой системой Москва впервые познакомится. На днях при спортивном секторе ЦДКА открываются двухмесячные курсы. В программу занятий войдут: 1) броски, рычаги, удары руками и ногами и удушения; 2) приемы самозащиты невооруженного против вооруженного винтовкой, револьвером, саблей, ножом или другим холодным оружием ближнего боя; 3) приемы рукопашной схватки двух невооруженных. За основу будет принята японская система самозащиты «дзю-до» как наиболее проработанная, а главное представляющая собой уже готовый комплекс различных приемов самозащиты. Для желающих совершенствоваться в этой системе будут созданы специальные спортивные группы, которые будут проходить тренировку и выступать в соревнованиях, намечающихся к проведению в будущем. Курсами будет руководить инструктор т. Ошепков, окончивший институт

Д
З
Ю
Д
О

Недавно на спортивном вечере ЦДКА состоялась первая в Москве демонстрация японской системы индивидуальной самозащиты «дзю-до». Демонстрацию проводил инструктор ЦДКА тов. Ощепков.

Мы знаем, что в европейских странах большое распространение в качестве системы самозащиты получил бокс. Должное распространение бокс имеет и у нас, в СССР.

Однако с «штатскими» системами самозащиты мы мало знакомы. В № 50 журнала «Физкультура и Спорт» уже были перечислены те приемы, которые входят в программу японской системы «дзю-до».

Изучение этой системы доступно каждому; от занимающегося не требуется законченного физического развития. Здесь-силовое преимущество противника имеет второстепенное значение. Главную роль играют ловкость, смекалка, быстрота. Для Красной армии, милиции и т. д. «дзю-до» имеет колоссальное значение так как включает в себя много элементов военно-прикладного характера.

Особо наглядно и показательно были продемонстрированы приемы, когда против вооруженного (винтовкой, револьвером, ножом) в целях самозащиты выступал сам тов. Ощепков, изучивший «дзю-до» в Токио.

Оказывается, и в бою, и в обычной обстановке есть целый ряд комбинированных приемов, ведущих не только к защите от вооруженного противника, но и к победе над ним.

В Японии система физического воспитания построена в основном на боевых упражнениях, к которым японцы, относят: фехтование на штыках, эспадриях и «дзю-до».

«Дзю-до» — в обязательном порядке проходит в армии, флоте и полиции. Кроме того, «дзю-до» и фехтование введены также в обязательном порядке во всех средних и высших учебных заведениях.

В Токио имеется специальный институт «дзю-до» — Коодокан, выстроенный еще в 1882 году профессором Комо.

В целях популяризации и у нас, в СССР, системы «дзю-до» в ЦДКА организованы две группы мужские (из военнослужащих и членов ЦДКА) и одна группа женская; группы пропущены через медосмотр.

Если в некоторых местах Советского Союза (например, в Сибири) кое-где существуют группы по «дзю-до», то только мужские; начиная с женской группой ЦДКА, представляют исключительный интерес.

А. К.

Д
З
Ю
Д
О

«Кодокан-дзю-до» в Японии (в Токио)».

Вы, конечно, уже успели заметить, что Василий Сергеевич каждый раз начинал работу с впечатляющей демонстрации своего искусства в исполнении приемов самозащиты и обезоруживания. Это была его давно и надежно апробированная тренерская манера. На этот раз он вышел на сцену зала Центрального Дома Красной Армии во время специально устроенного по этому случаю спортивного вечера. Зрители с интересом смотрели на рослого, крепко сложенного бритоголового мужчину в полувойновом, как тогда говорили, костюме: в гимнастерке без петлиц, галифе и крагах (краги были у Ощепкова неизменной обувью). Потребовалось совсем немного времени для того, чтобы убедиться, что выступает отличный мастер и блестящий демонстратор. На него нападало одновременно по нескольку «противников», нападали с голыми руками, рубили шашкой, кололи штыком, били палкой, наносили режущие удары кинжалом, стреляли в упор из пистолета. И это все не «демонстрационно», а всерьез: боевой штык, остро отточенные нож и шашка, и даже пистолет заряжался гильзой, из которой удалялись пуля и порох, но капсюль сохранялся. Проверяющий становился позади Ощепкова и мог точно сказать, успел ли демонстратор отбить оружие раньше выстрела «нападавшего», т.к. в этом случае ясно видел легкую вспышку капсюля в стволе отведенного в сторону оружия, которое уже не заслоняла фигура Ощепкова.

Все было по-настоящему, и отлетали в сторону выбитые из рук ножи. Винтовка или пистолет мгновенно оказывались в ру-

ках у Ощепкова, не успев даже выстрелить, а «противники» летели на землю, описав в воздухе ногами широкую дугу, или невольно вскрикивали, попав на железную хватку болевого приема. В ближайшем же номере «Физкультуры и спорта» были помещены броский фотоочерк, показавший целый ряд этих впечатляющих приемов, и восторженный комментарий к нему.

Такой эффектный метод демонстрации приемов неотразимо покорял сердца молодежи. Каждому мечталось стать таким же сильным, ловким и непобедимым. Неудивительно, что в ЦДКА немедленно были созданы две группы из военнослужащих и работников Дома Армии. Кроме того, была сформирована и первая в стране женская группа.

Так, в спортивном спектре нашей страны впервые проклюнулся новый, пока еще крохотный росток недостававшей, но очень важной прикладной дисциплины - современной борьбы в одежде. Потребуется еще годы упорного труда самого Ощепкова, а затем и плеяды его учеников, чтобы из этого слабого молодого побега вырастить богатейшее дерево современного самбо.

Но при всей значимости зарождения такого полезнейшего вида единоборства, не это стало наиболее заметной вехой в карьере Василия Сергеевича на рубеже 20-х и 30-х годов. Ему довелось тогда выполнить еще одну очень важную работу. Работу, которая позволила трудиться в полную силу своих богатых способностей и не как прежде, в ограниченно провинциальном, а теперь уже во всесоюзном масштабе.

Глава 9

Всесоюзный масштаб

Еще Александр III вполне справедливо утверждал, что у России нет друзей. Запад питал старинную неприязнь к «варварской стране» и заячий страх перед ее могуществом. После революции эти «теплые» чувства особенно усилились. Коммунистические идеи, вопреки оголтелой буржуазной пропаганде и всем строгим запретам, находили отклик в сердцах зарубежных рабочих. Даже пресса богатейших Соединенных Штатов писала, что «американские левые едут в Москву, как мусульмане в Мекку». А в 1929 году после демонстрации в Нью-Йорке фильма Ф.М. Эрлера «Обломок империи» зрители встали и запели «Интернационал». Те из рабочих, кому удалось побывать в Советском Союзе, воочию убедились, что при всей скудости нашей жизни, при экономике, разоренной долгими годами беспощадной войны, для трудящихся делалось так много, как ни в одной другой стране мира. Естественно, что и у себя на родине эти рабочие желали таких же справедливых перемен. И точно так же, как сегодня у нас, тогда на Западе олигархии имели все основания смертельно бояться, что, победив, коммунисты отберут все их наворованные миллионы, отдав эти деньги на нужды народа. Тем более, что «вредоносные» советские идеи уже начинали больно бить по их толстым карманам.

Сегодня почти никто не знает, а тот, кто знает, ни за что не осмелится сказать, например, о том, что вполне благополучные французы получили право на такой же, как у нас, ежегодный оплачиваемый отпуск, только благодаря правительству Народного фронта, объединившего коммунистов с социал-демократами. Не трудно понять, что подобные «радушные» перспективы никак не прибавляли толстосумам любви к нашей стране.

«Враждебное капиталистическое окружение», о котором так любили писать советские газеты, вовсе не было всего лишь пропагандистской выдумкой и чувствовалось весьма ощутимо. Экономическую блокаду сменяли бойкоты наших товаров и грозные ультиматумы. Вдоль всех наших тысячекилометровых границ был выстроен враждебный кордон из скороспелых «буферных» государств, созданных на бывших российских землях. Кордон протянулся от Финляндии, которая тщетно пыталась в 20-х годах захватить территории российской Карелии, и до Румынии, оккупировавшей нашу Бессара-

бию под шумок гражданской войны. Не обошлось там и без трех амбициозных прибалтийских «карликов». А самой агрессивной была трухлявая на проверку Польша «пана Пилсудского», систематически организовывавшая серьезные пограничные инциденты и засылавшая к нам бесчисленных шпионов. Стоит ли объяснять, что за всей этой оголтелой оравой стояло могущество двух великих держав - Франции и Англии. Угроза тяжелейшей войны на Западе была столь реальной, что у нас специально разрабатывалась тактика партизанской войны на своей территории и вплоть до 30-го года даже закладывались на европейской части страны тайные партизанские базы с запасами оружия и продовольствия. А на юге «дружественные» турки, которым сдору советские правители всячески старались помогать, лелеяли утраченную было мечту о «Великой Турции» и тайно снабжали оружием среднеазиатских басмачей. На востоке Япония, умело провоцируя один инцидент за другим, наращивала, пока еще «мирное», присутствие своих войск на земле Китая, особенно в граничившей с нами Манчжурии. А в тайном «меморандуме Танака» этот приснопамятный премьер-министр уже провозгласил «политику крови и железа», планируя завоевания, которые почти полностью были осуществлены Японией во второй мировой войне. Не удалось японцам только отхватить лакомый кусок Советского Союза. Даже отсталый Китай, в провинциях которого, словно удельные князья, властвовали «самодержавные» генералы, попытался было отнять нашу Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). Правда, получил за это вполне по заслугам.

Такая постоянная внешняя угроза поставила задачу строительства новой и достаточно сильной советской армии. Наше заметное техническое отставание от мирового уровня существовало еще в дореволюционной России. Многолетние и серьезнейшие экономические трудности послереволюционных лет еще более усугубили его.

Мы отставали не только в области военной техники, но даже и в обучении пехоты ближнему бою. Что можно было возразить против справедливых утверждений помощника инспектора Калачева? Конечно же, без одобрения своего непосредственного начальника совершить такой громкий демарш он никак не мог. И комкор Кальпус тоже не

мог не разделять подобного трезвого мнения, но в соавторы к подчиненному отнюдь не полез. Тогда нравственные нормы товарищества действовали еще безотказно.

А публичное и вполне обоснованное выступление в печати уже никак не могло быть проигнорировано. Необходимость создания принципиально новой системы рукопашного боя стала абсолютно очевидной, и давняя инерция «руководящих товарищей» была преодолена. Однако в ближайшие годы выяснилось, что московские специалисты своими силами решить такую достаточно сложную задачу не могли. Это и определило решение армейского инспектора по физподготовке о переводе в столицу лучшего в стране знатока рукопашного боя Василия Ошепкова, перед которым была поставлена первая из его задач всесоюзного масштаба. Характер предстоящей работы полностью отвечал как его собственным планам, так и его способностям. То, о чем писал Калачев, Василия заботило уже давно. Он говорил об этом, выступая перед сотрудниками штаба Сибирского военного округа. И если помощник инспектора в те годы еще только писал о необходимости оснастить армию эффективными приемами рукопашного боя, то его единомышленник Ошепков уже демонстрировал эти самые приемы в Новосибирске. А до этого и во Владивостоке. Теперь же, вместе с группой специалистов физвоспитания и штыкового боя, он приступил к работе над долгожданным армейским наставлением.

Очень похоже, что в тесной связи с этой работой стоит его первая, но оста-

ющаяся никому неизвестной, публикация в большой прессе. «Виновником» ее появления стал все тот же Кальпус, который, в качестве специалиста по физической культуре и спорту, входил в состав авторского коллектива уже начавшей выходить Большой советской энциклопедии. Он и мог рекомендовать там Василия как не только компетентного, но и единственного тогда специалиста дзюдо. Однако в XXI томе БСЭ ошепковская статья, как это ни странно, говорила только о джиу-джицу, ни разу даже не назвав самого слова «дзюдо». «Энциклопедисты» не сочли возможным упомянуть в своем академическом издании это слово, еще не успевшее войти в русский язык и читающей публике неизвестное. В ошепковском тексте его заменили уже давно ставшим употребительным «джиу-джитсу». Так и оказалось, что в 1882 году был открыт «институт джиу-джитсу», но отнюдь не дзюдо. А «широко распространенный в Японии вид спорта» - тоже не дзюдо, а джиу-джитсу...

Наверху было решено рассматривать приемы ближнего боя не обособленно и самостоятельно, как прежде, а в виде одного из элементов армейской физической подготовки. Это было едва ли оправдано, и в будущем, с учетом значимости рукопашного боя, он снова оказался выделенным в самостоятельную дисциплину. Так или иначе, но в 1930 году уже вышло из печати «Руководство по физической подготовке РККА», где излагалась новая программа обучения, предусматривавшая не только военно-прикладную гимнастику, лыжи и плавание, но и рукопашный бой с учетом прогрессивных

Захват демонстрирует
В.С. Ошепков (справа)

рисунки,
выполненные В.
Сидоровым для
методического
пособия «Физические
упражнения РККА»
1931 года

предложений Калачева. И если программа лишь намечала общие контуры, то выпущенное в следующем году методическое пособие «Физические упражнения РККА» уже преподносило обстоятельное иллюстрированное описание приемов боя как с оружием в руках, так и без оружия. Впервые приемы эти оказались объединены в единое целое, и тем самым было положено начало наиболее целесообразному комплексному подходу к обучению рукопашному бою.

Практическое использование Руководства и методического пособия позволило сделать резкий качественный скачок и кардинально улучшить подготовку красноармейцев, прежде всего, к штыковому бою. Появилась наиболее эффективная методика обучения, искусное использование штыка и приклада, а также ведение боя карабином, не имевшим штыка, большой и малой лопатой. Участие Василия Сергеевича в создании этих учебных материалов стало первым из его наиболее значительных трудов всесоюзного значения. Его высококвалифицированные разработки сыграли тогда значительную роль.

Перед ним стояла ответственная и непростая задача: вооружить бойцов надежными приемами безоружного боя. И он отлично с ней справился. Сумел поднять технику советского военного рукопашного боя на современный ему мировой уровень. Я бы даже сказал, на оптимальный уровень наших дней. По сравнению с иностранными, приемы, предложенные нашим мастером, не имели излишне усложненного характера, были просты в изучении и исполнении, ничуть не теряя при этом своих боевых качеств. Вы и сегодня можете увидеть их в самых новейших учебных пособиях.

У Красной Армии появились, наконец, отсутствовавшие во всех прежних наставлениях и уставах приемы боя без оружия как с безоружным, так и с вооруженным противником. Этот сдвиг в технике ближнего боя был отмечен возвращением в официальных документах к термину «рукопаш-

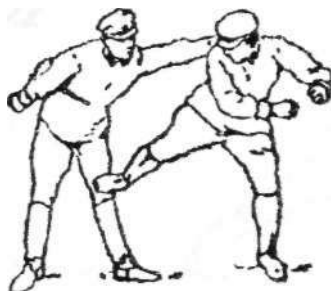
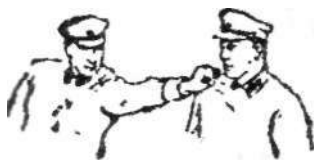
ный бой», который приобрел с тех пор более широкий смысл, охватывая не только собственно рукопашный, но вместе с ним и штыковой бой. Быть может, с чисто логической точки зрения, этот не очень точный термин, однако, прочно прижился и сохраняется и в наши дни.

При всем большом значении упомянутых руководств до сих пор никто всерьез не обращал на них внимания и не писал о них. А объем моих прежних работ позволял говорить о них лишь вкратце. Но вот теперь я хотел бы не только восполнить этот пробел, но и познакомить читателей с их интереснейшими иллюстрациями, которые публикуются здесь впервые за более чем семьдесят лет. Сегодня уже никто не знает, что представляют они не только большой историко-технический, но и иконографический интерес, поскольку весьма своеобразно запечатлели сам облик Ощепкова.

Как это издавна и по сей день принято, армейские уставы и наставления публикуются без указания имен их создателей. Но вот один из авторов руководства все-таки проглянул с его страниц.

Иллюстрировал работу Ощепкова его ученик Валентин Сидоров. Вероятно, рисунки он делал не с натуры, а с фотографий и постарался, возможно точнее, передать все детали: и плотное ощепковское телосложение, и его неизменные краги, которые своим вертикальным разрезом и некоторой «бутылкообразностью» заметно отличаются от прямых сапожных голенищ напарника. А на двух наиболее крупных погрудных изображениях угадываются даже черты его лица.

Перу Ощепкова принадлежит раздел «Д. Приемы рукопашного боя невооруженного против вооруженного винтовкой и револьвером и невооруженного против невооруженного». Для обезоруживания при ударе штыком предлагался прием, хорошо известный и по нынешним наставлениям: уход выпадом в сторону с отбивом штыка ладонью и немедленной контратакой ударом ногой в пах, голень, «в левое колено внутрь», с резким рывком захваченной винтовки на себя или броском отхвата. При наведении револьвера использовались отбивы с захватом оружия и ударом ногой в пах с последующим выкручиванием револьвера на перелом указательного пальца, находящегося в спусковой скобе. А также «дожатие или ключ кисти, выверты руки, перегибы локтя и пальцев, комбинируя с ударами ногой и рукой в половые органы и различными бросками через подножки». При попытке противника достать револьвер из кобуры, рекомендовался удар коленом между ног с загибом руки

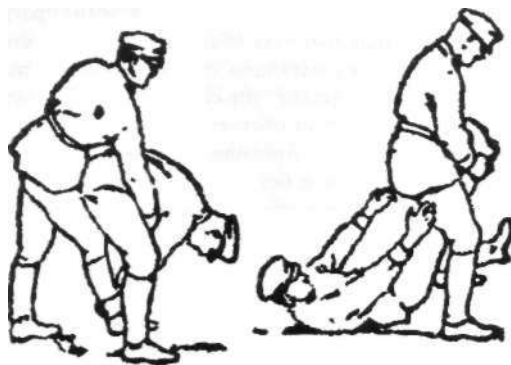

за спину, усиленным дожимом кисти.

Из бросков приведены задняя подножка, отхват и подсечка в колено. При этом подножка могла комбинироваться с пальцевым удушением, а отхват (при фехтовании на винтовках) - с ударом стволом или штыком плашмя сбоку по шее или голове противника с предварительным отбивом винтовки противника влево и сближением с ним. Подсечка в колено и задняя подножка даны как в право-, так и в левостороннем варианте.

«Однако как бы сильно не был брошен противник, все же бросок должен быть дополнен ударом ногой в его половые органы или перегибом руки, ноги или же применением удушающих сдавливаний его дыхательных путей с тем, чтобы окончательно лишить противника всякой попытки к сопротивлению». Из болевых описаны дожим и выверт кисти, рычаги пальцев и локтя, загиб руки за спину и сжатие половых органов противника. Широкий «ассортимент» ударов включал «удары и толчки» головой, локтем, кулаком, ребром ладони, коленом, носком ноги и «всей ступней». В качестве поражаемых точек указаны челюсть, подбородок, нос, кадык, боковая и задняя поверхность шеи («шейный позвонок»), ключица, предплечье, солнечное сплетение, живот, почки, половые органы, колено и голень.

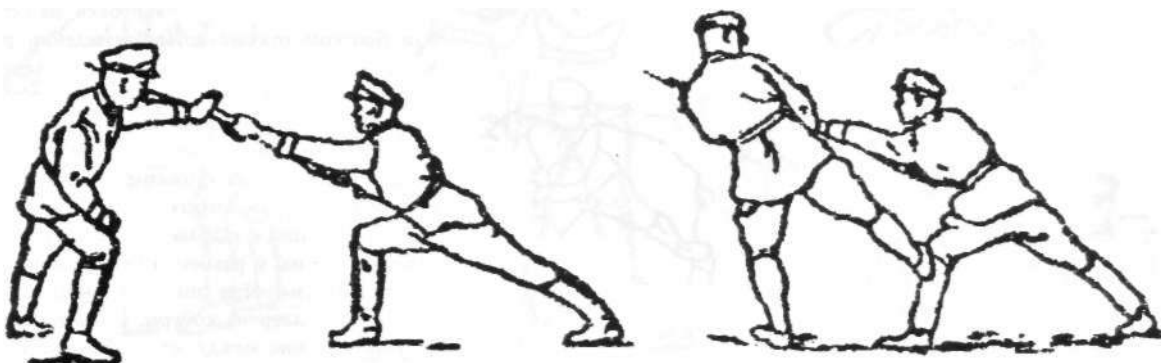
Для внезапного нападения сзади рекомендован удушающий захват, надавливая предплечьем на горло и опрокидывая противника назад ударом ноги в коленный сгиб. Освободиться от такого захвата с попыткой зажать рот следовало быстрым поворотом в сторону с ударом кулаком в пах или сжатием половых органов. Даны также освобождения от захвата одной рукой за горло, одежду на груди или плече захватом руки противника под плечо с рычагом локтя и вывертом кисти. От захвата одной или двумя руками за горло, верхнюю часть рук, одежду на груди или плечах использовалась задняя подножка. «Если противник уперся двумя руками в плечи или схватил за руки» (точнее, за

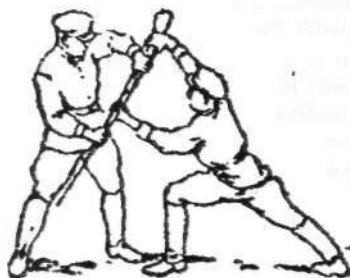
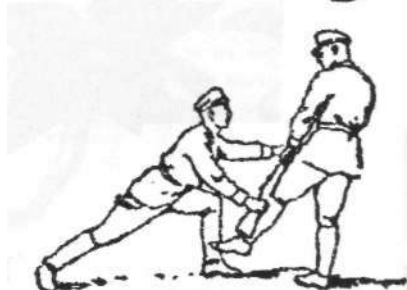
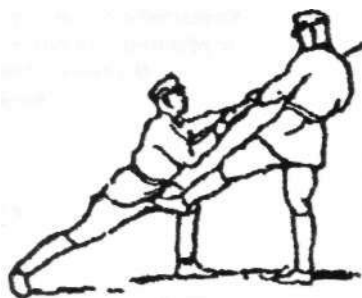
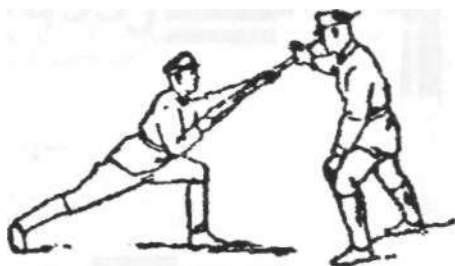

одежду на плечах), следовало применить подсечку в колено с резким нажимом на разномысленный локоть на перелом. От захвата за плечо или ворот сзади одной рукой - удар ступней в колено с небольшим поворотом в сторону противника. При захвате за талию спереди - удар коленом в пах с толчком обеими ладонями в нос снизу. При захвате поверх рук - удар коленом, удар головой в лицо или зажим половых органов. От захвата за талию сзади - поворот «полубоком» с ударом ребром ладони в пах и загибом руки за спину. Или бросок противника на спину, захватив обеими руками его ногу и резко поднимая ее между своими ногами с последующим ударом в пах той ногой, которая оказалась между ногами противника.

Кроме всего этого, наставление предусматривало также использование подручных предметов и даже крика: «При нападении вооруженного противника не следует пренебрегать такими средствами, как резкий, отрывистый крик, бросок в противника камнем, песком, пачкой патронов, комком земли, фуражкой и другими предметами, которые могут привести его в замешательство».

Хотя новое наставление в целом и было выполнено на достаточно высоком уровне, оно, тем не менее, оказалось не свободным от некоторых недостатков. Объем необходимой бойцам техники рукопашного боя, в конечном счете, определялся не самим

Ощепковым, а военными заказчиками, не всегда в этом последовательными. Все еще чувствовалась у них недооценка значения приемов безоружного боя, которая давала о себе знать даже в недавней книге такого крупного специалиста Красной Армии, как помощник инспектора физической подготовки и спорта Калачев. Так, в Пособии не нашлось места для приемов обезоруживания при нападении с ножом, хотя от знания их может зависеть жизнь солдата.

Если для обучения штыковому бою проводилась совсем неплохая методика, то для рукопашного таковая вообще отсутствовала. При наличии иллюстраций было вычеркнуто описание одного из обезоруживаний при ударе штыком. А описание здесь отнюдь не

помешало бы, учитывая не очень простой характер приема: после отбива - удар носком в голень и сбивание правой руки противника с винтовки ударом левой ступни, а затем удар сбоку по голове противника прикладом его собственной винтовки. Вообще, военная редакция ощепковского текста, в основном в целях сокращения, вряд ли способствовала его лучшему пониманию. Как и редакторская отсебятина, вроде «удара в зубы». Трудно сказать, кому именно, и в какой мере принадлежит чисто русская терминология приемов, но она не всегда достаточно четкая и последовательная. Однако же, при всех этих частных недочетах, безусловно, удалось сделать большой шаг вперед.

Нужно сказать, что Ощепков отнюдь не ограничился только публикацией своих материалов, но еще активно трудился над их внедрением в армии. Провел специальные курсы для начальствующего состава Московского гарнизона, разъясняя особенности новой техники рукопашного боя, организации обучения и его методики, а затем развернул работу в инструкторско-методическом бюро при Московском гарнизонном комитете, принял участие в состязаниях комсостава гарнизона по штыковому бою, заняв там

первое место. Непосредственно сам осуществлял преподавание рукопашного боя в нескольких воинских частях. В других организовывал увлекательные демонстрации боевых приемов.

Всеми силами пропагандировал он искусство рукопашного боя без оружия. Старался пробудить возможно больший интерес к нему в широких слоях молодежи и привлечь ее к занятиям. Устраивал интереснейшие доклады и показательные выступления перед аудиториями самого различного характера: от воинских частей до клуба Дома Правительства. Не ограничивался только Москвой и Подмосковьем, но выезжал и в другие города или направлял туда своих лучших воспитанников. Привлекал к выступлениям своих учениц, и это было особенно впечатляющим, когда миниатюрная девушка лихо повергала на борцовский ковер «нападавшего» на нее здорового мужчину.

Однажды, после очередного показательного выступления в воинской части, на котором Василий Сергеевич артистически «расправился» не с одним, а с несколькими противниками одновременно, восхищенные красноармейцы окружили Ошепкова и забросали его вопросами.

- Здорово вы деретесь! - восторгался один из них. - Ну, а если не два и не три, а целый взвод врагов, без оружия конечно. Что бы вы стали делать?

Василий Сергеевич улыбнулся такому хитроостному вопросу и неожиданно ответил:

- Я бы их обратил в бегство.

- Как это? - изумился красноармеец.

- Очень просто. Побегал бы от них, что есть духу, а они за мной. В погоне непременно растянутся в цепочку: одни лучше бегают, другие хуже. Вот тогда-то можно приостановиться, чтобы разделаться с теми, кто ближе всех. А потом - опять ходу, и снова - короткая остановка для следующей схватки...

Очень скоро перед Василием Сергеевичем была поставлена и очередная задача столь же важного значения: создание системы приемов для комплекса ГТО-П. В 1930-ом году и, скорее всего, не без влияния все той же

книги Калачева создается специальная комиссия под председательством самого О.С. Каменева - замнаркома по военным и морским делам и зампреда Реввоенсовета СССР. Результатом ее работы стали «Предложения о мероприятиях по приближению физкультурного движения СССР к нуждам обороны страны». Под таким непомерно длинным названием преподносилась своеобразная интерпретация опыта былой российской кампании «Мобилизация спорта» времен первой мировой войны. Имелось в виду более широкое привлечение спортивных организаций к активному распространению военных навыков среди молодежи. Предусматривалась, в частности, и популяризация приемов самозащиты. Но хотя «Предложения» и явились методической основой при создании в 1931 году знаменитого физкультурного комплекса под недвусмысленным названием «Го-

тов к труду и обороне СССР», приемы рукопашного боя в него поначалу включены не были. И только в следующем году, когда в стране был учрежден и комплекс ГТО второй ступени, в нем, в качестве одной из норм, появились приемы самозащиты. Стоит ли говорить, что подготовка этой техники была поручена именно Ошепкову. И теперь в своей работе он уже чувствовал себя куда как самостоятельнее и свободнее в решениях, чем при сотрудничестве с военной редакцией. В результате комплекс, рассчитанный, главным образом, не на военных, а на гражданских лиц, получил значительно более богатый арсенал приемов, чем армейское методическое пособие. В норму комплекса вошли разделы: бой невооруженного против вооруженного, бой двух невооруженных (как стоя, так и лежа) и бой вооруженных винтовками. Следует особо отметить, что владеть всеми этими приемами должны были не только мужчины, но и женщины, сдававшие норму. При этом требовалось умение выполнить любую комбинацию или отдельный прием, а также автоматически отвечать контрприемом на внезапное нападение.

Кроме того, обязательным требованием только для мужчин являлось проведение спортивной вольной схватки с партнером в течение пяти минут без перерыва. Решительно отвергая весьма распространенное в те годы кустарное натаскивание на приемы, Василий Сергеевич постоянно исходил из того, что безотказно прочные навыки самозащиты могут быть воспитаны только лишь на широкой и надежной спортивной основе. Спортивная схватка, хотя и является в значительной степени условной, но именно она вырабатывает такие совершенно необходимые качества бойца, как умение быстро и правильно ориентироваться в мгновенно меняющейся обстановке борьбы, своевременно и избирательно использовать наиболее подходящие, действенные приемы. И все это, несмотря на психологическое напряжение борющегося, его стрессовое состояние. Спортивное единоборство позволяет надежно закрепить полезные боевые навыки в обстановке, близкой к действительной схватке, благодаря вполне реальному и достаточно ощутимому сопротивлению партнера.

Разработанная Василием Сергеевичем система приемов и необходимые сопутствующие материалы были опубликованы в нескольких номерах нового журнала «Физическая культура и социалистическое строительство» в цикле статей «Организационно-методические материалы по дзю-до» и «Раздел боя невооруженных». Это дало возможность широкому кругу читателей на местах осваи-

вать новую и еще совершенно неизвестную у нас спортивно-прикладную дисциплину.

Публикации сопровождались иллюстрациями, для которых позировал сам автор в паре с кем-то из своих учеников. В.П. Волков, который тоже являлся учеником Ошепкова, раскрыл мне «технологию» изготовления этих иллюстраций. Исполнение приемов фотографировалось. А фотопластинки в те годы были стеклянными. И вот, на свободной от эмульсии стороне негатива на стекле напросвет обводили чернилами четкие контуры фигур. Затем аккуратно смывали эмульсию и обычным способом на фотобумаге печатали графические контурные изображения.

Для этих иллюстраций оба партнера позировали в так называемой полувойсковой форме, то есть в галифе и гимнастерках, но без петличек, которые тогда, при отсутствии погон, являлись неременным атрибутом военнослужащих, неся на себе знаки различия воинских званий. Василий Сергеевич в своих неизменных крагах, а его напарник - в обмотках.

Помимо этой серии фотографий, была сделана и еще одна. Там в форме, но уже не военной, а милицеевской, был только один наставник. А его партнер, первый и лучший из московских учеников Валентин Сидоров, одетый в штатское, изображал противостоящего ему уголовника.

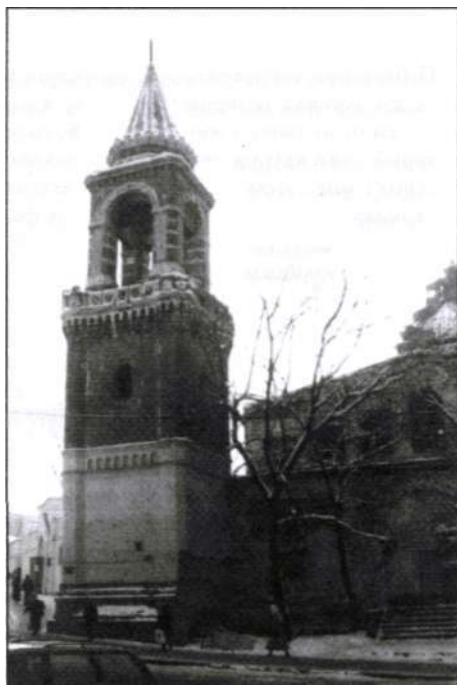
Тогда, в начале тридцатых, Ошепков преподавал в Центральной высшей школе Рабоче-крестьянской милиции (ЦВШ). И съемка проходила под открытым небом на асфальтированной площадке в Школе (территория бывшего Ивановского монастыря). По требованию фотографа броски приходилось повторять по нескольку раз, и Сидоров вспоминал об этой работе без особого восторга.

Однако трудно сказать, дошла ли именно эта техника до тех, кому она предназначалась. Для преподавания в Школе была утверждена свыше программа, разработанная Спиридоновым. Но, считая ее неполноценной, Василий Сергеевич обучал курсантов по собственной системе.

Это дало основания Спиридонову потребовать увольнения своего конкурента, что и было сделано.

У меня есть сведения, что сотрудники московского уголовного розыска пользовались каким-то набором фотографий боевых приемов, но уверенно утверждать, что это была именно ошепковская работа, к сожалению, нет достаточных оснований.

В 1934 году, когда Ошепков уже работал в Московском институте физкультуры, из

Здесь, в бывшем женском Ивановском монастыре размещалась Центральная высшая школа РКМ

печати вышел инфизкультурный сборник материалов по учебным дисциплинам 1932-1933 учебного года. Туда вошла третья, и, к сожалению, последняя его работа «Дзю-до», которую он скромно именовал «конспектом». Этот пятидесятишестистраничный конспект начинался первым на русском языке очерком истории дзюдо. Вошла в него и та часть лекций курсантам ЦВШ, где анализировались все известные в те годы международные и национальные виды единоборств с точки зрения пригодности каждого из них в качестве самостоятельной системы рукопашного боя. Это были английский, французский и китайский бокс; финско-французская, вольно-американская, швейцарская, кавказская борьба и даже фехтование (штык, сабля, трость). Весьма существенной была

публикация детально разработанной Ошепковым методики преподавания.

Что касается техники, то автор указал, что **в ее основу** «положен комплекс приемов дзю-до, составляющий норму, вошедшую в комплекс норм ГТО II ступени». **Были описаны 43 приема**, из которых 7 являлись чисто спортивными, 16 - одинаково пригодными как для ковра, **так и** для боевой схватки, а остальные 20 имели боевой характер. Представлены были броски, болевые, удары, контрприемы от различных захватов и ударов, а также обезоруживания при нападении с палкой, ножом, саблей, саперной лопаткой, револьвером и винтовкой со штыком. **А в качестве иллюстраций** частично использованы **как рисунки**, сделанные с «милицейских» фото, **так и те, что** публиковались в «Физ-

Журнальные публикации Ошепкова по методике и технике самозащиты для сдачи нормы ГТО-III

культуре и соцстроительстве». Впоследствии эти рисунки, в оригинальном или перерисованном виде, не раз использовались рядом авторов в своих книгах вплоть до самых последних лет. Разумеется, без указания источника заимствования.

Ворошилов назвал значок ГТО «физкультурным орденом». Действительно, среди молодежи, и не только спортивной, было невероятно престижным привинтить этот, подвешенный на двух коротких цепочках, «орден» к лацкану пиджака или майке-футболке. В этом легко убедиться, взглянув на фотографии тех далеких, еще довоенных лет. Но сдавала нормы не только молодежь. Комплекс завоевал очень большую популярность в стране. Среди сдававших нормы можно было видеть самых различных людей из всех слоев общества: от колхозников и рабочих до ученых и народных артистов СССР. Для военнослужащих комплекс ГТО-П устанавливал особые условия. Точно так же, как и «общегражданские», они имели возрастные градации. Однако при любом возрасте сдача норм по самозащите для военных была обязательной. Столь же обязательной являлась сдача норм ГТО-П для студентов физкультурных учебных заведений. В программу всех институтов и техникумов физкультуры было введено изучение дзюдо в этом объеме. А в целях более широкой пропаганды нового прикладного спорта и самозащиты была даже снята документальная короткометражка, в которой снялся сам Василий Сергеевич и инфизкультуровская группа его учеников. Увидев на экранах кинотеатров, как даже девушки-студентки ловко расправляются с напавшими хулиганами, многие загорались желанием приобщиться к этой заморской новинке спорта и боевого искусства.

Так, благодаря новорожденному физкультурному комплексу ГТО-П, Ошепков еще в первые годы своей московской деятельности уже получил огромную всесоюзную аудиторию заочных учеников, которым дарил свою полезную науку.

Казалось, все шло прекрасно, но вот если присмотреться пристальнее, можно было заметить одно странное обстоятельство. Впрочем, совершенно незначительное. В программе военного факультета центрального института физкультуры на 1933-1934 учебный год преподававшаяся Ошепковым борьба получила вдруг новое название. Где-то в верхах решили, что обучать красных командиров спортивной борьбе, заимствованной у наших врагов - японских империалистов, идеологически совершенно недопустимо. То есть обучать-то, конечно, необходимо, но, вот, говорить «краскомам», что это дзюдо, не следует. Нужно просто взять и назвать борьбу как-нибудь по-другому, политически приемлемо и вполне лояльно. Сделать так было совсем нетрудно. У Василия Сергеевича была «борьба вольного стиля дзюу-до». А «идеологи», не мудрствуя лукаво, просто вычеркнули последнее слово и получили желанный результат - «борьба вольного стиля». Это был первый случай использования этого наименования. Вроде бы, всего лишь безобидный пустячок. Но в пустячке этом уже был заложен весь «генетический код» грядущих событий. Позорных событий, которые несколько лет спустя перечеркнут кровью подлинные факты формирования борьбы Ошепковым, принудительно окрестят ее этим «счастливым» найденным «идейно выдержанным» имечком и погубят в застенке безвинно ошельмованного автора...

Ошепков демонстрирует защиту от удара ножом, который наносит его ученик В. Сидоров, играющий роль хулигана. 1930 год

Ошепков демонстрирует боевой прием на своем лучшем ученике В. Сидорове. 1930 год

Глава 10

Инфизкульт

В Москве Василий Сергеевич встретил овдовевшую, как и он сам, женщину - Анну Ивановну, по первому мужу - Казем-бек. Два этих уже немолодых, много переживших человека создали добрую, благополучную семью. Дочь Анны Ивановны, Дина Николаевна, вспоминала о доброжелательном отчине, который относился к ней, как к родной дочери. Ощепков, живший в общежитии при Центральном доме Красной Армии перебрался к жене на Страстную, ныне Пушкинскую, площадь. Впоследствии Ощепковы получили комнату в коммунальной квартире дома 6 по Дегтярному переулку.

Работа продвигалась весьма успешно, и можно только удивляться той активной деятельностью, которую развернул Василий Сергеевич не только в столице, но и по всему Союзу. Не знаю никого, даже из самых известнейших наших специалистов, кому удалось бы укоренить в стране новый и очень сложный вид спорта, да еще за такой короткий срок. Ведь на весь этот обширный и нелегкий труд энтузиасту борьбы в одежде было отпущено судьбой всего лишь восемь лет: с тридцатого до тридцать седьмого года. При этом приходилось затрачивать и время, и нервы, и силы не только на работу, но и на преодоление множества подводных камней. И я не могу не задуматься над тем, что же было побудительной причиной столь кипучей и замечательно результативной деятельности. Объяснение может быть только одно.

В армиях зарубежных стран, в том числе и наших потенциальных противников, широко использовались приемы и дзюдо, и джигу-джитсу как наиболее развитых прикладных систем. Естественно, что в Японии такое обучение проходило особенно интенсивно. Недавний очевидец этого, ветеран разведки, знал об этом лучше, чем кто бы то ни было. В своем письме официальным органам, ратуя о еще более широком распространении своей спортивно-прикладной дисциплины и стараясь устранить воздвигшиеся перед ним барьеры, Ощепков написал: «Следует, наконец, учесть, что дзюдо в Японии стоит на высокой ступени технического развития, считается обязательной не только в армии, флоте и полиции, но и в средних учебных заведениях.

Японский империализм, стремясь к оснащению своей армии передовой техникой, придает огромное значение дзюдо, которая вооружает ее личный состав приемами ловкости, гибкости, умения нападать и защищаться не только с оружием, но и без оружия.

Для бойцов и командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии освоение приемов искусства дзюдо должно стать боевой задачей дня, ибо Красная Армия, защищающая границы единственного в мире государства трудящихся, не может отставать от возможных врагов своих ни в технической вооруженности, ни в физической подготовленности». И следует сказать, что в этом деле Ощепков отнюдь не ограничивался одними призывами. Он всеми силами старался передать свои знания возможно большему числу военнослужащих и молодежи.

Здесь вовсе не было дежурных декларационных слов. Все, что он делал, определялось именно такими патриотическими побуждениями. Этого настоящего человека, болевшего душой за судьбы Родины, очень сильно беспокоила давняя антирусская политика Японии. Он отлично понимал, что ее нападение неизбежно, неясным оставался только момент, который для этого изберут агрессоры. Зато несомненной была необходимость максимально действенно использовать пока еще имевшиеся мирные годы для повышения боеспособности Красной Армии. И являясь единственным в стране специалистом по дзюдо, Ощепков считал себя лично ответственным за подготовку к современному рукопашному бою, который можно было бы успешно противопоставить умелым японским борцам.

Его лишили возможности служить своей стране в качестве разведчика, но существовало и другое столь же важное поле деятельности. И уж здесь он спешил совершить, как можно больше, словно предчувствовал, как мало отмерено ему для этого времени. Не было ни одного официального начинания по укреплению обороноспособности страны, в котором не участвовал бы Василий Сергеевич, если это касалось его профессиональных возможностей. Да и кроме этого, по собственной инициативе, делал очень многое.

Его деятельность развертывалась по двум

Первые курсы инструкторов дзюдо для преподавателей физвоспитания из различных регионов страны, проведенные Ощепковым на базе ЦДКА. Стоят слева направо: А.М. Рубанчик, В.С. Ощепков, С.В. Дашкевич

неразрывно связанным направлениям: спортивно-прикладному и военному. В сущности, они представляли две составляющие единого целого. Так как при этом спортивный раздел, точно также, как и в современном самбо, являлся неременной частью боевого умения.

Ощепков постоянно расширял круг своих учеников и, что особенно важно, выращивал не только способных спортсменов, но и увлеченных своим делом умелых инструкторов, преподавателей и тренеров. Кроме группы, созданной при ЦДКА, из которой вышел первый и лучший из его московских учеников, мастер спорта и отличный тренер Валентин Сидоров, в том же 1930-ом и на той же базе Дома Красной Армии, но уже по линии спорткомитета Василий Сергеевич проводит специальные курсы инструкторов, на которых получили подготовку преподаватели физвоспитания из самых различных регионов страны. Среди них - такие заметные фигуры, как будущий председатель Всесоюзной секции дзюдо, переименованной в 1938 году в секцию борьбы вольного стиля, а затем - вольной борьбы, Александр Рубанчик из Ростова-на-Дону и один из ведущих ленинградских преподавателей С.В. Дашкевич.

По инициативе служившего в милиции Рубанчика, Ощепков провел в Центральной высшей школе милиции показательные выступления, в которых, кроме него

самого, приняли участие выпускники курсов в полном составе. Впечатляющая демонстрация надежных боевых приемов, безотказных обезоруживаний и борцовских схваток имела потрясающий успех. Неудивительно, что мастер немедленно был приглашен для преподавания в этом головном учебном заведении милиции. А там он стал не только вести обязательный учебный курс рукопашного боя, но и сразу же организовал пользующуюся у курсантов большой популярностью клубную работу по борьбе в одежде. Эта работа успешно продолжалась и после перехода Василия Сергеевича в Центральный институт физкультуры. Целых три года подряд курсанты, представлявшие все республики, края и области Советского Союза, увлеченно овладевали столь необходимым им ощепковским боевым искусством, чтобы затем полученные знания внедрять у себя дома. Лишь уже в 1934 году ощепковская программа обучения, а вместе с ней и клубные занятия в Школе, были закрыты по требованию Спиридонова, заявившего, что это противоречит его собственной и официально утвержденной программе.

В 1932 году при Московском институте физкультуры был учрежден военный факультет, который должен был готовить специалистов высшей квалификации для армии, военных учебных заведений, войск ОГПУ, Осоавиахима, спортивного общества «Дина-

Василий Сергеевич в кругу своих учеников - первых студентов специализации дзюдо.

Слева от него - Н.М. Галковский, справа - И.В. Васильев

мо» и т.п. Преподавание рукопашного боя и борьбы в одежде как на факультете, так и на организованных при нем курсах осуществлялось тоже Ощепковым.

В 1933-34 годах он также обучает учащихся двухгодичной школы профсоюзов имени Н. М. Шверника, откуда вышел заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР ленинградец В. И. Васильев. В 34-ом году Василий Сергеевич создает свою секцию в только что построенном Дворце спорта Авиахима, которую в следующем году передает своему ученику, практиканту из инфизкульты А. Харлампиеву.

Летом 37-го Василию Сергеевичу удается добиться открытия специализации по дзюдо в организованной при инфизкульте Высшей школе тренеров. Но преподавать там ему довелось совсем недолго...

И все-таки именно институт физкультуры стал его настоящим «звездным часом».

Как вы уже, вероятно, догадываетесь, работа в институте началась с внушительной и прямо-таки ошеломляющей демонстрации.

- Кто из вас самый сильный? - спросил крепко сбитый бритоголовый новый преподаватель, обводя взглядом шеренгу будущих своих учеников, которые с понятным любопытством смотрели на него. - Нападайте на меня каким угодно способом, но только не условно, а всерьез.

Здоровенный борец-классик Сергей Пасечников вышел из строя, ухватил Ощепкова за грудки и, толкнув, крепко прижал спиной к стене. Стоит ли говорить, что в ту же секунду здоровяк-борец, перекувырнувшись в воздухе, звучно шлепнулся спи-

ной на ковер и невольно вскрикнул, ощутив железную хватку ощепковского болевого приема на локтевой сустав...

Существенно двинуть вперед дело распространения в стране новой борьбы и самозащиты можно было только при условии подготовки достаточного количества тренеров. И Василий Сергеевич передавал свои знания молодежи, получавшей высшее физкультурное образование. Передавал как эстафетную палочку новому поколению высококвалифицированных тренеров, и они, словно в звездной эстафете, несли полученные познания, умножая их собственным опытом, во многие города страны.

Теперь Василий Сергеевич уже был не один, в работу успешно включались все новые поколения его воспитанников. Они

Ощепков с группой воспитанников в Инфизкульте. Справа о: него - В.В. Сидоров. слева - А.А. Харлампиев., Второй слева в последнем ряду - Н.М. Галковский, последний справа - Б.А. Сагателя-

Удержание проводит
Ощепков

преподавали не только в целом ряде столичных кружков, но и в Ленинграде, Харькове и других городах. Постепенно самозащита и тесно связанная с ней спортивная борьба начинают изучаться во всех четырех институтах и двадцати четырех техникумах физкультуры страны.

Стоит ли говорить, что человек интеллигентный, умный, широко образованный, неизменно доброжелательный и знающий свое дело от «А» до «Я» пользовался у своих учеников не только огромным уважением, но и большой любовью и абсолютным авторитетом. Вполне естественно, что это же отношение «по наследству» перенимали и ученики его учеников, его «спортивные внуки».

Непоколебимый авторитет Василия Сергеевича не мог пошатнуть даже его «учительский либерализм», когда он, воспитывая самостоятельность мышления, позволял ученикам в каких-то случаях не согласиться с ним и доказательно, продуманно и обоснованно пытался оспаривать его мнение. Как, например, это было с Рубанчиком при обсуждении одного из вариантов правил дзюдо.

И хотя Анатолий Харлампиев даже после реабилитации не нашел ни одного доброго слова для своего «крестного отца» в спорте, похоже, что даже он относился к учителю точно так же, как и его институтские однокашники. И когда Василий Сергеевич в 1935 году серьезно заболел, именно Анатолий не только сам пришел проводить больного, но и привел с собой свою «авиахимовскую» команду, заполнившую всю небольшую комнату Ощепковых...

Да, действительно, этот ветеран спорта,

сильный, тренированный человек уже в свои сорок три года страдал серьезным сердечным заболеванием, надолго уложившим его в постель. Не дались даром этому богатую ни каторжное «незаконнорожденное» детство, ни смертельная японская угроза, неизменно висевшая над ним на протяжении всех долгих восьми лет зарубежной разведывательной работы, ни «теплая благодарность» начальства, сорвавшего эту успешную работу и всеми силами старавшегося отправить его гнить в подвалах ОГПУ. Все это, вместе со смертью горячо любимой жены, невыносимо тяжким, многолетним грузом давило на нервы так, что даже его тренированное сердце спортсмена, в конце концов, не выдержало...

Лучший из «авиахимовских» воспитанников Харлампиева, двукратный чемпион страны Андрей Будзинский писал, вспоминая о посещении больного Ощепкова и об особо почтительном отношении к нему как самого Харлампиева, так и всех их - его учеников: «Во время проведения занятий по дзюдо Анатолий Аркадьевич Харлампиев пользовался еще японской терминологией в названиях некоторых болевых приемов и бросков. Но был уже целый ряд приемов, как в стойке, так и при борьбе лежа, носивших русские названия. Дело в том, что Василий Сергеевич не был рутинером в своем деле, он разрабатывал новые приемы и варианты их. Так, он ввел новый прием при борьбе лежа - «ущемление ахиллеса сухожилия», как сейчас стали называть, «дожим стопы»¹. Ну и, конечно, этот прием он преподавал с разными вариантами. Кроме того, он ввел целый ряд бросков с захватом ног руками, чего нет в дзюдо. Всему этому он учил своих учеников, в том числе и А. А. Харлампиева, который в разговоре с нами на тренировках с большим уважением отзывался о В. С. Ощепкове, называл его непревзойденным борцом и прекрасным учителем.

Первый раз я увидел Василия Сергеевича в 1935 году. К нам в зал во Дворец физкультуры (Ленинградский проспект, 34) вошел довольно рослый человек атлетического сложения в полувоенной форме, на ногах - краги. Занятия были остановлены, нас Харлампиев построил и с большим волнением рапортовал Ощепкову о занятиях. Василий Сергеевич просил продолжать тренировку, а сам стал наблюдать. Через некоторое время он, сняв ботинки и краги, сам вышел

¹ Здесь Будзинский допускает неточность: «ущемление ахиллеса сухожилия» Ощепков, скорее всего, не изобрел, а изучил у японцев, которым этот прием был хорошо известен. Просто, в Кодокане этот прием был запрещен для использования в спортивной борьбе.

на ковер и по ходу занятия стал поправлять того или иного борца. Затем все занимающиеся были посажены вокруг ковра. Василий Сергеевич поочередно вызывал ребят, ставил какую-либо задачу в движении по ковра, проводил бросок, после чего объяснял ошибки. Техникой приемов Василий Сергеевич владел безукоризненно и, несмотря на свой большой вес (что-нибудь за 100 кг), броски проводил легко и исключительно технично. С этого дня Ощепков появился у нас довольно часто.

В повседневной жизни в отношениях с людьми Василий Сергеевич представлял собой тактичного, вежливого, по-настоящему интеллигентного человека. О нем с большой теплотой и уважением отзывались его коллеги по инфизкульту, такие маститые борцы-классики, как Григорий Пыльников, А.З. Катулин, Чионов, В. Иванов и др., а об учениках и говорить не приходится - каждое слово Василия Сергеевича для них было истиной, и все указания выполнялись неукоснительно.

Мне на протяжении двух лет (с 1935 по 1937 гг.) несколько раз приходилось встречаться с Ощепковым, а один раз мы во главе с Харлампиевым посетили Василия Сергеевича на дому во время болезни. Все эти встречи оставляли неизгладимый след и воспоминания о хорошем человеке.

А еще Будзинский, учившийся в любительской художественной студии, рассказывал, как во время этого незабываемого посещения Ощепкова, тот сказал, что поручит Андрею сделать обложку его будущей книги, над которой уже начал работать. И подарил юноше японскую открытку с изображением броска «мельница», который был коронным приемом Будзинского. Этот

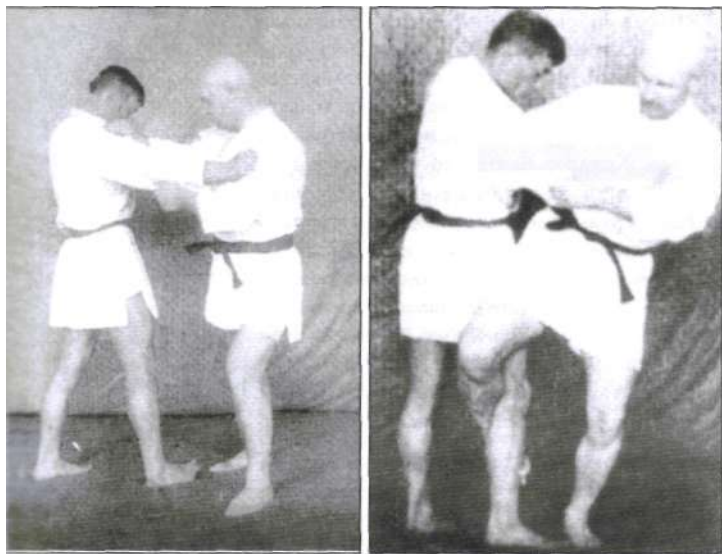
прием и должен был увенчать обложку книги мастера.

Это было очень характерно для Василия Сергеевича. При всех своих и без того немалых заботах, обремененный тяжелой болезнью, он удержал в памяти такую, казалось бы, мелочь, как увлечение юного «самодеятельного» художника. И как был растроган и обрадован этот «художник» заботливым вниманием и доверием обожаемого «полубога». Всю жизнь Андрей Александрович бережно хранил это дорогое ему фото и с большой гордостью показал его мне...

А приход на занятия к Харлампиеву во Дворец спорта завода «Авиахим» был совсем не случайным. Василий Сергеевич понимал, что у молодых преподавателей в начале работы могут возникать трудности и непременно приходил им на помощь. Даже уже больным, он «не поленился» несколько раз съездить в Харьков, где его ученик первого институтского поколения Роман Школьников, не без помощи своего учителя, так успешно развернул работу, что украинцы уже «дышали в затылок» москвичам и ленинградцам, твердо закрепив за собой третье место в стране. А на показательные уроки мастера и его лекции в Харьковский институт физкультуры съезжались борцы со всей Украины. Так что попасть в зал или аудиторию было большой проблемой. И очень долго в благодарной памяти учеников жили яркие впечатления от этих замечательных визитов!

Вместе со своими воспитанниками Ощепков снялся в фильме, который не только наглядно демонстрировал технику исполнения приемов, но и умело пропагандировал навыки самозащиты. В настоящее время сохранилась лишь неполная и едва

Техника дзюдо по
Ощепкову

ли не единственная его копия...

Рассказывая о Василии Сергеевиче, было бы несправедливо умолчать о его учениках, трудами которых, даже и после смерти учителя, жило и развивалось дело всей его жизни.

Первый по времени и по достигнутому мастерству его московский ученик Валентин Сидоров вместе со своим учителем преподавал в Высшей школе милиции, затем в «Динамо» и, наконец, стал пионером детского дзюдо в нашей стране, начав работу с подростками в Доме культуры Бауманского района. Уже через год - в 1936 году - его юные воспитанники составили основу детской спортивной школы дзюдо при институте физкультуры, где преподавателем учебного совет утвердил того же Сидорова.

В спортобществе «Самолет» преподавал Н. Гладков. Работали также кружки и в Осоавиахима, Московском университете (Е.П. Шукин), консерватории, энергетическом институте и ряд других.

В Ленинграде, не отставая от москвичей, трудилась целая группа квалифицированных специалистов. Ученик Василия Сергеевича еще с владивостокских времен ВТ. Кузовлев уже в 1932 году переработал правила соревнований, приблизив их к действовавшим правилам по другим видам спорта, в первую очередь, по французской борьбе. Все изменения были согласованы с Ошепковым и получили его одобрение.

В.Г. Кузовлев, его ученик А.М. Ларионов и воспитанники Ошепкова разных лет - И.В. Васильев, С.В. Дашкевич, В.Д. Щеголев, а также подготовленные ими самими инструкторы широко развернули работу. Борьба преподавалась не только в ленинградском институте физкультуры имени

П.Ф. Лесгафта, но и в пединституте, Институте инженеров гражданского воздушного флота, Институте связи, Институте инженеров железнодорожного транспорта, Авиационном и Механическом техникумах, военных училищах, а также в спортобществах «Судостроитель», «Красный кондитер», «Темп» и «Водник».

Практиковали ошепковскую борьбу и в иных городах.

Наиболее известный ученик Василия Сергеевича, Анатолий Харлампиев, сумел создать один из сильнейших в столице борцовских коллективов во Дворце спорта Авиахима, ныне «Крылья советов»...

Если с былым разгулом бандитизма советской власти уже удалось покончить, то хулиганство в тридцатых годах цвело пышным цветом даже на улицах столицы. Вдова Ошепкова, Анна Ивановна, рассказала, как однажды Василий Сергеевич был вынужден «успокоить» одного из таких «героев».

По улице навстречу им неспеша шел здоровенный пьяный громила и с радостной улыбкой бил по физиономии каждого встречного. Его очень забавляло, что прохожие заторопились перебежать на другую сторону улицы.

Вася, давай тоже перейдем, - испуганно попросила Анна Ивановна, но супруг только улыбнулся:

- Анечка, отойди, пожалуйста, в сторону...

«Я так испугалась, - вспоминала она. - Мы пошли дальше, а он так и остался лежать на асфальте и даже не пошевелился...»

Впрочем, случай этот имел, скорее, комический характер, а вот еще один, о котором поведал ученик Ошепкова, был посерьезнее.

Сильно задержавшись в институте, Василий Сергеевич по ночным улицам возвращался домой, и теперь уже не один, а трое пожелали покуражиться над одиноким прохожим и пытались даже пустить в ход «финки». Едва ли есть смысл описывать этот эпизод, поскольку вы отлично понимаете, что произошло с этими «молодцами», не подозревавшими, на кого им «повезло» нарваться...

Весьма вероятно, что именно подобные случаи стали побудительной причиной «Чистопрудной практики» ошепковских студентов.

Один хорошо известный преподаватель, в прошлом неоднократный чемпион страны по самбо и, как это ни странно, при всем этом человек очень осторожный и осмотрительный, уверял меня, что все ошепковские впечатляющие демонстрации и даже трени-

ровки его студентов в обезоруживании нападающего с боевым оружием были не все-рез, а заранее аккуратно обусловленными, являлись ничем иным, как «показухой». Необходимо оговориться, что чемпион этот сам никогда не видел, да и не мог видеть Ошепкова в силу своего возраста.

Но вот один из непосредственных участников подобных тренировок из числа первых московских учеников Ошепкова Рубанчик говорил совсем другое: «В отношении боевых приемов Василий Сергеевич требовал не «обозначения удара» или «укола», а настоящий удар или укол, и с какой-то поистине необыкновенной ловкостью демонстрировал уход или контрприем. Да, у него было чему поучиться. Он являлся не только педагогом, но и примером того, что может достичь человек при тренировке».

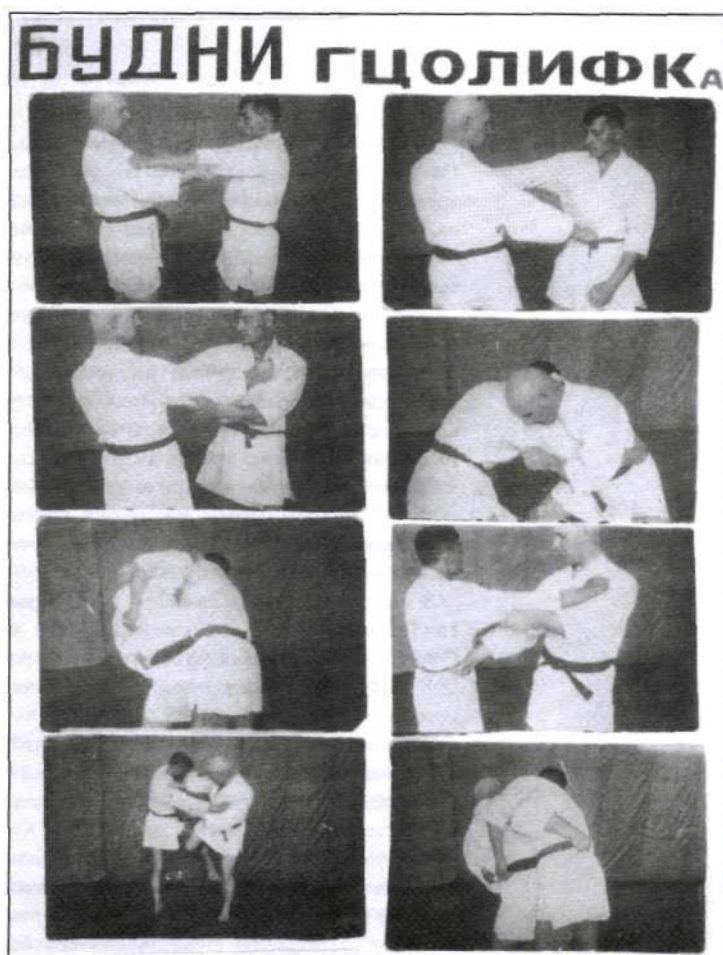
Это высокое искусство рукопашного боя мастер стремился передать и своим воспитанникам. Делал это умно и умело с непременным учетом необходимой подготовки ученика, как в отношении чисто технических навыков, так и психологической готовности «работать» не только против отлитого из резины учебного ножа с вставленным в «острие» кусочком мела, но уже и боевого оружия. Нужно отметить, что при этом не произошло ни одного несчастного случая.

Именно такая полная уверенность в безупречной подготовленности студентов позволила Ошепкову организовать для них весьма необычное прохождение практики, которую студенческое остроумие окрестило «Чистопрудной».

Чистопрудный бульвар, куда водил своих «практикантов» Василий Сергеевич, был в те времена настоящей хулиганской вотчиной, особенно в вечерние часы. Шпана вызывающе приставала к гуляющим, а если те возмущались этим, избивала их. Любимой «шуточкой», считавшейся верхом остроумия, было, сидя на скамейке, «подставить ножку» проходящей мимо девушке. Не случайно именно этот «бульварный» эпизод оказался впоследствии включенным в ошепковский документально-пропагандистский фильм, рассказавший о борьбе в одежде и ее прикладном значении.

Наводя порядок и укрощая хулиганье, «практикантам», конечно, приходилось противостоять и «финкам», и свинчаткам-кастетам, но пострадавшими оказывались только «блатняжки». Среди студентов потерь не бывало. Каждого бдительно подстраховывали товарищи, да и сам Василий Сергеевич.

Разумеется, подобная рискованная «практика» может показаться необоснованно опасной, даже антипедагогичной, но она давала бесценный чисто психологический результат: полную уверенность в своей способности противостоять любому противнику. Даже такому, как эта озверевшая и беспощадная вооруженная нечисть.

От национальных - к интернациональной

Вероятно, впервые с национальной борьбой народов нашей страны Василию Сергеевичу довелось столкнуться с началом преподавания в Центральной высшей школе Рабоче-крестьянской милиции. Курсанты этого учебного заведения прибывали со всех концов Советского Союза. И во время секционных занятий по борьбе случалось так, что кто-нибудь из новичков обращался к Ощепкову: «А у нас борются не так». Вызов курсанта сейчас же принимал ученик и безотказный помощник Василия Сергеевича Валентин Сидоров и всякий раз убедительно доказывал преимущества борьбы, в которой практиковались не только броски, но и болевые приемы. И хотя энтузиасты своей национальной борьбы неизменно терпели поражение, Ощепков не мог не отметить присутствие в их технике весьма своеобразных и эффективных бросков. Но главные его встречи с национальными единоборствами были впереди. Пока еще он не ставил вопрос об использовании таких приемов в преподаваемой им борьбе, но до этого оставался всего лишь один шаг, и этот шаг очень скоро был сделан.

Работа в инфизкульте дала Ощепкову уникальную возможность вплотную познакомиться с национальной борьбой. Дело в том, что в целях дальнейшего развития физической культуры в национальных республиках и областях постановлением ЦК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР было установлено, что начиная с 1931-1932 учебного года для подготовки местных кадров в институты физкультуры должна приниматься молодежь этих республик и областей в количестве 25 процентов от общего числа поступающих. И вот, в московский институт целыми группами стали приходить эти увлеченные физической культурой сильные и ловкие парни, из которых едва ли не каждый был хорошо знаком с искусством борь-

бы своего народа. Занимаясь у Василия Сергеевича, они сноровисто использовали на ковре собственные, с детства знакомые приемы и, еще сами не осознавая того, вносили свой национальный вклад в новую только еще рождавшуюся борьбу.

Не следует, однако, думать, что Василий Сергеевич оставался безучастным зрителем этого творческого процесса, в котором участвовали десятки борцов, представлявших и национальные единоборства, и международные виды борьбы.

Чутко улавливавший полезные новые явления, Ощепков легализовал все действенные приемы, даже если их не было в арсенале дзюдо. В принципе, он проделал ту же самую эволюцию, что и Спиридонов, но на более высоком уровне: познав японскую систему, понял, что можно и нужно совершенствовать ее, адаптировать к нашим условиям, а это, несомненно, открывало значительно более широкие горизонты. Его работа стала новым и более высоким витком в поступательном развитии нового прикладного вида борьбы.

Спиридоновскими правилами состязаний по «самозащите» 1928-1933 гг., наряду с приемами джиу-джитсу, допускались также те, которые практиковались в французской и вольно-американской борьбе и в бытовой самозащите. В правилах соревнований, разработанных в 1933 году Ощепковым, его учеником А.М. Рубанчиком и несколькими спортивными специалистами, в качестве разрешенных тоже указывались не только японские приемы, но и приемы финско-французской и вольно-американской борьбы в партере, а в стойке, помимо бросков из этих двух видов спортивных единоборств, броски из «швейцарской» и «кавказской» борьбы.

Казалось бы, разница между правилами состязаний, предложенными Спиридоновым и Ощепковым, совсем небольшая. Однако Ощепков пошел значительно дальше Спиридонова и был в этом более последователен, впервые обозначив ту широкую и надежную, разумно эклектическую базу, на которой начинал строиться принципиально новый, прикладной вид борьбы.

Само собой разумеется, что обращение к национальным видам борьбы народов Советского Союза было не случайным. Оно явилось вполне закономерным следствием внутриполитических факторов. Уверенно взятый советской властью курс на всемерное развитие национальной культуры всех народов нашей страны имел непосредственное отношение и к культуре физической.

Туркменская борьба
гореш: подхват снаружи

Когда осенью 1928 года в Москву на Всесоюзную спартакиаду собрались спортсмены со всех концов СССР, среди них были и представители национальных видов спорта, в первую очередь, борцы. Предполагалось даже провести для них специальное первенство по компромиссным правилам. Однако национальные единоборства Закавказья и Средней Азии настолько отличались друг от друга, что создать такие правила не удалось. Первенство не состоялось. Но многие сотни зрителей в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха с большим интересом наблюдали за показательными и матчевыми схватками темпераментных грузинских, армянских, узбекских борцов.

Это яркое спортивное событие имело небольшие положительные последствия. Столичные и иногородние спортсмены и тренеры смогли познакомиться и по достоинству оценить богатство техники народных единоборств. В республиках это тоже подняло престиж национальных видов борьбы, повысило интерес к ним как со стороны молодежи, так и местного спортивного руководства, которое начинает организовывать официальные республиканские первенства.

В 1932 году в комплексе ГТО-II в создании которого активно участвовал Ощепков, национальные виды борьбы были предусмотрены в качестве нормы, могущей заменить дзюдо, если последнее в данной местности не культивируется.

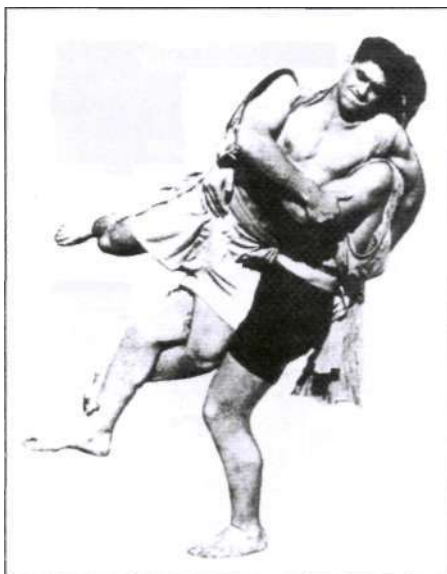
В марте следующего года в Ташкенте была проведена специальная выездная сессия Научно-методической комиссии Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта, которая обсудила вопрос о развитии национальных видов спорта и приняла по этому вопросу особое постановление.

Через три года последовало еще одно постановление, на этот раз Президиума Совета национальностей ЦИК СССР «О мероприятиях по дальнейшему развитию физической культуры и спорта в Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР». Оно предлагало всемерно развивать в республиках национальные виды спорта, в частности борьбу, в качестве важнейшего средства «для втягивания трудящегося населения, особенно молодежи, в общее физкультурное движение и подготовку всего населения к обороне страны».

Такой была та обстановка, в которой Ощепков дал в своих правилах зеленую улицу национальным единоборствам и обратился к их изучению. Уже в первый «инфизкультурный» период в тренировках и состязаниях участвовали студенты коренных национальностей из союзных и автономных республик, хорошо знакомые со своими национальными видами. Его ученик и помощник по преподаванию в институте Борис Сагателян сообщал: «В. С. Ощепков занимался изучением национальных видов борьбы, о

чем часто говорил на наших учебных занятиях. В тренировочных занятиях по приглашению Ощепкова принимали участие студенты нацмены, которые учились в институте. Многие из них знали вид борьбы, в котором применялись подножки. Это были студенты, знающие грузинскую борьбу чигаоба или азербайджанскую гюлеш. Или узбекскую кураш». А тридцать лет спустя А.А. Харлампиев написал о том, что его учитель даже специально устраивал матчи своих воспитанников с представителями национальных видов борьбы, в первую очередь грузинской чигаоба и узбекской кураш. Б.А. Сагателян он поручил привезти из поездки на Кавказ фотографии фаз исполнения приемов грузинской борьбы. Аналогичные задания получили и другие ученики мастера. Вещи бывают намного долговечнее своих хозяев, и сегодня, когда старого мастера уже давным-давно нет в живых, в архивах ветеранов самбо можно увидеть эти небольшого формата пожелтевшие фото, запечатлевшие лихие броски чигаобы и других видов национальной борьбы.

Разумеется, не обошел Василий Сергеевич вниманием и такой международный вид спорта, как французская борьба. Более того, именно «французы» - соседи дзюдоистов по залу - раньше других приобщились к новой увлекательной борьбе. Б.А. Сагателян написал в письме ко мне: «Особенно охотно принимали участие в тренировках студенты из спортивного отделения классической - французской борьбы». Участвовали они не только в тренировках, но и в состязаниях и, естественно, принесли новые для дзюдо свои привычные приемы. Да и на правила ощепковского дзюдо оказали заметное влияние надежные, апробированные правила французской борьбы. Не остались, похоже, без внимания и давно разработанные у «французов» эффективные методы силовой тренировки.

Грузинская борьба чигаоба славится своими ножными приемами

Глава 12

Столичный соперник

Когда Ощепков перебрался в Москву, там безраздельно «царствовал» общепризнанный специалист самозащиты Виктор Афанасьевич Спиридонов. Приезд никому в столице неизвестного специалиста не мог оставить Виктора Афанасьевича безразличным. В.С. Харитонов рассказал мне, что он и несколько других учеников Спиридонова, представившись новичками, даже специально, «как разведчики», записались ненадолго в ощепковский кружок дзюдо в Центральном доме Красной Армии.

Ощепков, который ознакомился со спиридоновской системой по его книге, был о ней невысокого мнения. По-товарищески дружелюбно он попытался объяснить именитому коллеге его недочеты. Но разобужденный Виктор Афанасьевич, разумеется, ни с чем не согласился. Приезжему «провинциалу» тогда не оставалось ничего, кроме как предложить просмотр спортивными экспертами обеих систем для их сопоставления и сравнительной оценки.

Виктор Афанасьевич поначалу согласился. Но когда демонстрация Ощепкова получила всеобщую высокую оценку, от выступления своих учеников отказался, ссылаясь на закрытость своей ведомственной системы. А когда лучшие спиридоновские ученики все-таки попытались побороться с Василием Сергеевичем на ковре, то потерпели безусловное поражение...

Проанализировав ряд японских, и немецких правил соревнований по джиуджитсу и дзюдо, Виктор Афанасьевич видел в них только две явно отрицательные крайности: или недопустимую травматическую гладиаторскую жесткость, или излишнюю спортивную мягкость, явно недостаточную для подготовки к реальной боевой схватке.

Делая основную ставку на болевые приемы в стойке, Спиридонов не совсем правильно расценивал броски всего лишь как подсобное средство и утверждал о непригодности дзюдо в работе правоохранительных органов: «Существует много хороших подножек (то есть вообще бросков - М.Л.) в спортивной системе Дзю-До, где они, являясь основой, разработаны детально. Хотя жизненного стажа применения и результатов его у нас не имеется, но я думаю, как вспомогательное средство они хороши. В отношении изучения они требуют порядочного времени, а потому при массовой подго-

товке прохождение их является как вспомогательное средство. Для инструкторов я считаю необходимым знание сущности спортивной дисциплины Дзю-До, наравне с остальными близко связанными с «Самоз» дисциплинами».

Однако эта, в общем, казалось бы, позитивная оценка не помешала автору десяток страниц спустя написать: «Новейшего японского материала у нас нет. Нет его, очевидно, и за границей, так как со всей литературой я знаком, словесным же сообщениям я не придаю значения, так как некоторые из них прикрашивают действительность, а некоторые просто... врут».

Последний пассаж адресовался непосредственно конкуренту.

Так писал Спиридонов и так ошибался. Он не мог даже представить себе, что при существовавших крайне враждебных отношениях с Японией кто-то мог не только побывать там, но еще и пройти обучение в Кодокане...

Обучая чекистов, пограничников и милиционеров, он ставил перед собой отнюдь не спортивные, а лишь чисто практические, прикладные цели. Исключительно в тех же целях он ввел для обучающихся специальные состязания на борцовском ковре, составив особые правила. Узковедомственная, закрытая для широких масс спортсменов, эта система сначала именовалась просто «самозащитой», затем, сокращенно, - «система «Сам», «Самоз» и лишь к концу тридцатых годов получила в качестве названия знакомую нам звонкую аббревиатуру «самбо» - по начальным элементам слов «самозащита без оружия».

Следует сказать, что в довоенные годы никто не мог спутать старое спиридоновское ведомственное боевое самбо с ощепковской вольной борьбой и основанной на ней системой самозащиты в рамках ГТО-II и армейских наставлений по рукопашному бою. Спиридоновская система действительно в определенной степени повлияла на формирование нынешней борьбы самбо, явилась ее отдаленным прототипом. Но в то же время никакой непосредственно преемственной связи между ними не было, да и не могло быть, так как Спиридонов был решительно против использования его прикладной системы в качестве общедоступного массового вида спорта.

Именно по этой причине современная борьба самбо, хотя и обрела со временем название, которым пользовался Спиридонов, главным образом выросла из того, что было сделано именно Ощепковым. В центре его внимания лежали задачи широкого распространения навыков безоружного рукопашного боя, да и не только безоружного, но он особый упор делал на широкую и надежную спортивную основу. Василий Сергеевич был убежден, что именно спортивная схватка вырабатывает такие совершенно необходимые качества бойца, как умение быстро и правильно ориентироваться в мгновенно меняющейся обстановке борьбы, своевременно и избирательно использовать наиболее действенные приемы. Поэтому Ощепков постоянно заботился о проведении состязаний для своих учеников. Он отлично знал, что в ответственных условиях соревнований особенно строго проверяются и, вместе с тем, закрепляются навыки, полученные на тренировках. Не говоря уже о том, что публичные выступления служили отличной пропагандой нового вида спорта.

Сегодня даже далеко не все здравствующие ветераны знают об этих самых давних, начальных состязаниях. А проведено их было до тридцать седьмого года целых полтора десятка. Первые открытые соревнования своих воспитанников Василий Сергеевич организовал в институте физкультуры еще в 1932 году. На следующий год состоялись состязания в рамках первой вузовской спартакиады института. А, проведя курс в Центральной школе ВЦСПС имени Н.М. Шверника, Ощепков и там устроил соревнования выпускников на первенство школы. В 1935 году состоялось уже не только первенство института физкультуры, но и первый чемпионат столицы. С тех пор они проводились регулярно даже в тяжелое военное время, кроме 1943 и 1945 годов. Не отстав от москвичей, ленинградские борцы с того же 35-го тоже начали систематически организовывать первенства своего города. Их последний предвоенный чемпионат закончился буквально за две недели до фашистского нападения на нашу страну.

Рассказывая о Спиридонове, я отмечал, что его, в целом полезная, деятельность была не свободна от ошибок. Самым главным заблуждением Виктора Афанасьевича было неприятие им системы Ощепкова. Как было бы полезно для их общего дела, если бы два этих крупных специалиста объединили свои усилия, отобрав все наиболее ценное,

что содержалось в их трудах! Но, увы! Спиридонов в тридцатые годы выступает уже как человек, препятствующий работе Ощепкова, пытающийся перечеркнуть его достижения в области самозащиты.

Уверенный, и не без основания, в полезности проделанной им многолетней работы, он не пожелал, а, скорее всего, не смог увидеть, что во многом Ощепков уже существенно опередил его.

Я не хотел бы, чтобы вы вообразили себе Виктора Афанасьевича в виде такого примитивного завистника и интригана. Все было, конечно, не так и психологически значительно сложнее. Вот, например, Ощепков обвинял Спиридонова в том, что броски в его системе, а особенно подножки, разработаны довольно слабо. Это было сушей правдой. Виктор Афанасьевич пренебрег этими действенными приемами, хотя знал их и по иностранным руководствам джиу-джитсу, и по переведенной им книге Вестергарда по вольно-американской борьбе. Броски он расценивал, прежде всего, не как основную, а всего лишь как подсобный прием. Этого требовала милицмейская практика. При аресте на улице бросок задерживаемого на мостовую, его тяжелые ушибы производят крайне неприятное впечатление на окружающих, да и не вынуждаются обстоятельствами, если речь не идет об особо опасном преступнике. И вполне естественно, что до настоящего времени милиционеры и оперативные сотрудники при задержании явно предпочитают использовать надежные болевые приемы. Так что позицию Спиридонова, при всей ее спорности, здесь все-таки можно понять, хотя и не вполне оправдать.

Справедливости ради, стоит сказать и то, что Ощепков, в основном правильно критикуя недочеты системы Спиридонова, сам тоже не во всем был прав. Так, он обвинял Виктора Афанасьевича в том, что у того нет приемов обезоруживания. В действительности такие приемы, разумеется, практиковались и даже были описаны еще в первом спиридоновском руководстве. Точно так же неосновательно было утверждение Ощепкова о неприменимости «рычагов», т.е. болевых приемов, в положении стоя. Такие приемы и сегодня широко используются в практике правоохранительных органов во всем мире, да и сам Василий Сергеевич преподавал их курсантам Высшей школы милиции, включил в свое милицмейское руководство почти в том же виде, что и Спиридонов, и постоянно применял их при обезоруживании противника.

Дзюдо теряет японское и приобретает русское лицо

Ощепков с головой был погружен в свою полезнейшую, увлекательную работу и меньше всего думал о том, чтобы как-то публично обозначить, «застолбить» свой приоритет, свое и без того очевидное лидерство. А уж тем более, документально оформить и официально закрепить за собой право основоположника отечественной борьбы в одежде. Да в этом, собственно говоря, и не было никакой нужды: любой мало-мальски причастный к спорту человек отлично знал, кем является Василий Сергеевич, и что им было сделано.

Точно так же не спешил он и дать своей, несомненно, новой и оригинальной системе особое, точно характеризующее ее название, а по инерции все еще именовал ее «борьба вольного стиля дзю-до». Ведь он, действительно, когда-то начинал именно с этого японского единоборства, которое являлось лучшей в мире, технически очень богатой прикладной борьбой, располагавшей не только бросками и удержаниями, но еще и болевыми приемами и удушениями. Но, будучи одним из лучших, если не самым лучшим, специалистом европейско-американского мира, он, в отличие от множества бездумных адептов дзюдо, отчетливо видел не только его несомненные достоинства, но и недостатки. Именно поэтому под руками Василия Сергеевича традиционное

дзюдо из года в год все заметнее теряло свое бывшее японское лицо.

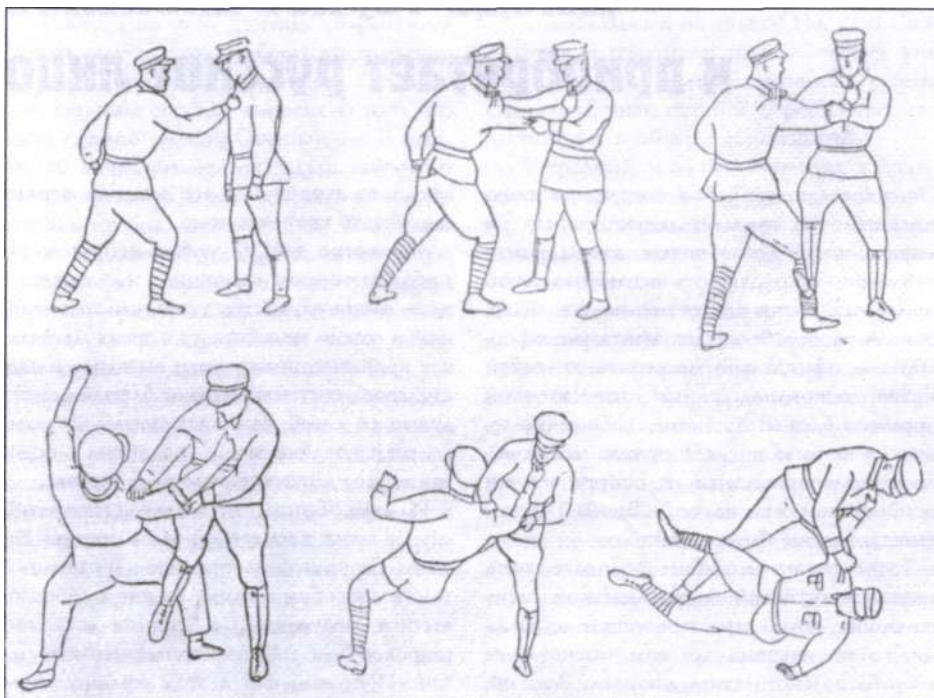
Абсолютно чуждый любых личных честолюбиво-авторских амбиций и «этикеточных» вопросов, мастер думал только о главном и совсем не заботился о таких мелочах, как кричащее, политически выгодное название своей системы. Однако ближайшее будущее со своей беспощадностью доказало смертельную опасность подобных «подозрительно» японских мелочных следов...

И даже потом, несколько десятилетий спустя после посмертной реабилитации Василия Сергеевича, злосчастное название оказалось способным одних ввести в добросовестное заблуждение, а другим - открыло широкое поле для нечистоплотных спекуляций. И первый шаг в этом сомнительном направлении сделал никто иной, как А.А. Харлампиев.

Облыжно объявив себя создателем самбо, единственным и совершенно самостоятельным, он прямо-таки самоотверженно оберегал свой «самокройный» миф. На протяжении многих лет десятки интервью раздавал этот «творец», во множестве печатал **книги** и статьи, **но ни разу не** нашлось ни в одной из них места для фамилии Ощепкова. Уж очень хотелось по-прежнему красоваться в завидной роли «создателя самбо». А ведь стоило лишь только упомянуть имя подлинного основоположника, как самозванный «создатель» сразу же превратился бы, хоть и в очень старательного, но всего лишь одного из многих учеников Василия Сергеевича. Даже после полной реабилитации **своего безвинно** замученного учителя Харлампиев долгие **годы** старался умалчать о нем. И нипочем не желал признаваться в своем четырехлетнем институтском обучении у Василия Сергеевича. Лишь только в 1964 году «благодарный» ученик был вынужден впервые произнести имя своего мудрого наставника. Только не подумайте, что были это слова раскаяния и запоздалой благодарности. Вовсе нет.

Прошло уже почти десять лет после полной реабилитации Ощепкова, уже появились первые публикации о нем, и теперь было просто необходимо **что-то сказать** о характере его работы. Но только так, чтобы; избави Бог, не пошатнуть свой липовый пьедестал «творца». Вот **здесь-то** и

очень пригодились опометчиво сохраненное Василием Сергеевичем японское название своей борьбы в одежде. Из всех сил пыжась доказать, что его учитель, якобы, не имел никакого отношения к созданию нового вида борьбы, что Ощепков - это дзюдо и только дзюдо, Харлампиев писал: «Параллельно с совершенствованием и распространением борьбы самбо активную пропаганду японской спортивной борьбы дзю-до проводил В. С. Ощепков. В начале 30-х годов его деятельность сыграла положительную роль и в развитии борьбы самбо: он организовал много соревнований, где спортсмены, занимавшиеся дзюдо, встречались с самбистами и борцами разных национальных видов борьбы («чидабубо», «курэш» и др.)».¹

Читателям внушалось, будто бы существовало два совершенно раздельных и самостоятельных направления, два лагеря: ощепковские дзюдоисты и противостоящие им некие самбисты, разумеется, харлампиевские.

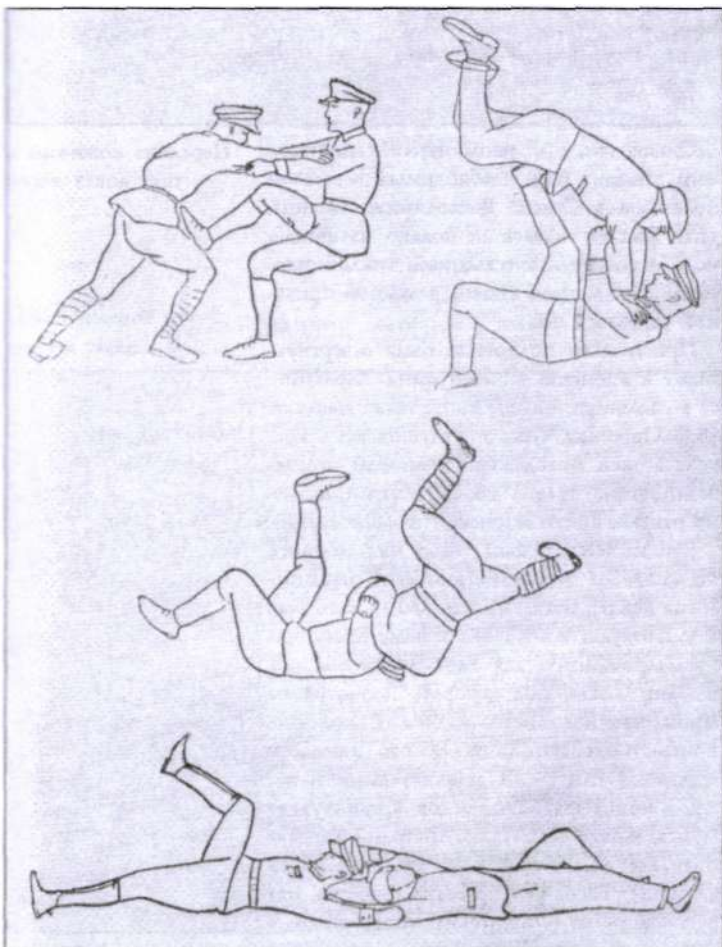
Но как же обстояло все на самом деле? Действительно ли Ощепков всего лишь механически перенес на русскую почву дзюдо и практиковал его «параллельно» с мифическим харлампиевским самбо? Или же, используя японский технический материал, сумел создать собственную, самостоятельную систему? А если создал, то как его детище соотносится с современным самбо и генезисом этого нашего вида борьбы?

Сначала давайте разберемся с одним вопросом, который, похоже, еще никому не приходил в голову: как, чисто по-человечески, воспринимал Василий Сергеевич боевые японские искусства? «С восхищением! В высшей степени положительно!» - такой ответ представляется поначалу единственно возможным. Действительно, как еще мог оценивать дзюдо великий знаток и неутомимый энтузиаст, внедрявший его в российскую практику? Однако, подобное, лежащее на поверхности решение будет абсолютно неправильным, как это ни удивительно. Ведь здесь мы подсознательно подменяем сложный психологический портрет мастера примитивными контурами некоторых наших доморощенных сэнсэев, которые спят и видят, только бы стать «настоящим японцем». Между тем, в отличие от этих наших современников, Василий получил в духовной семинарии добротное русское воспитание в старинных православных традициях. Могучее благотворное влияние такой замечательной и необыкновенно яркой личности, какой являлся создавший в Токио семинарию архиепископ Японский Николай (сопричисленный ныне даже к лику святых), наделяло семинаристов высокими духовными ценностями, прямо противоположными самурайским. Под его неотразимым, чисто психологическим воздействием даже сами самураи отрешались от прежних языческих убеждений и принимали

ли православие. А уж тем более, для русского юноши были противоестественными «доблести» «самураев», с удовольствием рубливших головы своим беспомощным пленникам. Что, кроме отвращения, могли вызывать у него такие варварские традиции? Ошепков откровенно ненавидел все это, о чем сохранилось его собственноручное свидетельство. Здесь не могло не повлиять и совсем нелепое недавнее поражение огромной России в войне с небольшой и только набиравшей силы Японией. Вот под каким углом воспринимал юный семинарист японские реалии.

И возвратившись на Родину, он меньше всего старался «ояпонить» своих учеников, но в предвидении неизбежной и беспощадной будущей войны всеми силами стремился донести до соотечественников весьма полезное японское «тайное оружие» рукопашного боя. Донести отнюдь не в каноническом, а в значительно улучшенном, научно модернизированном, советском варианте. Василий Сергеевич целенаправленно ориентировался на физкультурную практику России, как одной из стран европейской цивилизации.

Бросок через голову с упором ногой в живот

лизации. И именно в этом заключались концептуальные основы, которые достаточно очевидно просматриваются в его работе.

Ученики Ошепкова боролись не на жестком дзюдоистском татами, а на мягком ковре, который и в России, и в других европейских странах повсеместно использовали в греко-римской или, как ее у нас называли, «французской» борьбе. И так же, как в этой борьбе, приветствуя друг друга перед началом схватки, не отбивали кондовых японских поклонов, а обменивались рукопожатием. Потом делали еще один-два шага вперед, поворачивались лицом к сопернику и начинали схватку. Боролись не босиком, а обували обычные «борцовки», а затем и специально сконструированные легкие ботиночки. Вместо не очень удобного дзюдоги с неприкрепленным к нему поясом, которое распахивалось при первом же захвате за оборот, стала использоваться соответствовавшая нашему типу одежды ладно сидящая куртка с пришитым поясом. На смену брюкам пришли привычные спортивные трусы с плавками. Стоит отметить, что некоторые зарубежные специалисты, познакомившись впоследствии с самбо, справедливо отмечали более современный, аккуратно спортивный вид самбистского костюма по сравнению с дзюдоистским.

Отказ от неперенных японских обрядовых поклонов, японского спортивного инвентаря и костюма поначалу вполне можно принять за незначительные и чисто внешние перемены, но это было совсем не так. Прежде всего, все эти отличия неизбежно и весьма заметно повлияли на технический рисунок исполнения приемов. Каждый, кому доводилось облачаться в кимоно после привычной самбистской куртки, хорошо помнит, как существенно приходилось приравниваться и к специфике японской одежды, и к жесткому татами.

Но и этим дело вовсе не ограничивалось. За таким, казалось бы, чисто механическим и поверхностным антуражем в действительности стояли очень серьезные национально-психологические, даже идеологические моменты.

Сейчас уже редко кто вспомнит, если вообще знает, о тех сверхзадачах, какие ставил перед собой Кано Дзигоро, исходя из социально-экономической обстановки в Японии конца XIX в. И о том, что создание дзюдо явилось не только, и даже не столько спортивным, сколько необходимым и полезнейшим национально-идеологическим событием. Дело в том, что реформы Мэйдзи, направленные на ускоренную европеизацию

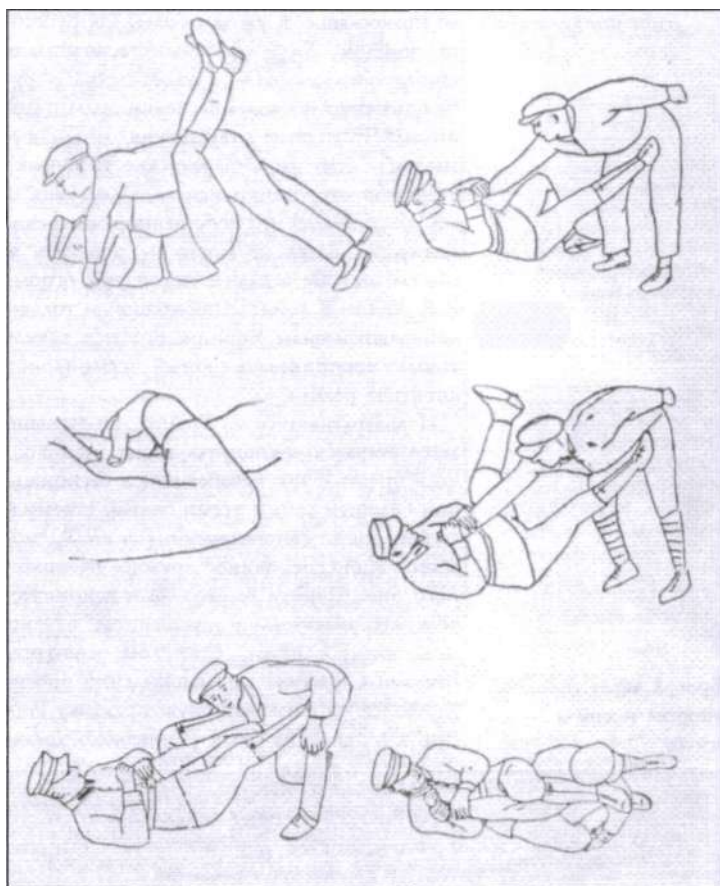

страны, внесли опасный разлад, разрушая тысячелетние традиционные социально-психологические устои японского народа. Особенно угрожающе это коснулось молодежи. Тогда ее настроения были похожи на те, которые пачкают Россию в течение всех последних десяти лет.

Молодые японцы начинали презирать и стыдиться своей культурно и промышленно отсталой страны. Мощные и богатые западные государства вызвали неукротимую зависть и бездумное обожание. Самые «продвинутые» уже щеголяли в крахмальных воротничках, котелках, визитках и, уж конечно, не знали ничего более престижного и увлекательного, чем европейские виды спорта. Вот тогда-то мудрый педагог Кано на основе старинных японских боевых искусств и создал свое дзюдо, в котором даже название было не придумано им, а бережно перенесено из былого самурайского лексикона. Создал и щедро предложил японской молодежи, уже готовой было стать презренными отщепенцами, столь же, если даже не более увлекательное, чем европейские виды спорта, и во всех отношениях полезное чисто национальное спортивное единоборство. И по старине традиционное, и по современному модернизированное.

Спорт, в котором были не только умно и бережно сохранены, но и умело, сконцентрированы знакомые и родные с детских лет древние обычаи предков. В нем все не то что говорило, а прямо-таки кричало о своем японском, родном, касавшемся самых глубин души и генетической памяти.

Так, татами, маты из рисовой соломы, - неперменная часть интерьера традиционного японского жилья: ими застилают в доме полы. И ни один японец не наступит на татами обутой ногой: непременно разуется и оставит обувь за порогом. Именно отсюда - татами в качестве дзюдоистского «ковра» и «босоногость» дзюдоистов. Точно так же, и дзюдоги родилось из старинного национального японского одеяния кимоно. А неизменные и обязательные в быту поклоны имеют весьма солидный, более чем тысячелетний, «стаж». И совсем не случайно преподавание дзюдо со временем было предусмотрено во всех школьных программах, с ранних лет воспитывая японцев в духе патриотических национальных традиций. И сегодня, более ста лет спустя, можно уже воочию убедиться, какую огромную пользу принесла такая мудрая национальная укорененность, не только не помешавшая, но даже способствовавшая успехам Японии в сфере международной науки и техники.

Однако же, если упомянутый национальный колорит был необходимым и весьма полезным в Стране Восходящего Солнца, то в России являлся не только излишней, но и нарочито искусственной, чуждой экзотикой. Что и стало вполне разумной причиной отказа от неё.

Практически полностью была отвергнута также и японская терминология. Харлампиев в упомянутой выше книге также написал: «В.С. Ошепков, чутко прислушиваясь к критике нашей молодежи, во многом отошел от японских правил дзю-до, а затем частично отказался и от японской терминологии».

Что касается правил, то о них немного позже. А вот от чуждой японской терминологии мастер отказался задолго до того, как в инфизкульт в обучение к нему поступила премудро-критическая харлампиевская «наша молодежь», под которой, несмотря на множественное число, надлежит, конечно, понимать только лишь самого липового «создателя самбо». В действительности же, еще в конце двадцатых годов, когда студент музыкального техникума Анатолий Харлампиев все еще старательно дудел на своей валторне, Василий Сергеевич, работая над руководством «Физические упражнения в

Передние ножницы и
гяку локтя ногой

РККА», использует уже исключительно русские названия приемов. А ко времени поступления Анатолия в институт, под крыло Ощепкова, у того уже оставался в ходу всего-навсего один-единственный японский термин - «гяку», т.е. болевое воздействие на суставы, которому пока еще не был подобран подходящий русский эквивалент. Во всем остальном - исключительно русская терминология, до сих пор употребляющаяся в самбо: «отхват», «отхват изнутри с захватом ноги», «зацеп», «боковая подсечка», «бросок через голову», «бросок через бедро», «удержание» и другие. В этом совсем нетрудно убедиться, полистав инфизкультурский «Сборник материалов по учебным дисциплинам 1932 - 1933 учебного года» - того самого, когда зеленый абитуриент Харлампиев еще только-только переступил порог института.

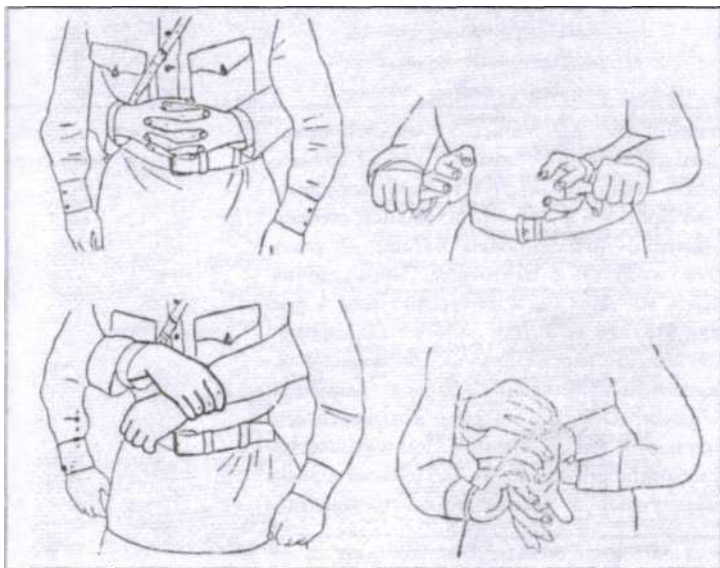
Но, конечно же, самым главным в процессе создания новой, самостоятельной системы была разработка техники, правил и методики в точном соответствии с придаваемым ей современным характером. С благодарностью и уважением воспринимая все полезное, созданное мэтром Кано, его русский ученик столь же решительно критиковал недостатки дзюдо, стремился поднять свою систему до мирового уровня науки физического воспитания. Свое мнение на этот счет он сформулировал достаточно ясно и безапелляционно: «...Мы должны основательно вооружиться знанием этой интересной и полноценной для нас системы, стараясь достигнуть в применении ее приемов той высокой техники, которая пока является достоянием только японцев... Мы

не только должны изучить ее, как распространенную систему, но и добиться применения ее в деле укрепления обороноспособности нашей страны, обогатив ее нашими достижениями в смысле методики ее изучения и техники выполнения ее приемов... Среди обильной литературы по дзю-до на иностранных языках... абсолютно не имеется материалов, освещающих методическую установку по изучению этой системы. Крайне мало уделено вниманию вопросам методики дзю-до и в японских источниках... Поэтому наша задача состоит в том, чтобы поднять дело изучения дзю-до, особенно с методической и гигиенической стороны, на значительно более высокую ступень, чем это достигнуто, например, немцами, у которых эта система в последние годы вылилась в форму массового вида спорта... В методическом отношении по изучению дзю-до мы расходимся не только с немцами, но и с институтом Кодокан... Он до сего времени не удосужился разработать отдел подготовительных упражнений общеразвивающего характера. Это свидетельствует о том, что многие адепты дзю-до из института Кодокан остаются сторонниками консервативного взгляда, считая, что падения (с чего собственно начинается изучение дзю-до в Японии), а затем приемы могут считаться достаточной подготовкой организма для занятий дзю-до, и что никаких других упражнений общеразвивающего порядка вводить в эту систему нет смысла... Но мы считаем, что этими упражнениями ограничиваться нельзя, так как при падениях и приемах в работе участвуют далеко не все мышцы тела и, следовательно, возможность равномерного развития организма без специальных упражнений достигнута быть не может».

Стремясь к возможно более широкому распространению в стране своей борьбы в одежде, Василий Сергеевич основательно готовил к этой ответственной миссии целую плеяду своих воспитанников. В полном объеме давал им знания и навыки, необходимые квалифицированному преподавателю и тренеру тех лет.

Предусмотрено было все, вплоть до мелочей: характер помещения, необходимый для занятий, и его оборудование; принципы разбивки на группы, в соответствии с физическими кондициями учащихся, их возрастом, подготовленностью и «успешностью освоения», а также построение занятий и поурочный расклад с учетом этих факторов и длительностью срока обучения. Приводилась также «примерная схема практического урока».

Освобождение от захвата сзади

Обязательным являлось составление плана занятий группы и индивидуальных планов для каждого из ее членов. Степень нагрузки, продолжительность занятий и конкретные формы тренировки в индивидуальном плане определялись физическими и психологическими возможностями ученика. При этом неперенным был строгий контроль за оптимальной нагрузкой по данным систематического врачебного контроля: «...Работа преподавателя должна проходить в тесном контакте с врачом»². Сюда же следует отнести и строгое соблюдение личной гигиены учащимися. Особое внимание уделялось антитравматическим мерам.

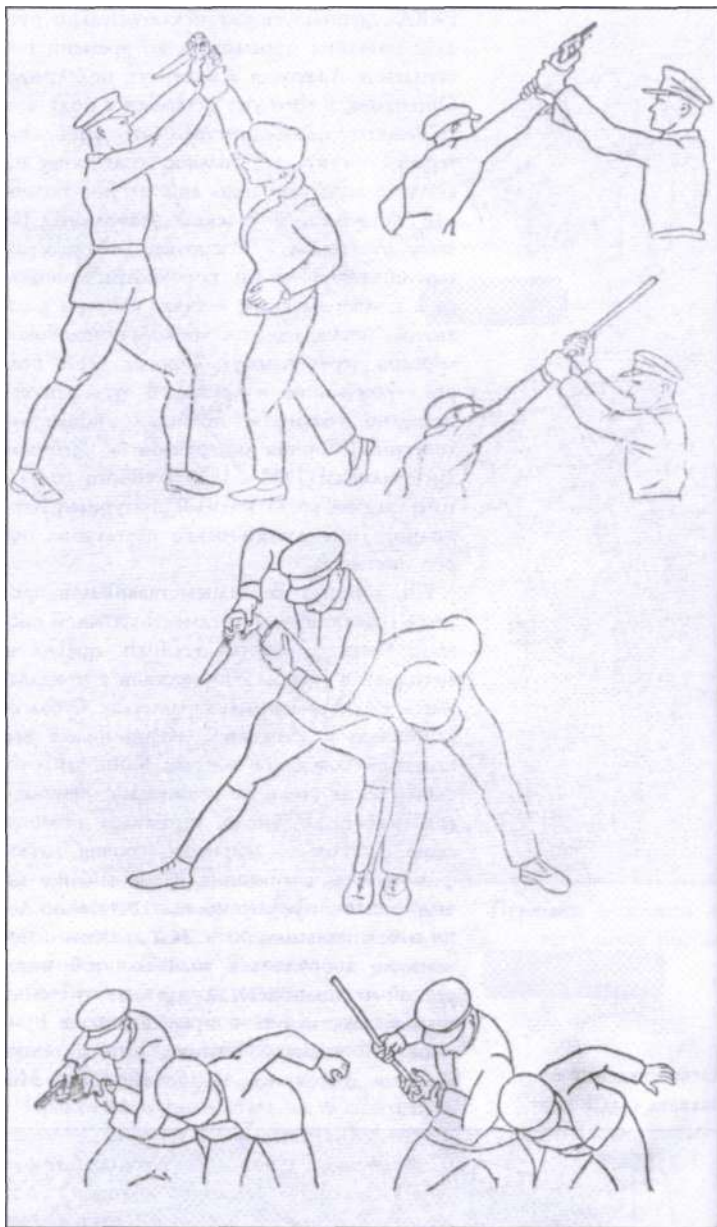
Принципиально важное значение придавалось общефизической подготовке, необходимость которой в те годы многие японские дзюдоисты еще отвергали. Она реализовалась за счет «общеразвивающих упражнений», специально подобранных из европейских систем Мюллера, Бука, Сюрена и шведской системы с использованием соответствующего спортивного инвентаря. Те же функции исполняли и разработанные Ощепковым специальные «подготовительные упражнения», состоящие из «асимметричных движений», имитирующих движения различных бросков.

Была четко регламентирована последовательность преподавания и освоения техники: сначала спортивной, а только затем и на ее основе - прикладной. При этом давалась «примерная схема практического урока», предусматривающая обязательные «подготовительные, общеразвивающие упражнения» в начальной части урока и «успокаивающие» - в заключительной. Затем рекомендовался самомассаж или массаж и душ.

Последовательность преподавания техники предусматривала постепенный переход от легких в исполнении приемов ко все более сложным. При этом нельзя было переходить к изучению следующего приема до тех пор, пока не будет «технически хорошо усвоен» предыдущий.

Освоение каждого приема начиналось с подробного и понятного его объяснения. Затем прием демонстрировался в медленном темпе, чтобы обучающиеся имели возможность в общих чертах увидеть его технический рисунок. Вторично прием показывался уже в боевом темпе. В рамках общей методики были особо предусмотрены наиболее рациональные методы освоения каждого отдельного приема.

Так, изучение бросков начиналось с ими-

тационных ощепковских «подготовительных упражнений», которые давали возможность ученикам «прочувствовать» все движения броска и в какой-то начальной степени, «начерно» оттренировать их еще до реального контакта с партнером. Затем, разбившись на пары, «соответственно весу и росту», ученики начинали работу с несопротивляющимся партнером, последовательно осваивая составляющие бросок элементы: «Бросок изучается по разделениям, то есть изучаются его составные части; и только после хорошего усвоения разделений броска приступают к выполнению его слитно...

Защита от палки.
ножа, револьвера

² Здесь и далее цитируется «Сборник...» и излагаются положения ощепковского конспекта «Дзюдо», опубликованного в нем.

Слитное выполнение бросков с целью технической их отшлифовки производится в «условной тренировке». К «учебным же вольным схваткам» можно переходить только тогда, когда очень хорошо будет проработан известный комплекс бросков, которыми можно было бы свободно оперировать в вольной схватке... Учебные вольные схватки на все броски и на приемы в партере проводятся после качественной проработки всех приемов как в стойке, так и в партере. Учебные вольные схватки могут проводиться в конце каждого урока, начиная с 3 - минутного срока без перерыва и до 10 минут с минутным перерывом после первых пяти минут».

Четко определив стадии обучения, Василий Сергеевич специально подчеркивает: «Изучение всех разделов прикладной части дзю-до начинается после того, как будет изучена спортивная часть дзю-до».

Этот кардинально важный принцип спортивной основы сохранен Ощепковым

даже в программе краткосрочного, всего тридцатичасового, курса в рамках норм ГТО - II. Даже там «проведение 10-минутных вольных схваток являлось совершенно обязательным, так как без сохранения спортивных принципов нельзя достичь практического освоения этой системы, невозможно овладеть техникой и развить ориентировку в комбинированном применении изученных приемов...».

В своих не слишком обширных, но достаточно емких методических наставлениях мастер не забыл ни вопросов психологической подготовки учеников, ни способов поддержания их постоянного интереса к занятиям.

Должен заметить, что изложенное выше отнюдь не исчерпывает опубликованные Василием Сергеевичем концепции. Александр Харлампиев сообщил мне, что в архиве его отца лежат «замурованные» вот уже 65 лет и еще неизвестные ощепковские «методички».

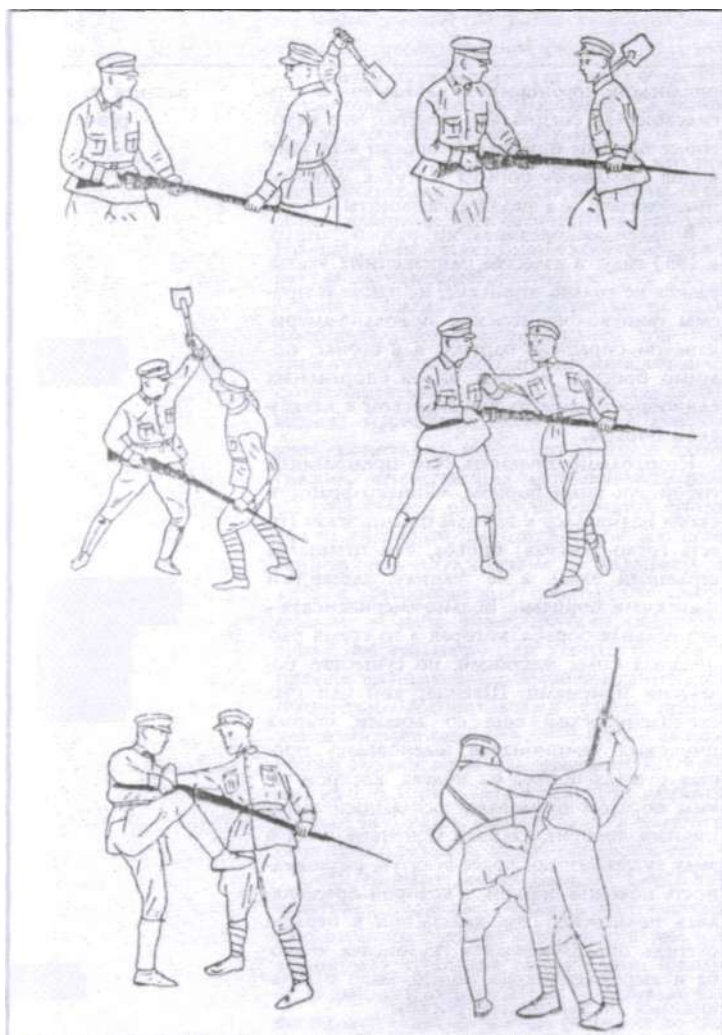
Едва ли не самой главной и ценной концепцией ощепковской работы было создание не только современной, но еще и открытой системы, способной к постоянному развитию.

Открытость системы давала отличную возможность творчески использовать лучшие элементы любых иных систем, в том числе, и в первую очередь, того же дзюдо. Как бы глубоко это не возмущало некоторых фальсификаторов патристически-квасного, антикосмополитического разлива, есть все основания утверждать, что наше самбо начиналось именно с японского дзюдо.

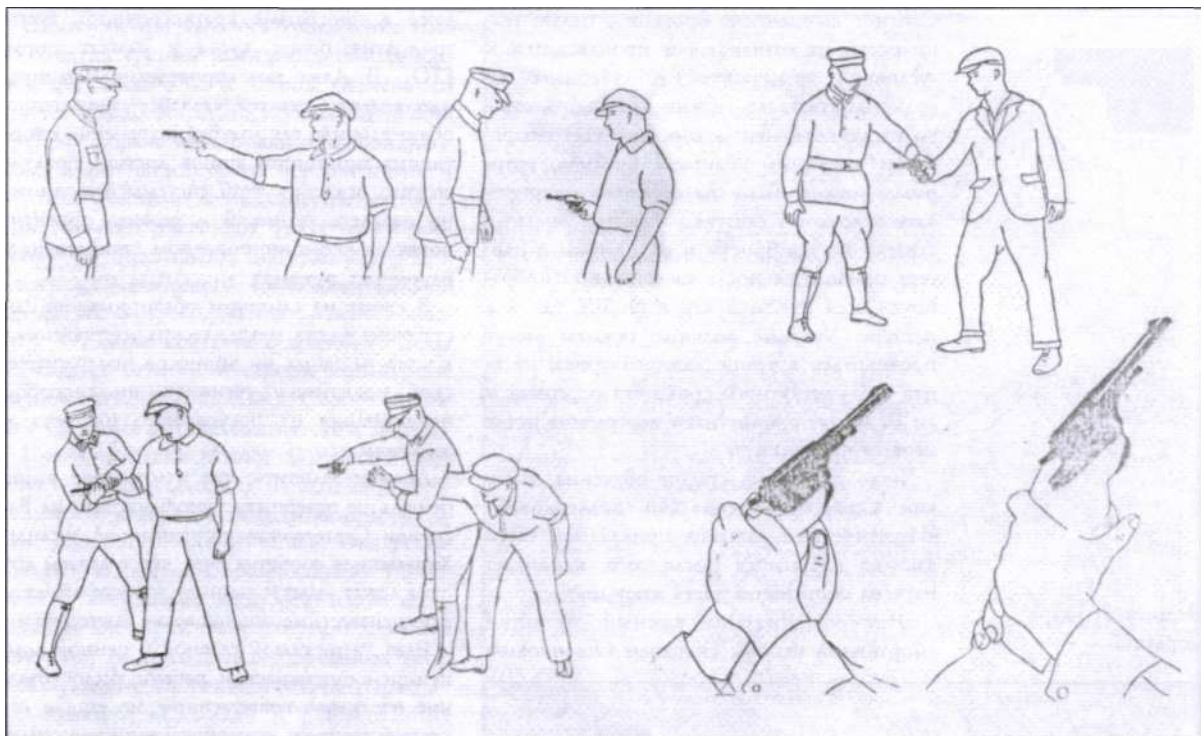
В сущности единственное, что Ощепков изначально взял из дзюдо и в значительной степени сохранил - основы техники. В двух дошедших до нас работах он рассмотрел международные единоборства и целый ряд национальных видов борьбы, указал их достоинства и недочеты и пришел к выводу, что ни один из этих «соперников» дзюдо не располагает равным японскому арсеналом разнообразных и действенных приемов. Богатейшим арсеналом, где кроме широкого выбора оптимально разработанных бросков со способами безопасного падения, практиковались бы еще различные болевые приемы, удушения, удержания, удары руками и ногами в боевом разделе и т.п. Вот почему, особенно в начале своей работы, Василий Сергеевич во многом опирался на дзюдо.

Но это вовсе не было таким «всеядным потреблением». Улавливая преимущества и столь же ясно видя недоработки японского «наследства», он проводил жесткую селекцию приемов: дорабатывал их или даже во-

Защита от удара лопаткой

обще отбрасывал те, которые считал сомнительными.

Обогащение технического арсенала своей системы вызвало особую заботу Ошепкова. Мастер постоянно пополнял и совершенствовал его, отчего напрямую зависело повышение прикладной ценности системы и зрелищной яркости состязаний на ковре. Стремясь расширить арсенал, он не только в боевой, но и в спортивный раздел ввел болевые на ноги, которые в японском дзюдо запрещены к использованию на соревнованиях.

Ошепков был убежден, что дзюдо решительно превосходит любой международный или национальный вид единоборства, но это вовсе не мешало ему увидеть, что и они располагают рядом действенных приемов, неизвестных в японской борьбе. А открытый характер его системы позволял легко и органично воспринимать и усваивать любой из таких эффективных приемов.

Он тщательно проанализировал все существовавшие тогда международные спортивные единоборства, китайское ушу и целый ряд национальных видов борьбы с точки зрения применимости их техники в боевой схватке. В орбите его пристального внимания оказались не только удары ушу, английского и французского бокса, но еще и приемы «финско-французской», а также целого ряда иных видов борьбы, которые Василий Сергеевич именовал «вольной»: вольно-аме-

риканской, швейцарской, кавказской и персидской. Он специально отметил, что некоторые приемы и особенно броски всех этих видов «вольной» борьбы могут с успехом применяться и в целях самозащиты.

В правилах соревнований, разработанных в 1933 году, в качестве разрешенных указывались не только японские, но также и приемы финско-французской и вольно-американской борьбы в партере, а в стойке, помимо бросков из этих видов спортивных единоборств, еще из швейцарской и кавказской борьбы.

Необходимо пояснить, что представляли собой эти виды борьбы. «Финско-французской» называлась в те годы французская (то есть греко-римская) борьба, чем отмечался серьезный вклад в ее технику, сделанный финскими борцами. Вольно-американская – это вольная борьба, которая в то время располагала более жесткими, по существу, болевыми приемами. Швейцарской или русско-швейцарской еще со времен старых цирковых чемпионатов именовалась простая русская борьба на поясах, которой таким образом придавался рекламный заграничный колорит. Однако Ошепков имел в виду ту технически более богатую разновидность поясной борьбы, в которой применялись подножки. Под кавказской в первую очередь подразумевались грузинская чигаоба и азербайджанский гюлеш, мало отличающийся от персидской борьбы.

Защита от угроз
револьвером

Так, Ощепков дал в своих правилах зеленую улицу национальным единоборствам и обратился к изучению их. В результате, традиционная японская техника, сталкиваясь с новыми для нее приемами международных и национальных видов борьбы, не просто обогащалась в количественном отношении, но и выигрывала в качестве. Этот плодотворный процесс рождал совершенно новые, неизвестные ни в одном из «исходных» единоборств технико-тактические варианты. Главную роль здесь сыграли смелые творческие разработки Ощепкова и его учеников, тренировочная и состязательная практика, в которых реально воплощалось основополагающее требование Василия Сергеевича об обогащении дзюдо «нашими достижениями в смысле... техники выполнения ее приемов».

Именно эти, вошедшие в арсенал ощепковской системы приемы с похвальным тщанием заносил в свои пресловутые тетради мнимый «основоположник» самбо. А на обложке первой из них, которая датирована годом начала его учебы у Ощепкова - 1934-ым, прямо указано, что это студенческие записи Харлампиева техники дзюдо, которая преподносилась Василием Сергеевичем в институте физкультуры.

Адепты Харлампиева утверждают, что после кончины «врага народа» ничего не осталось: сплошной «документальный вакуум». Но здесь они явно обманываются в своих радужных надеждах!

Книгу Ощепкову действительно не дали завершить, однако сохранились три его, упоминавшиеся мной, публикации технического характера и работы его учеников Васильева, Ларионова, Галковского, Школьников, Сагателяна, несколько десятков фотографий, запечатлевших исполнение Василием Сергеевичем различных приемов. (Многие из этих фото были приведены в составленном А.А. Будзинским и изданном в 1998 г. Всероссийской федерацией самбо альбоме «Самбо довоенного периода России».) Все эти материалы своих учителей и предшественников Харлампиев практически полностью воспроизвел в своей первой книге «Борьба самбо» в 1949 году. По подсчетам Будзинского, заимствованы 124 приема из 176, описанных в книге. И имеются только 42 новых, родившихся в самбистских коллективах за истекшие десять лет...

Свой вариант дзюдо Василий Сергеевич трактовал, главным образом, как систему рукопашного боя. Об этом он говорил и в лекции для курсантов Центральной школы милиции, и в методических материалах ин-физкульты. (Едва ли в этом не могла не ска-

заться неизбежная дань социальному заказу того времени.) Система подразделялась на спортивный и прикладной разделы. При этом спортивная борьба являлась основой борьбы невооруженных прикладного раздела. Ощепков неоднократно специально подчеркивал важность спортивной основы, которая давала не только определенный технический арсенал прикладного характера, но и вырабатывала необходимые психологические качества бойца: «...Без сохранения спортивных принципов нельзя достичь практического освоения этой системы, невозможно овладеть техникой и развить ориентировку в комбинированном применении изученных приемов».

Прикладная часть состояла из разделов борьбы невооруженных, борьбы невооруженного против вооруженного и борьбы вооруженных. О последнем разделе говорилось, что в него «входят все приемы спортивной и прикладной части дзюдо-до, которые применяются в комбинациях, когда оружие не может быть использовано». При этом ученикам преподносилось не только обезоруживание в вооруженной схватке, но и работа ножом, палкой, оружием типа кистеня, фехтование винтовкой.

Один из тактических принципов мастера, о котором впоследствии поведал его ученик Н.М. Галковский: удар - прием - удар. Василий Сергеевич яростно отрицал столь популярные у Спиридонова болевые в положении стоя. «Рычаги» в стойке, в условиях серийной рукопашной схватки не имеют практического значения и могут быть действительны лишь тогда, когда противник добродушно поддается или вообще не имеет в виду сам нападать. Значение их тем более уменьшается, если на них делается ставка, как на самостоятельный прием. «Рычаг» может быть действителен только в сочетании с подножкой или с ударом...» Я уже говорил, что в этом споре Ощепков был не совсем прав, если говорить именно о полицейской системе.

Василий Сергеевич предложил богатейший выбор приемов безоружного боя как с безоружным, так и с вооруженным противником. Болевые приемы, контрприемы, защиты, комбинирование болевых с бросками, удушения, обезоруживания, множество способов освобождения от различных захватов с приведением противника в беспомощное состояние, превращение спортивных бросков в боевые за счет усиления удара о землю или «втыкания» головой в землю (ученики, по шутливой аналогии, называли такой бросок «огнетушителем»).

Подобного широчайшего «ассортимента» еще никогда не бывало у нашей армии. И именно ошепковскую технику в дальнейшем широко использовали все наши специалисты, и даже в настоящее время, после невероятного наплыва восточных новинок, она, в основе, сохраняет свое значение.

Боевые приемы Ошепков предложил и для свободного изучения гражданским населением в рамках норм ГТО второй ступени. В этом отношении он занимал принципиально иную позицию, чем Спиридонов.

Современное всевластие ударов ногами, пришедшее из восточных единоборств, убедительно доказывает, как провидчески безошибочно предвидел мастер пути будущего развития средств рукопашного боя. Одним из первых в европейско-американском мире и еще за несколько десятилетий до всемирного триумфа каратэ он осознал подлинную и далеко не полностью используемую мощь подобного оружия. Однако для полноценного овладения им были необходимы тренировочные схватки и, желательно, в полную силу.

«Спортизация ударов ногами заключается в том, что для проведения схваток мною сконструированы перчатки для ног, как это сделано для рук в английском боксе, фанерный нагрудник и щиток, закрывающий промежность. В настоящее время мною разрабатываются формы тренировок по спортивному боксу ногами и я думаю, что в ближайшем будущем удастся добиться того, что система ударов ногами выльется в спортивную форму», - писал наш неутомимый новатор и энтузиаст рукопашного боя. Закончить эту работу, как и очень многое другое, ему так и не удалось...

Создание новой, современной системы никак не могло иметь и, действительно, не имело революционного, одномоментного характера. Оно потребовало длительного и вдумчивого творческого труда, где неизбежным был и отрицательный опыт, помогавший найти правильные пути.

Особенно наглядно показывает это работа по созданию правил борьбы, которые должны были точно отвечать принципиально новому, прогрессивному характеру создаваемого единоборства.

Учитывая, какое большое значение для формирования борьбы имеют ее правила, Ошепков уделял сугубое внимание их тщательной отработке. На общемосковском собрании дзюдоистов 5-го сентября 1936 года он рассказал, что вначале использовал японские правила, но затем пять-шесть раз изменял их. Однако необходимых результатов

это не давало, и, в конце концов, были разработаны независимые от японских, собственные специальные правила, призванные придать желательное направление развитию нового вида борьбы,. В целях стимулирования роста технического мастерства и предотвращения травматизма в ошепковских правилах определялся объем технических средств, которым должен был владеть борец того или иного разряда, и который ему разрешалось использовать на ковре. Регламентировались технические новации в виде использования приемов, заимствованных из других видов борьбы. Для справедливого выравнивания сил состязающихся и обеспечения тем самым широкой массовости были введены восемь весовых категорий. Правила приобретали характер, свойственный правилам современных международных видов спорта, культивировавшихся в Советском Союзе.

Бывший председатель Всесоюзной секции (то есть федерации) борьбы вольного стиля дзюдо, ветеран А. М. Рубанчик сообщил, что даже после гибели своего учителя использовал его наметки при составлении очередного варианта правил. И были это те самые правила «борьбы вольного стиля (дзюдо)», подписанные к печати 27 апреля 1938 года, которые два месяца спустя обсуждались на пресловутой «Первой всесоюзной конференции советской борьбы вольного стиля» и практически целиком были приняты для, якобы «созданной Харлампиевым, нашей советской борьбы вольного стиля».

После того, как я более тридцати лет назад впервые ознакомил читающую публику с биографией и трудами Ошепкова, не было ни одной книги или статьи о самбо и рукопашном бое, где бы не упоминалась фамилия этого мэтра. Но я не припоминаю ни одной, хотя бы самой скромной попытки авторов профессионально и доказательно проанализировать наследие Василия Сергеевича. И это при всем том что его авторство до сих пор недобросовестно пытаются оспаривать! Сегодня можно считать доказанным, что именно Ошепков и никто иной заложил в качестве основополагающих, концептуальных положений то, на чем базируется борьба, которую с 1946 года именуют «борьбой Самбо».

Таковыми базовыми элементами, исчерпывающе полно характеризующими самбо, являются: 1) современный характер системы, предполагающий опору на достижения науки физического воспитания; 2) безусловная открытость для использования лучших элементов других систем, способных прине-

ста пользу; 3) максимальная прикладность; 4) зрелищность, в частности, как один из способов пропаганды; 5) обязательность антитравматических мер и врачебного контроля; 6) воспитание боевых навыков исключительно на спортивной основе.

Правильность принципов, заложенных мэтром в основу его борьбы нового, современного типа, была с убедительной наглядностью доказана при первых же встречах самбо со своим японским предком - дзюдо.

В канун Токийской Олимпиады 1964 года, где должно было дебютировать дзюдо, искусные сэнсэи были прямо-таки ошеломлены совершенно необъяснимыми, неожиданными для них успехами наших самбистов, появившихся на татами. Тревога схватила весьма хладнокровные и сдержанные японские сердца, поселив в них нешуточный переполох...

Ежегодник Федерации дзюдо США опубликовал статью с многозначительным заголовком: «Самбо - угроза, нависшая над дзюдо». Ее автор, дзюдоист высокого 5-го дана и крупный специалист по каратэ и другим боевым искусствам Японии, Донн Дрэггер³, хотя и предупредил о своем не вполне достаточном знании самбо, сумел написать очень умную и весьма компетентную статью.

Дрэггер писал так: «Дзюдо - пройденный этап для самбистов. Они очень быстро и просто освоили дзюдо. Я не хочу на этом подробно останавливаться, но вы должны знать, что самбисты после 4-6 месяцев подготовки могли успешно бороться с обладателями 4-го дана (заметьте, что при этом они были ограничены непривычными для них правилами дзюдо).

Отличительной чертой, с которой столкнулись дзюдоисты на первых соревнованиях с самбистами, была особая устойчивость от бросков во всех направлениях, их феноменальный баланс. Попытки дзюдоистов провести броски в стойке и перевороты в партере разбивались о защиту самбистов. Эта устойчивость достигается специальной гимнастикой в результате того, что в самбо включаются элементы различных видов борьбы...

Самбисты отлично чувствуют себя в борьбе лежа, но также неплохи и в стойке (включая броски и захваты). Самбисты хорошо проводят выведение из равновесия, они используют любой промах противника

для перевода его в партер. Они специализируются на удержаниях, но неумело делают перевороты, «оседлания», применяя приемы вольной борьбы. Они мастера проведения болевых приемов из всех положений, в том числе и из стойки.

Дзюдоисты должны твердо усвоить, что болевые приемы могут начинаться в стойке, и самбисты часто используют такую технику (Тонэ был побежден болевым приемом за 57 секунд, несмотря на то, что объем его бицепса равен 67 см)...

Захваты самбистов часто ставят дзюдоистов в беспомощное положение своей силой и эффективностью. Судьи, не понимающие самбо, видят в этих захватах нарушение правил. К этому, прежде всего, относятся захваты пояса. Захват за пояс - это атакующий захват, используемый самбистами для атаки как наступающего, так и отступающего противника.

В 1963 году, когда русские были в Токио, этот захват был вначале оставлен японскими судьями без внимания, его рассматривали как чисто оборонительный. Беруашвили захватил Сэкино этим способом и неожиданно бросил его с такой силой, что незадачливый японец приземлился вниз лицом. Судьи не разрешили больше Беруашвили производить такой захват, но это не смутило крепкого самбиста, который бросил подхватом под две ноги Сэкино на татами и немедленно сделал ему удержание.

Самбо - это вызов дзюдо. До сих пор дзюдо воображало о себе слишком много. Окружившись баррикадами японских традиций, оно чувствовало себя в безопасности.

Теперь в этом узком спортивном мире появилась новая форма борьбы - такая, как советское самбо, которое открывает неожиданный факт: дзюдо не совершенно, оно имеет множество болезней и, с точки зрения современного отношения к спортивным соревнованиям, требует внимательно-го исследования и изучения.

Самбо овладевает Востоком и Европой. Это слово сейчас вызывает среди дзюдоистов внимание и уважение, поскольку удары, нанесенные борьбой самбо, были весьма чувствительны и потребовали пересмотра целого ряда позиций в дзюдо. Америка еще не встретилась с самбо, но это только вопрос времени. И тогда результаты будут весьма плачевными: наши лучшие дзюдоисты попадут как кур в ошип».

³ Сам Дрэггер - личность интересная: едва ли не единственный американец, постигший технику самбо еще в середине сороковых годов, когда по окончании войны он в составе военно-морских сил США находился на территории Китая.

«Враг народа и японский шпион»

Стараниями Василия Сергеевича была организована Всесоюзная секция (Федерация) вольной борьбы дзю-до, председателем которой, разумеется, стал он сам. Однако, как это ни странно, отличные боевые качества сконструированной Ощепковым системы самозащиты совершенно неожиданно отрицательно повлияли на развитие преподававшейся им же борьбы. Той самой борьбы, на основе приемов которой и была создана эта система. И без того скупые отведенные для изучения борьбы в институтах физкультуры часы - всего тридцать на весь учебный год - полностью использовались лишь для изучения студентами самозащиты в рамках ГТО-II. Всерьез обеспокоенный этим перекосом, Василий Сергеевич старался изо всех сил исправить положение. Доказывал руководству Спорткомитета и инфизкульты, что стать полноценным преподавателем самозащиты можно только в том случае, если достаточно хорошо освоить базовую борьбу. Но все его старания встречали чиновное равнодушие, а то и явно отрицательное отношение.

Уже наступил недоброй памяти тридцать седьмой год. Обстановка на Востоке все сильнее накалялась. Еще с двадцатых годов наиболее мощной из советских армий являлась Краснознаменная Особая Дальневосточная. О ней даже пели в песнях: «Дальневосточная - опора прочная...» Теперь же традиционно напряженные отношения с Японией получили новый импульс. Она заключила антисоветский пакт с гитлеровской Германией. Японские милитаристы, уже вышедшие к нашим сухопутным границам в Манчжурии и провоцировавшие постоянные инциденты, начали широкие боевые действия на полное завоевание Китая. И наши летчики уже сбивали японские бомбардировщики в небе над Шанхаем.

Настало время массовых репрессий, всеобщего страха и подозрительности. Над дзюдо, как над системой, пришедшей из враждебной Японии, не могли не сгущаться тучи. Над ним уже откровенно начали довлеть неприязнь и недоверие, а над руководителями спорта нависла опасность быть обвиненными во вредительской, враждебной деятельности.

Для того чтобы вы могли понять, какое отношение вызывало дзюдо у «широкой общественности» приведу коротенькую цитату из публикации тех лет «Что такое дзюдо»: «Родина воинствующего фашизма, страна реакции, террора и интервенции Япония имеет систему физического воспи-

тания, предназначенную исполнять классовые заказы японских империалистов. Эта система носит название дзю-до».

Когда еще речь шла о дзюдо как о системе самозащиты, то негативным мнениям можно было доказательно противопоставить ее несомненную необходимость и приносимую пользу. Но вот культивировать «японскую борьбу» в качестве столь же полезного и равноправного вида спорта было уже тяжело. Здесь опасения и возражения сверху вставали в полный рост.

Борьба дзюдо была вообще исключена из учебных планов институтов и техникумов физкультуры. А ленинградский спорткомитет отказался от запланированной было благодаря стараниям Ощепкова, матчевой встречи своих борцов с москвичами. Сам председатель Всесоюзного спорткомитета Харченко публично дал этой борьбе самую отрицательную оценку. Видный советский руководитель, он, точно так же, как и его уже расстрелянный предшественник Антипов, был «сослан» на малозначительную физкультурную работу и точно предвидел, что это лишь этап на пути к скамье подсудимых по пресловутой пятидесят восьмой статье. Понятно, что от «японского компромата» он отмахивался, как черт от ладана.

Понимал ли это Ощепков? Боюсь, что нет. Он жил своими спортивными интересами, был так далек от политики и видел во всем этом только профессиональное невежество. Всего за несколько месяцев до своего ареста и трагической гибели этот бескорыстный энтузиаст пишет резко протестующие письма во Всесоюзный спорткомитет, инспекцию физподготовки и спорта армии; в Московский, Ленинградский, Украинский и Закавказский институты физической культуры. В письмах прямо говорит о неправильных действиях высшего спортивного руководства и персонально - председателя спорткомитета. Никаких ответов на эти письма Ощепков, дни которого были уже сочтены, конечно, не получил.

Василий Сергеевич работал тогда над книгой, излагал в ней богатые результаты своей долголетней творческой деятельности. Однако закончить этот капитальный труд, который стал делом всей его жизни, Ощепкову так и не довелось. По всей стране уже гуляла зловещая круговерть ночных арестов. Зловонным махровым цветом расцвела бешеная шпиономания. Для тех, кто имел какое-либо отношение к загранице, особенно к Японии, настали черные време-

на: по логике НКВД эти люди могли быть завербованы вражеской разведкой. И Василий Сергеевич имел несчастье подпадать именно под эту категорию. 29 сентября на Лубянке, хотя следствие даже еще не началось, было утверждено так называемое «Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения», в котором лживо отмечалось: «Ощепков Василий Сергеевич достаточно изобличается (выделено мной - М. Л.) в том, что, проживая в СССР, занимается шпионажем в пользу Японии... Гражданина Ощепкова привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 6. Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей...»

Чета Ощепковых с большим трудом приобрела на 10 октября билеты на замечательную пьесу Михаила Булгакова «Дни Турбиных» в филиале Художественного театра. Единственного в стране театра, которому Сталин разрешил постановку этой «подозрительной» пьесы. Но Василия Сергеевича ожидал совсем другой, ужасающе трагический спектакль, который тоже был поставлен по сталинской режиссуре. И в ночь на первое октября Ощепковых разбудил оглушительно громкий в ночной тишине звонок в двери их квартиры...

Страдавший серьезным сердечным заболеванием, он сразу после доставки в «Бутырку» жаловался тюремному врачу на сильные боли в сердце, а уже через десять дней скончался на нарах в переполненной «врагами народа» душевной камере. И тот же тюремный врач хладнокровно констатировал: «Можно предположить, что смерть наступила от приступа грудной жабы» (так называли тогда стенокардию - М.Л.).

Этот замечательный человек и выдающийся специалист погиб в расцвете творческих сил всего лишь сорока четырех лет от роду, и как много полезнейших и больших дел не смог он завершить...

А насмерть перепуганная администрация инфизкульты, едва узнав об аресте, поспешила издать 8 октября приказ об исключении из учебных планов дзюдо и увольнении всех преподавателей с 1 ноября 1937 года. Так что покойный Василий Сергеевич еще целый месяц числился сотрудником института...

Впрочем, очень скоро «вышестоящие» разъяснили администрации, что ликвидировать такую нужную дисциплину ни в коем случае нельзя. И занятия «втихомолку» продолжил единственный оставшийся преподаватель - ученик Ощепкова Н. М. Галковский.

Вскоре после ареста Ощепкова Харлампиев зашел к его жене Анне Ивановне, которая еще не знала, что уже стала вдовой, собрал целый чемодан книг богатейшей ощепковской библиотеки и других его ма-

териалов и перенес все к себе. Бесспорно, это было очень смелым поступком для тех страшных лет непрерывной охоты за несуществующими ведьмами, и особенно для Харлампиева, положение которого было уже довольно опасным из-за ареста его младшего брата Георгия. Брат «врага народа» - это было очень подозрительным родством. На такой поступок мог решиться только очень смелый человек и, к тому же, беззаветно любящий свое дело. Но вот ведь какие гримасы реальной жизни: казалось, что Харлампиев, проявив подлинное мужество при спасении ощепковских материалов, должен был бы и обнародовать их при первой же возможности, но, к большому сожалению, не сделал этого даже тогда, когда имя его учителя было очищено от грязи ложных обвинений. Харлампиев вообще старался скрыть даже сам факт обладания этими книгами и другими материалами, никогда ни слова не сказал об этом.

Будзинский утверждал, что материалы эти широко использованы в книгах Анатолия Аркадьевича, но я ни в коем случае не могу принять на веру подобные предположения, не имея их серьезного документального подтверждения. Уж очень серьезное это обвинение!

Мне неизвестно, в какой мере он использовал эти материалы в своей работе, и использовал ли вообще, но я точно знаю, что они у него хранились. Во время одного из моих посещений Анатолий Аркадьевич показал мне редчайшую книгу прославленного голландского мастера борьбы и самозащиты Николаса Петтера «Искусный борец», выпущенную в Амстердаме в 1674 году. Любовно поглаживая обложку, он сказал: «Эту книгу купил еще мой дед, и мы все вместе рассматривали иллюстрации и разучивали эти приемы». (Подобную ложную версию некоторые из журналистов даже опубликовали впоследствии). Таким образом, мне, и не только мне, преподносились сведения о том, что мой собеседник, якобы, овладел боевыми приемами чуть ли не с колыбели. Однако сам факт приобретения подобного раритета, весьма и весьма дорогостоящего, дедом - то ли мелким провинциальным чиновником, уволенным, к тому же, от службы, то ли фельдшером - не мог не вызвать у меня серьезных сомнений. Прошло немало лет, прежде чем эти мои сомнения получили документальное подтверждение. В.В. Сидоров рассказал мне, что книга принадлежала Ощепкову, и показал фотокопии ее иллюстраций, сделанные им еще задолго до войны.

Выяснилось также, что у Харлампиева хранился еще ряд предметов из личного ощепковского архива: владивостокское - 1914 года - групповое фото русских и японских дзюдоистов, вырезки статей из Новоси-

бирских газет 1927 года, посвященные работе там Ошепкова. И хотя эти материалы были очень важны для восстановления утраченных фактов биографии его безвинно умершего наставника, Анатолий Аркадьевич счел нужным скрыть их. На свет божий они появились лишь после его смерти и, насколько мне известно, благодаря его сыну Александру...

Материалы, которые мастер успел опубликовать, и которые удалось обнаружить, очень невелики по объему, по существу, конспективны, ориентированы на потребу дня. До самой трагической кончины Ошепков, понимавший острую необходимость в полноценном пособии, продолжал работу над капитальным трудом, запланированным к изданию в 1938 году. И можно только горько пожалеть, что книга эта, еще не родившись, погибла вместе со своим автором. Это была огромная потеря, несомненно, задержавшая как развитие у нас техники и тактики рукопашного боя, так и борьбы в одежде. В сущности, богатейшие познания мэтра оказались реализованными не в его печатных трудах, а, главным образом, в плодотворной работе его учеников - Сидорова, Галковского, Школьников, Васильева, Симкина, Харлампиева и многих, многих других, которым он преподнес значительно больше того, чем успел напечатать.

Имя Ошепкова сейчас нередко мелькает на страницах книг и журналов. Но я боюсь, что подлинные масштабы выдающихся заслуг Василия Сергеевича все еще не поняты и не оценены в той мере, в какой они этого объективно заслуживают. Как-то ускользает от внимания пишущих, что большая часть сделанного специалистами, сплошь его учениками, в области рукопашного боя с тридцатых до пятидесятых годов было разработано еще Ошепковым или заложено им в качестве рабочей идеи...

Обученные рукопашному бою именно по методам Василия Сергеевича, наши пограничники и кадровые части Красной Армии встретили первые и самые тяжелые удары врага в начале Великой Отечественной войны. Уже на второй день после начала боевых действий «Правда» писала о пограничниках: «Они бились в рукопашную, и только через мертвые их тела мог враг продвинуться на пядь вперед».

Вооруженные ошепковскими боевыми навыками крушили врагов воины бессмертного гарнизона Брестской крепости. И если не имели оружия, то все же шли в рукопашную с саперной лопаткой, ножом, обломком кирпича и даже с голыми руками. Гитлеровский генерал-лейтенант Шнитлер вынужден был признать в своем боевом донесении: «Русские в Брест-Литовске дрались исключительно настойчиво и упорно, они

показали превосходную выучку пехоты и замечательную волю к сопротивлению».

Известно, как страшились фашисты и не выдерживали наших штыковых атак, когда в ход шло все, что могло служить оружием, и когда психологические качества бойца подвергались самому беспощадному экзамену.

Еще в предвоенные годы у нас в стране было уже 165500 значкистов ГТО II степени. Многие десятки тысяч этих людей, уверенно владевших и штыком, и приемами самозащиты, в первые же месяцы войны встали в ряды защитников Родины. Для спортсменов, мастеров самозащиты без оружия пришло время защищать свою страну с оружием в руках...

Неоднократный чемпион Советского Союза, ныне покойный известный специалист, профессор инфизкульты, а тогда, осенью сорок первого, старшина медслужбы Евгений Чумаков в суматохе внезапно вспыхнувшего ночного боя оказался в темной избе, полной затаившихся фашист!

Те решили его «убрать» без выстрела, втихую, но не знали, с кем вступают в схватку. Схваченный было неожиданно мертвой хваткой за горло, Чумаков сумел справиться с нападавшими в беспощадной рукопашной схватке. Остался в живых и успел предупредить товарищей о гитлеровцах, затаившихся в засаде.

И разве один только Чумаков оказалась обязанным своей жизнью прозорливости старого мастера самозащиты? И заслуженный мастер спорта К.В. Васильев, и заслуженный тренер СССР Г.Н. Звягинцев, служившие в разведке и «таскавшие» языков из-за линии фронта. И будущий трехкратный чемпион страны ленинградец В. Данилин, который, находясь в разведке, был схвачен тремя гитлеровцами, но сумел выйти победителем в этой неравной борьбе. Хорошо известный вам диктор Центрального телевидения Виктор Балашов, ловко орудовавший приемами при встрече с врагом лицом к лицу в траншее. И еще сотни и тысячи разведчиков, десантников, солдат офицеров, использовавших в бою надежные боевые приемы. Годы войны убедительно доказали, что Василию Сергеевичу, несмотря на преждевременную смерть, удалось успешно выполнить свою задачу и заложить основы могучей боевой системы.

Уже ушедший из жизни, позорно ошельмованный как государственный преступник и враг народа, Ошепков, тем не менее, вносил свой вклад в дело борьбы с нашим смертельным врагом. Старого мастера не было в живых, но его безотказные приемы служили верную службу, сокрушая в беспощадных рукопашных схватках и гитлеровцев, и японских «самураев»...

«Презумпция виновности»

Почему арестовали Ощепкова? За что арестовали? Говорить об этом начали еще в 37-ом и не перестают до сих пор. Правда, тогда говорили только шепотом, с боязливой оглядкой, а теперь рассуждают громогласно и, даже не задумываясь, публикуют свои сомнительные догадки, выдавая их за истину в последней инстанции.

Белорусский националист, противник России минчанин А. Тарас в своем журнале «Кэмп» напечатал заведомо провокационный материал «историка» Г. Панченко, который совершенно облыжно обвиняет в доносе на Ощепкова его соперника В.А. Спиридонова. Тот же самый материал был воспроизведен и в книге Панченко «История боевых искусств. Россия и ее соседи». Прежде всего, этому «знатоку» точно известно, за что репрессировали Василия Сергеевича, и он с ученым видом несет такую вот несусветную чушь: «Современному читателю не надо, вероятно, объяснять, что это такое - конец 30-х гг. Именно тогда стал набирать силу тезис «Россия - родина слонов», в полной мере проявившийся уже после войны. Хотя основной удар был нанесен по «западному» влиянию, Япония в данном смысле сошла за «Запад». Особенно ярко это проявилось на примере судьбы другого (первый - Спиридонов - М. Л.) основателя «русского стиля» - В.С. Ощепкова.

Ощепков в отличие от своего «коллеги» (то есть Спиридонова - М.Л.) отказался замалчивать восточное происхождение своей школы. В результате он был арестован как «агент японского милитаризма».

Не хочется думать, что это - сознательная ложь. Скорее всего, Панченко взялся судить о работах Виктора Афанасьевича, не увидев ни одной из его книг (все они издавались с запретительным грифом и в библиотеках отсутствуют). А в них Спиридонов не то что не скрывает, а прямо говорит, что японское джиу-джитсу является одним из «слагаемых» его системы. И, к тому же, основополагающим!

К сожалению, Панченко точно так же не известно, что при всей остроте политического антагонизма в 20-30-х годах никакого делового отчуждения от Запада не существовало. Наоборот: всячески стремились перенять его промышленно-технические достижения под официальным большевист-

ским лозунгом: «Догнать и перегнать!». В СССР работало много западных специалистов, а наши инженеры и ученые обретали практику в зарубежных командировках. «Историк» явно перепутал тридцатые годы с сороковыми...

Некомпетентный автор не без злорадства сообщает, что, якобы, при аресте Ощепкова хотели пытать, но он дал тюремщикам отпор: «Так что не исключено, что среди тех, кто безуспешно пытался одолеть Ощепкова в его последней схватке, были и ученики Спиридонова, и учителя Кадочникова (!!!) Вряд ли это бы понравилось им обоим. Но из песни слов не выкинешь».

А заголовок для своей безбожно фальшивой «песни» он специально подобрал откровенно издевательский - «Стиль от Лаврентия Павловича!» Это особенно кощунственно, так как речь там идет и о двух мастерах, ставших жертвами репрессий - В.С. Ощепкове и Н.Н. Ознобишине, которые никакого отношения к госбезопасности не имели.

Когда подобным образом упражняются персоны типа Панченко и Тараса, это вполне понятно и закономерно. Но мне было особенно огорчительно и обидно встретить аналогичное обвинение в адрес Спиридонова в отличной книге талантливого и добросовестного петербургского специалиста А. Грунтовского «Русский кулачный бой. История, этнография, техника». За широкую спину именно этого, симпатичного мне и уважаемого человека пытался спрятаться Панченко в одной из своих статей в «Кэмп». Невольное и неизбежное заблуждение Грунтовского продиктовано резко отрицательным, но ошибочным мнением о Спиридонове, которое исповедовали старые мастера ленинградского самбо, все как один - «спортивные дети» или «внуки» Василия Сергеевича. (В книге именно на них он и ссылается.) Эти ветераны были твердо убеждены, не имея, впрочем, никаких реальных доказательств, что донес на Ощепкова его соперник: во-первых, резко неприязненные отношения, и, во-вторых, «он из НКВД».

Я процитирую здесь мнение о Спиридонове одного из первопроходцев ленинградского самбо А.М. Ларионова. Ларионов говорит о нем, как об «этой белогвардейской жандармской сволочи, виновной, безусловно, в гибели Ощепкова»... Почему жан-

дармской? Потому что «в армии бою без оружия не обучали. Ни в одном уставе до революции его не было. Остается предположить, что Спиридонов обучался в единственном месте, во время перерыва в службе, в полиции или жандармерии».

Но Ларионов был весьма требователен к самому себе и принципиален. Подозрения, которые он мог выразить в разговоре или в частном письме, он ни в коей мере не считал возможным публиковать в печати и сокрушался: «Вот если бы подтвердить это документально, но таких возможностей не имею».

Между тем, существует и еще один подозреваемый, да еще с несколькими вариантами «доказательств».

«По доносу Харлампиева в органы было сообщено, что Василий Сергеевич долгое время был в Японии, окончил там институт Кодокан дзюдо и является японским резидентом, и, якобы, у него имеется сеть шпионов: в Баку - Галустьян, в Ленинграде - Васильев, в Харькове - Школьников. И это послужило арестом его в 1937 г.». Так утверждал один из институтских одноклассников Анатолия Аркадьевича.

Другой подметил еще одну «важную» деталь: «Я тогда встретил Харлампиева и говорю: «Что, не взял тебя Василий Сергеевич в аспирантуру?» А он отвечает: «Ничего. Он и сам там долго не засидится».

Но всех превзошел третий, который еще в те времена «сам видел донос Харлампиева в деле Ощепкова». (Недаром же говорят: врет, как очевидец!)

Как человек, скрупулезно изучивший не такое уж большое дело по обвинению Ощепкова, я категорически утверждаю, что никакого доноса там вообще не имеется. Это можно проверить: номер дела я уже указывал, кто желает - может ознакомиться.

Что же касается совершенно бездоказательно и безответственно зачисленных в доносчики лиц, то могу сказать, что не таким человеком был интеллигент, старый русский офицер Спиридонов, чтобы опуститься до низости доносчика. Точно так же и относительно Харлампиева. Можно как угодно относиться к нему, но возводить на человека такую страшную напраслину, исходя лишь из своих «глубокомысленных» умозаключений - просто недостойное дело. Хочу напомнить, что семья Харлампиевых сама пострадала от репрессий тех лет. Младший брат Анатолия, Георгий, музыкант с консерваторским образованием, еще подростком сыгравший в знаменитом фильме двадцатых годов «Приключения мистера Веста в стране

большевиков», так и сгинул после ареста...

Я совершенно намеренно поднял здесь эту болезненную тему для того, чтобы никто больше попусту не навел тень на плетень. Не кляузничал ни изустно, ни, тем более, в печати. Упомянутые мной Панченко и Тарас не стесняются, называя свой источник информации, писать «по слухам». Куда как лучше было бы и им, и всем прочим ссылаться в подобных случаях на почтенный источник, который во время войны именовали остроумной аббревиатурой «О.Г.Г.» - «Одна гражданка говорила».

Понятно, что в своей поисковой работе я не мог игнорировать вероятность ареста по доносу и уделил выяснению этого немало сил и времени. То, что персонально направленного на Ощепкова доноса не существовало, доказывало отсутствие такового в деле. Но была еще и другая, к тому же, даже более вероятная, возможность, что кто-то из уже арестованных, стараясь избежать или прекратить пытки, облыжно оговорил его.

В тихом Благовещенском переулке мне удалось отыскать вдову Ощепкова, Анну Ивановну. Немало интересных сведений почерпнул я тогда, но особо засело в памяти, что почти одновременно с Василием Сергеевичем были арестованы два его старинных, еще с семинарских лет приятеля и земляка. Два япониста: профессор Н.П. Мацоккин и знакомый нам, теперь уже доцент, Т.С. Юркевич.

Что касается Мацоккина, то сотрудник отдела общественных связей ФСБ по телефону ознакомил меня со всеми деталями двух его «уголовных» дел и заверил, что фамилия Ощепкова там не упоминается.

А вот «уголовное» дело № 4760 по обвинению Т.С. Юркевича по ст. 58 п.6 Уголовного кодекса РСФСР (шпионаж) я проштудировал лично и так же тщательно, как и дело Василия Сергеевича. Особое внимание привлек протокол первого же допроса.

Все первые восемнадцать вопросов имеют стандартный анкетный характер: где и когда родился, кто родственники, где учился, работал, служил... И под каждым ответом, подтверждая его правильность, стоит подпись допрашиваемого - твердым, давно выработанным почерком взрослого образованного человека. Наконец, девятнадцатый вопрос: «Кто и когда вас завербовал?» И вот здесь-то бросается в глаза неизвестно изменившаяся подпись. Теперь это почерк полуграмотного трясущегося старого паралитика: корявые, прыгающие буквы словно сваливаются под уклон...

Я повидал не одно подобное дело, но,

пожалуй, никогда так вот обостренно, почти физически, не ощущал чудовищную, но ставшую уже будничной, реальность пыточных сталинских тридцатых годов. Сколько страшных часов пролегло между ответами на восемнадцатый и девятнадцатый вопросы? Сколько времени потребовалось следователю - «доблестному» лейтенанту госбезопасности И. Вершинину, чтобы превратить сильного, волевого мужчину - бывшего казачьего сотника и кадрового разведчика - в ревушее от невыносимой боли, окровавленное, искалеченное существо? Что осталось за пределами этого чистенького, аккуратно оформленного протокола допроса: бесконечные избиения резиновой палкой, ожоги паяльной лампой или изуверское сдавливание половых органов? Но теперь, после высокопрофессиональной обработки, допрашиваемый со всей откровенностью признался, что «до момента ареста занимался разведывательной деятельностью в пользу Японии», а завербовал его еще в 1929 году Ошепков, старый друг и по совместительству японский шпион с большим стажем. А далее - все, как на духу: какие получал задания, кого завербовал и передал Ошепкову...

Вы, конечно, решили, что именно несчастный Юркевич стал виновником гибели Василия Сергеевича? Не могли не подумать так... И не могли... не ошибиться! Представьте себе: все было иначе. У страшно изувеченного узника хватило благородства и силы воли не назвать ни одного человека, которого смогли бы арестовать. Допрос происходил уже полгода спустя после кончины старого друга и соратника Юркевича - 28 марта 1938 года, и он отлично понимал, что Ошепкова уже нет в живых.

Не получается ли так, что на вопрос о причинах ареста Василия Сергеевича уже невозможно дать ответа. Вовсе нет! Нужно только разорвать ограниченность круга нашего мышления, преодолеть его рутинную инерцию.

Усилиями пишущей братии с железной непоколебимостью утвердилось весьма сомнительное ходячее мнение, будто бы любой арест в те годы мог произойти лишь при соответствующем доносе. Беда в том, что судить об этом берут на себя смелость люди, родившиеся уже после того, как мощи «великого вождя и учителя» в ночной тиши удалили из Мавзолея.

Лишь из газетно-телевизионных рассказов знают они о тех давних тридцатых годах, которые так же далеки, чужды и непонятны для них, как времена крестьянской реформы или эпоха декабристов. Как чело-

веку старшего поколения мне довелось быть очевидцем всех волн репрессий, прокатившихся по нашей стране, начиная с тридцатых годов. И я должен сделать здесь существенное уточнение.

Конечно, доносы были, но они вовсе не имели столь пугающе массового характера, который им приписывается. Мне довелось просмотреть не так уж мало дел известных спортсменов и тренеров, репрессированных в те годы, но всего лишь в одном встретил донос: семейка негодяев жаждала завладеть комнатой своего соседа по коммуналке - бывшего царского офицера. Строго говоря, происходило точно то же, что и сегодня. Только теперь нанимают киллера, а тогда брали в руки перо и бумагу.

Да и слишком наивным было бы думать, что энкаведисты ожидали доноса для того, чтобы произвести арест. Так, пожалуй, они не заселили бы и малой толики обширнейшего Архипелага ГУЛАГ. На самом же деле, в НКВД еще загодя, с большой предусмотрительностью, брали на заметку всех «неблагонадежных и подозрительных». Один переписывался с сыном-белоземляком; другая была замужем за иностранцем; третьи были когда-то троцкистами, меньшевиками или эсерами; четвертые, хотя и правоверные большевики, в свое время входили в оппозицию; пятые в давние годы отбывали наказание за «антисоветчину»; шестой служил в Белой армии; седьмой встречался с иностранцами... И продолжать этот список можно, поистине, бесконечно.

Но особо пристальным вниманием бдительных энкаведистов, безусловно, пользовались «клиенты», имевшие несчастье побывать за границей для работы или учебы. Выступая по телевидению, один из бывших обитателей Гулага очень точно определил «свою вину»: «Был за границей - значит, шпион».

Нелегко объяснить современным поколениям повседневность тех позорных, кровавых лет. И чтобы вы могли не только понять, но и более или менее реально ощутить без устали насаждавшуюся пропагандой уверенность в неотразимо губительном влиянии заграницы, я приведу всего один из множества «первоисточников» - дешевых «антишпионских» агиток того времени. Это изданная в конце 30-х годов специально для спортсменов книга некоего Л. Зильвера «Будем бдительны!», главы которой еще до ее выхода поспешила напечатать газета «Красный спорт». Из массы «ужасных» случаев удачной и неудачной вербовки наших спортсменов иностранной разведкой я приведу только один, но уж очень показатель-

ный: «Он приехал издалека. Два года пробыл он на заграничной работе, и внешне его с трудом узнавали даже близкие знакомые. Но этот франтоватый парень был прост и скромен.

- Саша, ты совсем не изменился. Не испортили тебя разные заграничные господа, - с восхищением говорили приятели.

Заметьте, какая существовала внушенная пропагандой, но искренняя уверенность в «тлетворном влиянии заграницы»! И какая радость, что товарищу удалось избежать его! Только вот радость была преждевременной. Тренер Саша, конечно же, не выдержал и, поддавшись разлагающему влиянию буржуазной культуры, согласился предать свою Родину: стать шпионом. В спортивных кругах Дома Красной армии он свел дружбу с военным конструктором Лубенцовым, которого очень заинтересовал своим зарубежным «физико-волевым тренажером», особенно ценным для уже не молодых людей. А при попытке похитить секретные лубенцовские чертежи Саша, как и положено, был разоблачен и арестован...

Иностранный шпионаж действительно имел тогда угрожающие масштабы. Но боролись с ним энкаведистские пинкертонеры не только глуповато-незамысловатыми, но явно преступными методами. Лечили перхоть, отрубая голову. Главным образом арестовывались не лица, которых действительно удалось уличить в шпионаже, а те, кто, по «глубокомысленным» предположениям, мог оказаться завербованным. Вот здесь-то «счастливики», которые когда-то так радовались своим удачливым, редким в те годы зарубежным командировкам, и попали под особенно плотный, прицельный огонь. Ведь там, за границей, на своей собственной территории иностранные спецслужбы располагали полной свободой действий по вербовке агенты. И этих командировочных тоже вполне могли завербовать!

Сейчас очень модным стало к месту и не к месту упоминать о презумпции невиновности. О ней разглагольствуют даже те, кто не знает, как правильно писать этот юридический термин. А смысл его в том, что человек может быть признан виновным не иначе, как по приговору суда, к тому же вступившему в законную силу. Но ни в коем случае не ранее этого. А в те времена исходили из диаметрально противоположного принципа, который иначе, чем «презумпция виновности», никак не назовешь. Произвольно подозреваемый человек уже априорно считался виновным, арестовывался и должен был доказывать свою невиновность, да

еще под пытками - совсем, как в XVI веке.

Очень может быть, что следователи-костоломы были действительно уверены в вине своих несчастных подследственных. Но их высшее начальство явно не испытывало подобного наивного заблуждения.

Анализируя ссылки на архивные документы в исследованных мной «уголовных» делах, я убедился, что существовал не один общий, а два обособленных «шпионских» архива. В один «сваливалась» вся масса липовых «шпионских» дел 30-х годов. А вот в другом отдельно хранились материалы по вполне реальному шпионажу: японскому, немецкому, английскому, французскому, польскому, эстонскому и так далее. И поверьте, что там-то уж были очень серьезные и добротные разработки. Как говорится, без дураков. Достаточно сказать, что, например, в качестве доказательств по делу известного дореволюционного деятеля и мецената спорта Бориса Майтова, учредившего для боксеров даже кубок своего имени, служили копии подлинных документов из досье французской контрразведки. Шустрый Майтов интересовал ее, поскольку он являлся даже не двойным, а тройным или «четверным» шпионом, обслуживая не только французскую «Сюрте-насьональ», но и ряд разведок иных стран. Последнее время - даже советскую. Именно этим достоверным архивом пользовалась Военная коллегия Верховного суда СССР, устанавливая невиновность жертв сталинских репрессий при проведении их реабилитации в конце 50-х годов.

Разделение архивов было, конечно, совсем не случайным и диктовалось разумно-функциональными причинами. Начальствующие лица, естественно, не желали «захламывать» достоверный архив, так как появление там огромной массы заведомо дутых дел дезориентировало бы контрразведчиков, создавало ненужные, искусственные затруднения в работе с архивными материалами, требуя заведомо непроизводительной затраты дорогого рабочего времени.

Но чем же в таком случае объяснялось сознательное и жесткое массовое преследование своих законопослушных и ни в чем не повинных граждан? Не могло же оно быть совершенно безмотивным? Оно таким и не было.

Если не иметь в виду репрессии, специально направлявшиеся против какого-то одного народа (калмыков, ингушей, чеченцев, евреев и т.д.), а говорить лишь о широкоохватных «мероприятиях» всесоюзного масштаба, то в них явно прослеживается одна общая для всех закономерность.

Каждая из этих всеобъемлющих кампаний проводилась в условиях напряженного международного положения, реально грозившего началом войны. В 30-х это была угроза японской агрессии, уже создавшей плацдарм для нападения на СССР. В 41-ом Сталин, боявшийся принять необходимые военные меры в явном преддверии гитлеровского нападения («чтобы не провоцировать немцев»), тем не менее, то ли приказал, то ли лишь разрешил Берии провести массовые аресты «подозрительных лиц». Прибалты до сих пор уверены, что эта акция была нацелена только против них. Но это неверно: аресты проводились тогда по всей стране. Просто на остальной территории Союза они не имели столь массового характера, так как там, по выражению одного из вождей, «уже сняли несколько слов» еще в конце 30-х. А предгрозовая обстановка на пороге 50-х годов, разрешившаяся корейской войной, породила очередную волну репрессий...

И всякий раз в подобных ситуациях начиналась особенно активная «работа» соответствующего Управления ежовско-бериевского ведомства по ликвидации гипотетической будущей «пятой колонны».

Теперь, когда обрисованы общие закономерности, можно дать своего рода хронологическую стенограмму технологии репрессивной кампании 37-го, ставшего последним годом в жизни Василия Сергеевича.

Стабильно напряженные отношения между Японией и СССР тогда особенно обострились. Дочь маршала И.С. Конева Наталья Ивановна со слов отца, который служил тогда на востоке, рассказывала: «Отец часто встречался со Сталиным, еще до войны. В 1937 году тот пригласил отца

в Кремль. Тогда советское руководство было обеспокоено ситуацией на Дальнем Востоке». Обеспокоенность советского руководства, под которым следует подразумевать все того же великого вождя, немедленно передалась новой метле его опричнины - зловещему карлику Николаю Ежову. В своем специальном докладе высшей партии он старательно нагнетает страсти, расписывая черными красками зловещую угрозу, якобы, созданную внутренними врагами на пороге войны с врагом внешним.

2 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) разразилось истерическим решением о беспощадной борьбе с этими самыми внутренними врагами, то есть о начале широкомасштабного террора. Средства массовой информации, как это бывает всегда и везде, покорно работавшие на своих хозяев, с готовностью подхватили «партийный почин», усердно фабрика и раздувая психоз шпиономании. Раздували огонь, в котором суждено было сгореть и многим поджигателям.

Чекисты тоже не заставили себя долго ждать. Немедленно были «подняты на гора» дождавшиеся, наконец, своего часа все досы на «подозрительных» и «нелояльных к советской власти» лиц. А 20 сентября вышел приказ НКВД СССР за № 0593, предписывавший проведение арестов граждан, подозреваемых в связях с Японией. (На чекистском жаргоне их именовали «харбинцами», хотя многие, как и Ощепков, не имели никакого отношения ни к Харбину, ни к КВЖД). 29 сентября, среди множества других, было утверждено и постановление об аресте «японского шпиона» В.С. Ощепкова. А двое суток спустя к его дому в ночной тишине подъехал «черный ворон», замуфлированный под хлебный фургон...

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА
г. МОСКВЫ

Вх. 588
Секретной инструкции
института
тов. Мельникова
г. Москва, 105468
Сиреневый бульвар, д.4

118184, Москва, ул. Новокузнецкая, 27
26.03.85г. Н/120-16
На № _____ от _____

На Ваш запрос в отношении Ощепкова Василия Сергеевича сообщено, что уголовное дело, возбужденное в отношении его в 1937 году было прекращено в 1957 году за отсутствием в его действительных составах преступлений, и он в связи с этим был реабилитирован.

Начальник отдела

Н.И.Филиппов

9953...00000-1983

Глава 16

Срочно чистую анкету!

Если подойти со строго юридической точки зрения, то в сложившейся ситуации Ощепкова ни в коем случае нельзя было считать виновным. Он скончался до того, как по его делу было проведено хотя бы одно следственное действие. Не говоря уже о приговоре, вступившем в законную силу. Его обвинение ничем не было, да и в любом случае не могло быть доказано. Но тогда, «под солнцем Сталинской конституции», пышно расцвел свой особый вид правосудия. Уже сам факт ареста означал безусловную виновность «врага народа», исчезнувшего в недрах Лубянки. А приговор «Особого совещания НКВД», как правило, был стандартным: «высшая мера социальной защиты» - расстрел. И царил вокруг всего этого пугающе зловещий заговор молчания: никто не знал, за что осужден арестованный. Даже его ближайшие родственники, если они сами все еще не были арестованы. Зато все очень точно знали, что вслед за первым арестом начинались точно такие же ночные исчезновения родственников арестованного, его знакомых, сослуживцев, учеников...

Но арест Ощепкова не повлек за собой, как это случалось обычно, цепную реакцию новых арестов невинных людей. Его смерть оборвала возможную «ощепковскую нить следствия», и сотрудники НКВД уже не могли нанизывать на нее судьбы и жизни своих новых жертв. Однако о смерти Василия Сергеевича еще никто не знал, кроме нескольких заплечных дел мастеров, и предчувствие надвигающейся угрозы полностью сохранилось.

Все, кто прежде контактировал с Ощепковым, чувствовали себя очень и очень неудобно: связь с «врагом народа» кого угодно могла скомпрометировать и повлечь весьма точно предсказуемые последствия. Именно в эти дни с судорожной поспешностью уничтожалось, выбрасывалось все, что могло доказывать контакты, а тем более добрые отношения с Ощепковым. Сжигались письма, деловые бумаги, документы. Тщательно зачеркивалось химическим карандашом его лицо на групповых фотографиях. Ученики Василия Сергеевича, пусть молчаливо, но все же отрекались от своего учителя. При всем этом, мне очень приятно сказать, что отнюдь не все поступали

так. Наиболее мужественные все-таки хранили тайно его фото, и, именно благодаря им, мы можем сегодня увидеть облик создателя самбо.

Пусть учеников Ощепкова еще не начали арестовывать, но они прямо-таки физически ощущали угрозу, нависшую над всеми ними, да и над самой ощепковской борьбой. Сложилась критическая ситуация, когда они были вынуждены спасать не только самих себя, но и свой вид спорта - любимое детище Василия Сергеевича. А сделать это можно было, только перечеркнув и придав глухому забвению имя учителя, а вместе с ним - и «подозрительные» японские корни их борьбы. Особенно явственно осознавали всю остроту приближавшейся опасности те, в чьем административном ведении находилось дзюдо - сотрудники Спорткомитета. Конкретных причин ареста Ощепкова не знал никто. Но все понимали, что произошло это в явной связи с культивировавшейся им борьбой японского происхождения. Совсем не случайно она уже была выброшена из учебных планов всех институтов и техникумов физкультуры.

Большие и маленькие партийные вожди беспрестанно говорили о готовящейся японской агрессии и необходимости быть готовым к нанесению ответного, сокрушительного удара. Пресса, радио, кино, создавая предвоенное пропагандистское обеспечение, изо всех сил клеймили позором японскую военщину. В народе господствовали резко-анти-японские настроения. Слово «самурай» приобрело чисто отрицательное значение, став синонимом таких понятий, как «японский захватчик, оккупант, поработитель».

Было совершенно очевидно: продолжение практики «вражеского» спорта означало гарантированное самоубийство. И если работники Спорткомитета сами не решат этот больной и перезревший, как гнойный фурункул, вопрос, то после их неизбежного устранения, за них его решат совсем другие люди - «настоящие советские патриоты». Скорее всего, одетые в форму НКВД.

Самым простым и безопасным, конечно, было бы просто-напросто запретить этот небезопасный спорт «японских империалистов», который, к тому же, лукаво пропагандировал уже разоблаченный враг народа. К счастью, в Комитете нашлись люди, не

подавлявшие панике и сумевшие сберечь полезную и особенно нужную именно перед лицом военной угрозы ошепковскую прикладную борьбу в одежде и основанную на ней систему рукопашного боя. Хотя и пришлось им для этого прибегнуть к заведомо мошенническому способу.

Точно таким же фирменным большевистски-фальсификаторским приемом еще издревле пользовались дикие племена, несмотря на то, что были сплошь беспартийными. Чтобы «спрятать» человека от злых духов, ему давали новое имя, которое совершенно сбивало с толку простодушные силы зла. В русском фольклоре подобная операция иронически именовалась «перекрестить пороса в карася». Это когда хитрый поп, желая без греха поесть скоромного в постные дни, взял да и совершил обряд крещения над поросячьей тушкой, которую нарек рыбой карасем...

Отлучение покойного Василия Сергеевича от всех его авторских прав вместе с полным забвением его имени было уже автоматически и вполне надежно обеспечено самим фактом ареста. Оставалось только замаскировать крайне нежелательные японские корни борьбы. И сделать это было не так уж сложно. Ведь внешне оставалось в ней очень мало явно японского: лишь в названии само слово «дзюдо» и единственный оставленный Ошепковым термин «гяку» - «болевой прием». Вот и было решено и одобрено спортивным начальством «окрестить» ошепковскую борьбу новым «непорочным» названием, а вместе с ним дать ей и «чистую анкету».

В те времена при поступлении на определенные должности заполняли огромную 24-страничную анкету, в которой сообщали сведения не только о себе, но и обо всех своих близких и дальних родственниках. Бдительные кадровики даже обогатили русский язык многозначительным выражением - «чистая анкета». Это означало, что в биографии заполнявшего и его родственников никаких порочащих обстоятельств не имелось: из партии не исключались, в Белой армии не служили, судимости не имели и прочая, прочая, прочая...

Расхожим лозунгом в те годы было: «Национальная по форме, социалистическая по содержанию». Вот и решили придать подозрительной борьбе абсолютно лояльную и даже похвально патриотическую биографию: не то, что национальную, а даже советско-интернациональную по происхождению и глубоко социалистическую по содержанию. Своевременная находка была до-

вольно удачной. С одной стороны, она позволяла начисто откреститься как от принесшего эту борьбу «врага народа», так и от ее угрожающе зловещего японского «родства». А с другой - и не была полностью вымышленной: ведь и сам Ошепков, и его ученики, действительно, уже внесли в дзюдо некоторые элементы из техники национальных видов борьбы. Так что, новая спасительная версия все-таки имела хоть какие-то реальные точки опоры, а не повисала полностью в воздухе.

Когда летом 1938 года был организован Всесоюзный сбор по борьбе вольного стиля дзюдо, оставалось всего несколько месяцев до начала первой из локальных пограничных войн с Японией - боев у озера Хасан. Это был тот самый сбор, на котором Анатолий Харлампиев, будто бы, познакомил собравшихся с созданным им новым видом борьбы (хотя многие из собравшихся начали заниматься борьбой в одежде значительно раньше Анатолия и знали ее куда как лучше его). Нужно, впрочем, отдать должное ловкой и беззастенчиво саморекламной харлампиевской версии о его мнимом авторстве: в ней ложь была очень искусно перемешана с полуправдой. Он действительно участвовал в сборе в качестве старшего тренера, выступал на состоявшейся после этого конференции и даже предложил систематику и терминологию борцовских приемов. О чем тут же поспешил получить официальную справку с печатью. Но, разумеется, тогда он и заикнуться не посмел о своем липовом авторстве по отношению к ошепковской борьбе. Подобное заявление Харлампиева в то время, когда еще каждый отлично знал об истинном происхождении этой борьбы, наверняка стало бы моральным самоубийством. Как если бы Анатолий, например, стал претендовать на авторство в создании футбола или изобретении велосипеда. Однако именно из этого, как из крохотного зернышка, выросла впоследствии развесистая клюква самодеятельного мифа о Харлампиеве как о создателе самбо. Единственном и абсолютно самостоятельном!

А тогда Анатолия, как и многих других, заботило только одно: необходимость как можно надежнее отмежеваться от своего учителя, поскорее перечеркнуть весь труд «врага народа». И вот участники конференции, занимавшиеся уже существенно переработанной Ошепковым борьбой дзюдо и пришедшие на конференцию, посвященную именно этому единоборству, услышали вдруг в первой же фразе харлампиевского

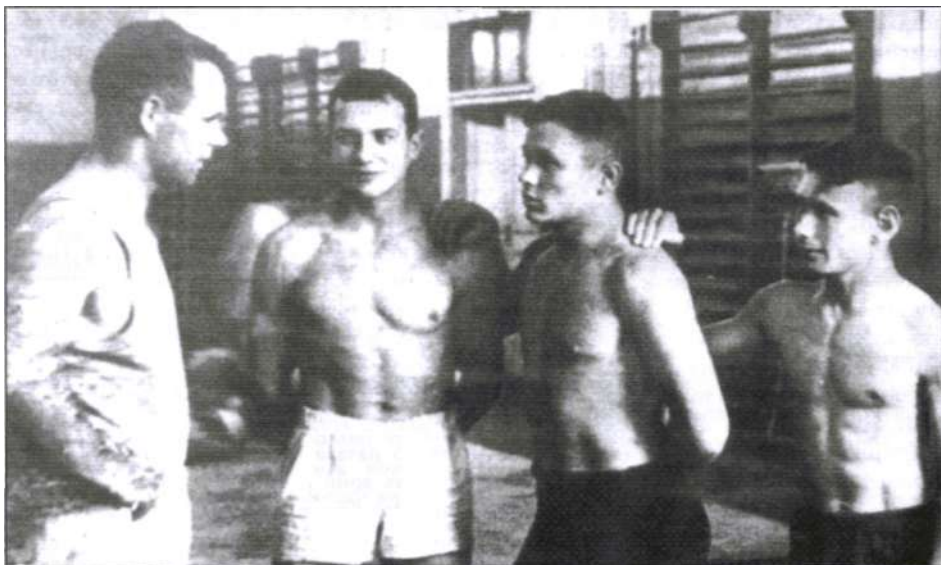

Фото с пресловутого Всесоюзного сбора по «борьбе вольного стиля (дзю-до)» 1938 года. На снимке слева направо: А. Харлампиев, А. Неведомский, А. Будзинский и Н. Сазонов

доклада: «Национальные борьбы нашего необъятного Советского Союза послужили основой для создания большой общей борьбы, которую сейчас мы с вами все называем «Советской борьбой вольного стиля». И хотя никто никогда и ничего так не называл, все вполне дисциплинированно сидели и дружно помалкивали. Они, конечно, знали, что национальные виды борьбы внесли свои определенные элементы, но столь же четко понимали, что исходной точкой для Ощепкова были вовсе не эти единоборства, а именно дзюдо. Но Анатолий, тем не менее, изо всех сил «подводил базу».

Перечитывая стенограмму конференции, я никак не могу отделаться от впечатления, что проходил там какой-то непонятный спектакль театра абсурда, возможного только лишь в то иррациональное время. Спектакль, где актеры уверенно произносят со сцены совсем не то, что написано в пьесе, а зрители, отлично знающие об этой фальши, тем не менее, дружно выражают свое полное согласие с ней и даже одобрение. А куда денешься, если все это - поистине ложь во спасение?! Да еще в какое насущно необходимое! Вот и слушали, одобряли и бешено аплодировали, боясь кончить хлопать раньше других, когда Анатолий патетически выкрикнул сакраментальные дежурные слова: «Только в нашей Советской стране, руководимой коммунистической партией, которая идет под знаменем Ленина-Сталина, только в Сталинскую эпоху, согретые Сталинской заботой о человеке, народы необъятного Советского Союза Республик сумели создать этот прекрасный вид спорта - «Советскую борьбу вольного стиля!» (цитирую точно по стенограмме! - М.Л.).

При этом оказалось, что все, как один, броски пришли в «Советскую борьбу вольного стиля» ни в коем случае не из дзюдо, а из «следующих национальных борьб: грузинской, татарской, карачаевской, казахской, узбекской и туркменской». Что касается такого приема, как удержание, то «мы заимствуем его у казанских татар, где имеется придерживание. Лучшие способы этого придерживания развились (!!!) в удержание» (Ну, как не вспомнить здесь одного диссертанта прежних лет, который защитился, утверждая, что «бокс постепенно развился из русского кулачного боя»?!)) В то же время оставался без ответа и повисал в воздухе совершенно законный вопрос: зачем же нужно было «развивать придерживание», если тем же самым, наиболее эффективным удержаниям, как, впрочем, и броскам, Василий Сергеевич обучал в Москве еще с 1929 года, а в других городах даже на полтора десятилетия ранее?

Затем наступила очередь и костюма борца. Той самой куртки, в которой еще на сборе боролись участники конференции, и которую некоторые по старинке продолжали безыдейно именовать «кимоно». Выяснилось, что, оказывается, «все национальные борьбы в Советском Союзе (без исключения) проводятся в одежде... Вот из комбинации всех этих одежд и получается наша одежда, ибо мы ставим вопрос так, чтобы удобно было бороться всем - и грузинам, и татарам, и узбекам и другим национальностям».

Однако даже в те «благодатные» времена фальсификация должна была все же ограничиваться какими-то пределами. Так что вообще промолчать в докладе о дзюдо означало бы уж явно перехлестнуть такие пре-

дела. Тем более, что даже ежу известно, что в национальных «борьбах» не только отсутствуют, но и являются строго запрещенными как болевые приемы, так и удушения. Как же они могли быть заимствованы из национальных видов?

«Японская система дзю-до и смо - отсюда мы берем как болевые приемы, которые здесь хорошо разработаны, так и удушающие приемы», - вынужден был признать докладчик тогда. Но пройдет пятнадцать-двадцать лет, и Анатолий Аркадьевич, стараясь начисто отсечь свою былую причастность к дзюдо, начнет утверждать, что и эти приемы, якобы, тоже взяты из национальных единоборств. В тридцать восьмом он, похоже, вообще не знал даже того, что в «смо» (японской борьбе сумо) в действительности запрещены и болевые, и удушающие приемы, точно так же, как и в любом ином национальном виде спортивной борьбы.

Вероятно, припомнив, что в старых ощепковских правилах говорится о применении в борьбе бросков не только из «кавказской», но еще из «финско-французской», вольно-американской и швейцарской борьбы на поясах, Анатолий упомянул и об этих европейских видах борьбы, как об одном из источников заимствования. Пыжась переплюнуть своего покойного учителя и явно пуская пыль в глаза, он назвал еще два вида борьбы, о которых большинство присутствующих едва ли даже когда-нибудь слышали: «В Английской народной борьбе Ланкаширского и Кемберлендского стиля мы можем поучиться захватам руками или броскам, которые в наших национальных борьбах есть, но там захват зачастую особенный, и этот захват мы перенимаем».

Иностранных языков Харлампиев, как известно, не знал, и источником сведений об этих экзотических «борьбах» могла стать

лишь старая книга О.М. Кистера «Борьба, все восемь лучших способов всего света» - единственная, говорившая об английских стилях и, скорее всего, пришедшая к Анатолию из библиотеки Василия Сергеевича. Сам Харлампиев и тогда в 1938 году, и впоследствии никогда конкретно не указывал, какие именно английские «особенные» захваты и броски вошли в практиковавшуюся борьбу. Ведь кумберлендская - борьба в обхват, а в ланкаширской борются с обнаженным торсом!

Ведущий конференцию новый председатель Всесоюзной секции по вольной борьбе дзюдо, ученик Ощепкова и Спиридонова А.М. Рубанчик отлично понимал необходимость срочной «перекраски фасада», но его в то же время сильно беспокоил вопрос, а не выведут ли их на чистую воду зарубежные специалисты? Уж очень крутой вираж заложили, «корректируя» историю борьбы. Не дай бог, схватят за руку - потом перед властью предержащими не оправдаешься во веки веков. (Опасения, впрочем, оказались напрасными: за рубежом очень мало обращали на наш, давно отделившийся от международного, спорт). И вот, Рубанчик говорит, что считает доклад Анатолия всего лишь «первичным разрешением задачи, подведением основы под это дело». Но впоследствии, на базе материалов, которые еще только должны появиться в будущем, обязательно нужно будет точно расписать, какой прием и из какой конкретно нашей национальной борьбы был взят: «...Например, подсечка является не японским приемом, а нашим; конек - это не японский прием - это элемент татарской борьбы. Я считаю это необходимым сделать потому, чтобы к основным приемам нашей советской борьбы вольного стиля никакая страна, никакой зарубежный клуб не могли бы предъявить претензии в грубом плагиате (подчеркнуто мной - М.Л.). Я считаю это обязательно необходимым, чтобы никто не мог подкопаться к нашим основам, чтобы они были исторически правильны и большевистски честны (!!!)».

Помимо этого трудоемкого и откровенно шекотливого задания, Анатолий получил тогда и аналогичное поручение участника конференции Бекасова, для которого хитроумные лжеисторические построения докладчика были откровенно туманными и непонятными: «Желательно для ясности просить т. Харлампиева разработать схему приемов с указанием, из какой народной национальной борьбы это взято».

Впоследствии Анатолий Аркадьевич будет утверждать, что к 1938 году он якобы уже

Ученики Ощепкова - А.М. Рубанчик и Ф.И. Жамков (слева направо) со слушателями ЦВШ РКМ

изучил и эффективно проанализировал все наши национальные единоборства, однако тогда же, прямо на конференции, выяснилось, что он не располагает необходимыми знаниями о тех национальных единоборствах, из приемов которых якобы создал свою борьбу! И к выполнению упомянутых выше поручений конференции пока еще не готов. Он вполне резонно объяснил конференции: «...Это работа не десяти дней или десяти месяцев. Это научная работа, которая и должна быть поставлена на научные рельсы. Тут нужно будет не только получить записки с мест (что, конечно, играет большую роль, так как их пишут квалифицированные работники), но нужно на местах это дело изучить. 15 июля я уже выеду в национальные республики, и этим я положу начало (подчеркнуто мной - М.Л.) своей дальнейшей работе. Отпуск свой я и другие товарищи могут проводить с большой пользой, изучая национальные борьбы».

Что ни говори, а ситуация сложилась весьма пикантная: всего полчаса назад распалившийся докладчик громкогласно и вполне уверенно заявил, что основой для создания практикуемой ими всеми борьбы явились «национальные борьбы нашего необъятного...», но едва дошло до того, чтобы фактами подтвердить эту чисто голословную декларацию, как вдруг выяснилось, что сказать-то ровным счетом нечего. Вопрос явно требовалось «подрабатывать» и в течение достаточно длительного времени. Впрочем, подобная неувязочка тоже никого не смутила, ни тогда - на конференции, ни в последующие годы. Здесь же были даны задания по изучению техники, правил и истории грузинской и армянской борьбы - Кузовлеву, азербайджанской - Ахмедову, таджикской - Абрамову, татарской - Бекасову и туркменской - Полтаеву. Задания, которые, разумеется, выполнены не были...

Вообще, со временем спасительная харлампиевская - «противопожарная» концепция происхождения борьбы подправлялась прямо-таки на глазах. Старательно убирается «иностранина»: перечеркиваются и замалчиваются любые зарубежные влияния и даже сама возможность их появления. Хотя в докладе Харлампиев и поставил на первое место среди компонентов, давших свои приемы борьбе, национальные единоборства, практиковавшиеся только в СССР, он все-таки был вынужден конкретно назвать еще и некоторые зарубежные. Но уже в приказе Госкомспорта от 16 ноября 1938 года, посвященном этой борьбе, соавтором которого он был, подробно перечислялись

только наши национальные единоборства, а обо всех же остальных, в том числе и о дзюдо, глухо и кратко упоминалось как о «некоторых других видах борьбы». Когда же в последующие годы Анатолий Аркадьевич будет цитировать в своих работах этот приказ, то станет старательно выкидывать из цитаты даже это кушее, но весьма нежелательное упоминание об одиозном иностранном влиянии.

А когда после пресловутой конференции пройдет лет пятнадцать, Харлампиев вновь перестроит и усовершенствует, в соответствии с требованиями времени, технологию создания «своей» борьбы, сделав кардинальные и очень нужные изменения. Внесет свой вклад в ту нечистоплотную и лживую сталинскую политическую кампанию «полной и сплошной русификации всех и вся».

В первой части харлампиевского армей-

Главный инспектор по тяжелой атлетике Инспекции спорта Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту. Знаменитый штангист Бухаров беседует со слушателями сбора

На фото слева направо ОБ. Магеровский А. Харлампиев, И. Васильев, А. Неведомский

ского пособия все «первозванные» и основополагающие» «татарские, карачаевские, казахские» и прочие национальные виды борьбы, даже грузинская, резко сместятся на задний план или даже исчезнут вообще. Выяснилось, что харлампиевское единоборство обобщает опыт «главным образом русской борьбы», о которой в тридцать восьмом он не сказал ни слова, так как она уже давным-давно потеряла и свое былое распространение и техническое значение. Теперь приходилось судорожно наверстывать упущенное, приписывая ей все то, что прежде приписывалось совершенно другим национальным видам: «За основу была взята русская национальная борьба во всем ее многообразии. Из русской борьбы борьба самбо взяла большинство своих самых лучших бросков, все удержания, страховку партнера, подготовки к броскам, а также основную форму одежды для борьбы». Однако же, приписать русской борьбе еще и использование болевых приемов не решился даже «основоположник», но и здесь он не оплошал и доходчиво разъяснил, что болевые - это тоже национально-советское достояние. Их подарили самбо вовсе не какое-нибудь там «смо» или, тем более, дзюдо, а анонимные «среднеазиатские и алтайские виды борьбы» (!!!).

Очень хотелось бы знать: какой именно вариант из этой богатой коллекции источников «харлампиевского» самбо предпочитают его адепты сегодня? И как объясняют подобные удивительные метаморфозы «авторских» заявлений? Уж не тем ли, чтобы любой ценой понадежнее скрыть реальное происхождение самбо из ошепковской борьбы в одежде, по старинке все еще именовавшейся «дзю-до»? Недаром же Будзинский вспоминал, как не раз Харлампиев внушал ему: «Андрюша, «дзю-дзю» (так пренебрежительно именовал он ставшее опасным для него дзюдо - М.Л.) вообще не было!»

Вернемся все же в конец тридцатых. Стенограмма конференции стала последним документом, в котором было употреблено название «борьба вольного стиля (дзю-до)». Последнее слово было теперь отброшено и оставлены лишь три первых. Строго говоря, подобное изменение названия было вполне своевременным и справедливым (разумеется, при условии, что оно проходило бы совсем под другим, не таким острым красным соусом). Все то, что за годы упорного творческого труда было создано Ошепковым и коллективом его учеников, придало их борьбе оригинальные и самобытные черты. По существу, это уже был

новый, самостоятельный, перспективный вид борьбы, который развивался по своим собственным законам и совершенно независимо от японской системы. И лишь по инерции его все еще продолжали именовать «дзю-до», предваряя это название поясняющими словами «вольная борьба» или «борьба вольного стиля». Однако было уже очевидно, что сохранение японского названия является несправедливым не только по отношению к практиковавшемуся у нас прикладному единоборству, но и по отношению к самому классическому дзюдо Страны Восходящего Солнца. Вместе с тем, вполне понятно, что новое название не прибавило ни одного нового приема в технико-тактический арсенал. В своей основе теми же самыми - ошепковскими - остались и правила борьбы.

Так или иначе, но тогда, в конце тридцатых, ошепковская борьба, благодаря своему фальшивому, деланному, безукоризненно советскому патристическому происхождению и чистой анкетке, уже беспрепятственно получила «вид на жительство». Тучи над ней рассеялись. Началась череда крупных состязаний: запланированный еще Ошепковым матч Москва - Ленинград, матчи с участием команд пяти-шести городов, а с 1939 года даже первенства Советского Союза. Вместе со спортивным продолжалось и развитие боевого раздела.

Однако созданной Ошепковым борьбе еще дважды довелось менять название. Из «борьбы вольного стиля» она превратилась в «вольную борьбу». Но и это новое «имечко» употреблялось всего в течение пяти лет. Дело было в том, что, готовясь к выходу на широкую международную спортивную арену, у нас в стране в середине сороковых годов начали культивировать вольную борьбу по международным правилам. И в системе нашего спорта оказалось вдруг сразу два различных единоборства, имеющих почти одинаковые наименования. Естественно, что у молодого советского вида борьбы «отобрали» название в пользу почтенного международного собрата, и начались довольно-таки непростые поиски нового имени, вызвавшие бурные споры. В конце концов, решили остановиться на «вольной борьбе самбо», учитывая ее прикладную направленность и даже определенную технико-тактическую близость к системе самозащиты.

Между тем, ложным утверждениям Харлампиева о его авторстве очень помогла развернувшаяся во второй половине сороковых годов пресловутая кампания «по борьбе с иностранщиной, с космополитиз-

ГОРОДСКОЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ФИЗИКУЛЬТУРЫ И СПОРТА ПРИ ЛЕНИНКОМ

24
ДЕКАБРЬ 1947 г.

ТЕКСТИЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
им. С. М. НИРОВА
ул. Горького, 15. Телефон: 4, 10, 12, 13, 14, 22 и 23. Анонсы: 5, 6, 8, 10, 11.

**МАТЧ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
ПО БОРЬБЕ ВОЛЬНОГО СТИЛЯ
ДЗЮУ-ДО**

УЧАСТВУЮТ ОТ МОСКВЫ
(СБОРНАЯ)

1. Сазонов
2. Васюков
3. Шинин
4. Будзинский
5. Сидоров
6. Гладков
7. Харлампиев
8. Сидоренко

УЧАСТВУЮТ ОТ ЛЕНИНГРАДА
(СБОРНАЯ)

1. Силин
2. Горбунов
3. Иванов
4. Федоров
5. Лагров
6. Константинов
7. Пурзал
8. Нонейшвили

Входная плата 3 рубля

Начало в 7 час. вечера

мом». Поначалу это было очень нужное и полезное дело, напомнившее россиянам уже давно прочно позабытые славные свершения их предков в области науки, техники, культуры, искусства. Но затем на долгие годы она приобрела нарочито крикливый и откровенно нечистоплотный характер. Ее идеологи спекулятивно и заведомо невежественно с яростью отрицали древнюю включенность России в процесс развития общемировой культуры. «Зарубежное заимствование» стало не только одиозным, но даже пугающим. Считалось необходимым «патриотично» доказывать, что абсолютно все в нашей стране изобреталось и создавалось исключительно лишь самими нашими предками. Лучше любая фальсификация, только бы не признать чужеземное заимствование. И были даже такие ловкачи, которые защищали диссертации, доказывая, что, якобы, английский бокс «постепенно развился из старинного русского кулачного боя». А потом из-за подобных глупостей иные «доброжелатели» злорадно острили: «Россия - родина слонов».

К абсолютной невозможности назвать имя подлинного автора - «врага народа» - прибавились еще и «антикосмополитические» доводы: а вдруг узнают, что начинали с японского дзюдо? Но ведь и японское

джиу-джитсу развивалось под сильным влиянием из Китая. И это было вполне в рамках непеременимых основ развития мировой цивилизации: неизбежные и постоянные обмены ценностями между различными национальными культурами. И, честное слово, не вижу я в этом ровным счетом ничего вредоносного и позорного.

Команда Москвы на первенстве Москва-Ленинград (слева направо): Сазонов, Васюков, Шинин, Будзинский, Сидоров, Гладков, Сидоренко (отсутствует А. Харлампиев)

Глава 17

Миф умирает, но его пытаются реанимировать

С первых же послевоенных лет Харлампиев, как всегда проявляя свою очень высокую активность, становится несомненным лидером самбо. Влияло, конечно, и то, что шедшие впереди него специалисты первого поколения - В.В. Сидоров, Н.М. Галковский, Б.А. Сагателян, А.М. Ларионов, В.П. Волков уже ушли из самбо, переключившись на иной род деятельности, а Р.А. Школьников и В.Г. Кузовлев оказались «заблокированными» тяжелейшими условиями послевоенной провинции. И слишком много и тренеров, и спортсменов лежало в братских могилах, рассеянных от Норвегии до Югославии и от Берлина до Манчжурии...

Но, пожалуй, самым главным было то, что Анатолий сразу же начал работать помощником начальника Первого отделения оборонно-спортивного отдела Центрального совета спортобщества «Динамо». Это обслуживавшее чекистов общество находилось под опекой МГБ и лично товарища Берия, который требовал от своих подопечных только побед. Естественно, что «Динамо» имело значительно лучшее финансирование, чем любое другое спортобщество, и туда стекались лучшие спортсмены страны, в том числе и самбисты. На первом же послевоенном первенстве Советского Союза в 1947 году, где главным судьей был Харлампиев, динамовцы одержали блестящую победу, не только завоевав все чемпионские звания, но и уступив соперникам всего лишь одно второе и два третьих места. За этот убедительный успех Анатолий, тренировавший динамовцев, был удостоен звания «Заслуженный мастер спорта СССР», так как звание «Заслуженный тренер СССР» учреждено еще не было, и тренерам присваивали то же самое почетное звание, что и спортсменам. Впоследствии это чисто «спортсменское» звание будет вводить в заблуждение журналистов, уверенно повествовавших о бесчисленных победах Харлампиева на самбистском ковре. Как бы автоматически этот динамовский сотрудник в том же 47-ом становится и председателем Всесоюзной федерации борьбы самбо. И я думаю даже, что если бы не такой надежный «железный» динамовский щит, едва ли Анатолий осмелился бы объявить себя создателем самбо.

Ветераны-то, конечно, знали истинную цену этому «рукотворному» мифу. Сейчас, задним числом, кое-кто пытается обвинять их в том, что тогда они промолчали. Однако едва

ли подобные обвинения справедливы. После войны в самбо оставалось не так уж много тех, кто начинал у Ошепкова. Да и не молчали они. Яростно протестовал Галковский в Госкомспорте и в устной, и в письменной форме. Только вот спорить в те годы с официальной прессой было невероятно трудно, если возможно вообще. А уж в данном случае особенно. Да и не мог никто из них напрямую сказать Харлампиеву:

- Ну, что ты там выдумываешь?! Мы же отлично помним, как ты пришел к Василию Сергеевичу стерильным новичком, и он обучил тебя всему!

Имя Ошепкова было уже опасно-неприкосновенным, и каждый, кто решился бы начать такую филиппику, был бы наверняка вынужден заканчивать ее в значительно более северных широтах.

И все-таки они не молчали и протестовали в меру своих очень ограниченных возможностей. Один из них - кандидат педагогических наук, опытный борец И.И. Алиханов по достоинству оценил титанические потуги мифотворчества. Когда вышла в свет первая книга Харлампиева «Борьба самбо», Алиханов на страницах декабрьского номера журнала «Теория и практика физической культуры» (1950 года) опубликовал рецензию на это издание. Отметив серьезные недостатки претендовавшей даже на некоторый научный анализ первой печатной работы Харлампиева, он завершил свою рецензию словами: «Наконец, нельзя не сказать о том, что в журнальных и книжных статьях (книга «Победители», журнал «Физкультура и спорт») автор, воспользовавшись услугами доверчивых и недалёковидных авторов,... пытался создать себе дешёвый авторитет, приписывая себе заслугу создания борьбы самбо. В статье «История самбо» (И. Рахтанов), наряду с многочисленными дифирамбами по адресу А. Харлампиева, читаем: «Только проделав все это, поднявшись на базу такой теоретической высоты и мощности, Анатолий Аркадьевич Харлампиев начал преподавать свою борьбу, первая мысль о которой пришла к нему на полке вагона». Не говоря о «теоретической высоте и мощности», оказавшейся весьма невысокой, автору не мешало бы иметь некоторую скромность, которая должна была бы напомнить ему людей, вложивших до него много творческого труда и энергии в дело создания и развития этого вида спорта. В связи с этим

уместно привести (из рецензируемой книги Харлампиева - М.Л.) пункт шестнадцатый из главы одиннадцатой «Советы начинающим самбистам»: «Относитесь с уважением к своим товарищам, не хвалитесь, пусть лучше вас хвалят другие».

Разумеется, назвать фамилию истинного основоположника этой борьбы Алиханов тогда не мог, но он прямо указал на труды его учеников - Н.М. Галковского, И.В. Васильева, Б.А. Сагателяна и А.М. Ларионова, вышедшие в свет лет на десять ранее первой книги Харлампиева. Увы, но справедливые возражения Алиханова так и остались тогда гласом вопиющего в пустыне, услышанным всего лишь очень узким кругом. Разве могла «Теория и практика физической культуры» с ее мизерным тиражом, рассчитанным исключительно на специалистов, переспорить «Огонек» при его редкостной всесоюзной популярности и огромными по тем временам тиражами?

Спортивные журналисты, к узкому кругу специалистов, к сожалению, отнюдь не принадлежали. Вместо самостоятельного сбора и проверки материала они наперебой бросились разрабатывать завлекательный сюжет рахтановского очерка. И легенда продолжала буйно расцветать на страницах и в спортивной, и в неспортивной печати.

Должен признаться, что и я сам отдавал дань вездесущему мифу. Моим длительным заблуждением было преувеличение и без того достаточно больших заслуг Харлампиева. Очень долго я просто никак не мог представить себе, что податасовка в истории самбо может иметь столь беспардонный масштаб и характер. Был уверен, что решающий вклад в создание самбо сделал именно Анатолий Аркадьевич, а не его предшественники и учителя. Многого я еще не знал, во многом заблуждался, однако с глубоким удовлетворением думаю о том, что даже при этих условиях я, в меру своих знаний, всегда старался быть объективным и ни разу не сказал ни того, что, якобы, Харлампиев был первым, ни тем более - единственным. Первопроходцами всегда для меня оставались Спиридонов и Ощепков.

Наступило время не только отыскивать необходимые материалы, но и анализировать их, почти вслепую нащупывая затерявшиеся, запутанные дороги, по которым должно было проходить самбо на пути к современному состоянию. Именно тогда я понял, что все это интересно и важно не только для меня самого, но и еще для очень многих. То, хотя еще очень немного, что мне уже удалось узнать, было таким новым и почти никому неизвестным, что в самом начале шестидесятых годов я решился рассказать о нем в небольшой газетной публикации «От джигитсу к самбо».

Лет через двадцать пять сын Анатолия Аркадьевича Александр показал мне эту, одну из моих статей, хранившуюся в архиве отца и сплошь испещренную его возмущенными вопросительными знаками на полях. Харлампиев-старший всю жизнь очень внимательно и ревниво следил за публикациями об истории самбо и частенько сам «организовывал» их, придавая желательный характер. Разумеется, без какого-либо упоминания о Спиридонове или своем учителе Ощепкове, даже после реабилитации Василия Сергеевича.

А в той старой моей статье речь шла как раз о еще неизвестном читателям Спиридонове и его работе по созданию самбо. Вообще-то, я пытался сказать там и то небольшое, что успел узнать об Ощепкове, но сверхбдительный ответственный секретарь «Советского спорта» Иткин, не уставший рекомендовать себя «старым правдивом», имея это решительно вычеркнул, так как никаких документальных подтверждений реабилитации Василия Сергеевича я тогда еще не имел. Так что в статье осталось только упоминание о том, что кроме спиридоновского джигу-джитсу в те годы практиковалось еще и дзюдо. Получил же я этот документ о реабилитации лишь несколько лет спустя, когда разыскал, наконец, в тихом Благовещенском переулке вдову Ощепкова, Анну Ивановну. И вот ведь причудливые капризы судьбы: в течение всех этих лет я работал в «Советском спорте» бок о бок с зятем Анны Ивановны, мужем падчерицы Ощепкова, даже не подозревая об этом!

Что же касается той, не понравившейся Харлампиеву моей старой статьи, то, может быть, он имел какие-то основания исчеркать ее красным карандашом. Основания не только субъективно личные, но отчасти и объективные. В моих первоначальных публикациях было немало пробелов, неточностей и прямых заблуждений, неизбежно возникавших как из-за запутанности и сложности самого предмета, так и еще из-за невысокого уровня моих познаний о нем в те годы.

Между тем, постепенно у меня набиралось все больше интереснейших, еще неизвестных материалов, однако, выяснилось, что опубликовать их было, пожалуй, даже труднее, чем отыскать. «Еретическая» тема отпугивала любую редакцию, где «твердо знали», что самбо создал никто иной, как Харлампиев.

Обратился я и в сверхпопулярное в те годы известное приложение «Неделю», предложив большой очерк о рождении самбо. Тогда работал там большой энтузиаст всех систем самозащиты Евгений Месяцев, который наверняка хорошо известен читателям как сценарист. И в его, имевших большой успех фильмах «В зоне особого внимания», «Ответный ход» и других, совсем не случайно можно видеть яркие сцены безоружного рукопаш-

ного боя. Еще тогда, в середине шестидесятых, Евгений дал в «Неделе» много интересного на эту тему и начал даже публикацию учебных материалов по самозащите, которые, увы, очень скоро оказались под запретом МВД. Много писал он и о Харлампиеве.

Заинтересовавшись моим очерком, в котором речь шла не столько о Харлампиеве, сколько о Спиридонове и об Ощепкове, Месяцев сказал мне:

- Мы это опубликуем, это интересно, Я недавно видел в спецфонде «Ленинки» книгу Спиридонова, но ничего о нем не знаю. - Потом он на несколько секунд задумался и добавил. - Но знаете что: вы все-таки покажите это Анатолию Аркадьевичу.

Разумеется, я показал. Харлампиев был очень радужен и доброжелателен, внимательно прочитал очерк, сделал некоторые несущественные замечания и в целом одобрил:

- Когда я пришел в «Динамо», где до меня работал Спиридонов, то везде встречал огонек интереса к самбо, который он сумел зажечь.

Обрадованный я поспешил в «Неделю», и попытайтесь-ка представить себе мое огорчение и разочарование после того, как я вдруг услышал:

- Опубликовать мы не сможем: Анатолий

Аркадьевич считает, что получается так, будто бы мы все заимствовали у японцев...

Ох! Как мне были знакомы эти свехпатриотичные антияпонские потуги: мы-де никогда ни у кого и ничего не заимствовали! Харлампиев был, разумеется, вправе иметь любое мнение о моем очерке, но зачем же обманывать и действовать за моей спиной?! Едва выйдя из редакции и кипя от возмущения, я из ближайшего же автомата позвонил Харлампиеву:

- Анатолий Аркадьевич! Как же так получилось? Когда я был у вас, вы одобрили мою работу, а «Неделе» печатать не рекомендовали, чтобы не подумали, что самбо заимствовано у японцев...

И что же вы думаете, я услышал в ответ:

- А кто вы такой, чтобы я говорил вам, что я действительно думаю?!

После этого я пытался предлагать очерк нескольким другим редакциям, но совершенно безуспешно. Однако года через два-три все-таки смог опубликовать его, и на целую газетную полосу, в таком «спортивном» издании, как «Литературная Россия»...

Между тем, Харлампиев, вероятно, понимая, что отмалчиваться уже нельзя, в очередном издании своей популярнейшей книги «Самбо», наконец, решил нарушить свой «обет молчания» и впервые упомянул фамилии Спиридонова и Ощепкова. Эти фамилии, вопреки любому противодействию, уже замелькали на страницах массовой прессы и принесли с собой понятную необходимость объяснить, как все-таки соотносятся они с традиционной харлампиевской версией самостоятельного создания им этой борьбы.

Сделал он это, нужно сказать, весьма своеобразно. В редакционной аннотации, разумеется, со слов автора книги, прямо утверждалось, что Харлампиев якобы уже сорок лет работает в области борьбы самбо, то есть, начиная с середины двадцатых годов. Сам же он, «скромно» не называя самого себя, в такой безличной форме рассказал, что борьба самбо была создана и «стала бурно развиваться». И лишь затем мы читаем: «Параллельно (подчеркнуто мной - М. Л.) с совершенствованием и распространением борьбы самбо активную пропаганду японской спортивной борьбы дзю-до проводил В. С. Ощепков». Далее узнаем, что хотя было это полезно и для самбо, но произошло на десять лет позднее начала деятельности самого Харлампиева: лишь только в начале тридцатых годов. И, конечно, ни слова об ученичестве у Василия Сергеевича, который уже десять лет как был реабилитирован. А ощепковский чемпионат Москвы по дзюдо 1935 года назван «общегородскими соревнованиями по борьбе самбо». И ни слова о ведущем коллективе инфизкульты: на первом месте - харлампиевский кружок в «Крыльях Советов»...

Анатолий Аркадьевич Харлампиев

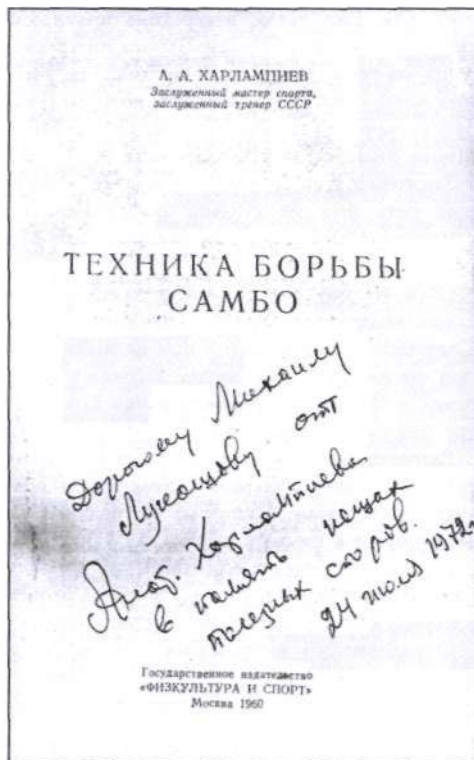
Что же касается роли в создании самбо динамовца Спиридонова, то ее Анатолий Аркадьевич оценил еще более строго и до смешного скуповато: «Каждый занимавшийся борьбой самбо стремился внести и вносил какой-то свой вклад в ее развитие и распространение. Так для боевой части борьбы самбо динамовцы еще в 1923 году нашли хорошее название - «САМозащита Без Оружия». Сначала сокращенно они называли ее «САМ», затем - «САМОЗ» и, наконец, - «САМБО»...

Не очень красивый поступок Харлампиева по отношению ко мне должен был бы положить конец моему с ним знакомству. Однако, признаюсь откровенно, мне очень хотелось до конца выяснить все закрывшиеся уже плотной завесой повороты в создании и развитии самбо. Да и сама противоречивая личность Анатолия Аркадьевича не могла меня, в связи с этим, не интересовать. Вот поэтому, когда после длительного перерыва он позвонил мне домой, я, вместо того, чтобы бросить трубку, терпеливо выслушал его. А, выслушав, весьма удивился. Он рекомендовал мне написать о самбо в связи с пятидесятилетием этой борьбы, которое, по его словам, должно было исполниться в 1972 году.

- Это, по какому же счету - пятидесятилетие, Анатолий Аркадьевич? - изумился я и в ответ услышал уже сильно модернизированный вариант мифа о появлении самбо на свет божий. Оказалось, что надоумил Анатолия Аркадьевича начать работать в этом направлении вовсе не отец, а непосредственно известный революционный деятель, начальник Всевобуча Н.И. Подвойский. И не просто надоумил, а, придя к Харлампиевым домой осенью 1922 года, дал Анатолию поручение создать на базе национальных видов борьбу и систему самозащиты.

Думаю, что дата была избрана здесь не случайно. Харлампиев, не зная о первом этапе работы Спиридонова во Всевобуче еще с 1920 года, считал, что тот начал свою деятельность в области самозащиты лишь в 1923 году в «Динамо», и пытался таким образом «опередить» конкурента хотя бы на год. Однако по этому новому варианту получалось, что «задание» было дано пятнадцатилетнему подростку, который еще не успел завершить среднюю школу. И это при том условии, что начальник Всевобуча имел в своем подчинении лучших в стране специалистов и среди них - Спиридонова, который уже два года успешно преподавал именно «защиту и нападение без оружия», и именно во Всевобуче.

Не знаю, действительно ли была уже у Харлампиева предварительная договоренность с «Литературной газетой», но он заверил меня, что та готова обнародовать подобный материал. И еще пояснил, что пятидесятилетие создания самбо очень удачно совпадает по време-

Титул книги
А. А. Харлампиева
с дарственной над-

ни с полувекowym юбилеем образования Советского Союза, который будет праздноваться тоже в 1972 году, а это придаст материалу дополнительный интерес.

Разумеется, ничего подобного писать я не стал, однако и без моего участия новая версия - с участием Подвойского - была многократно тиражирована на страницах различных газет и журналов. Не хочу все же обвинять авторов, которые просто-напросто не знали и не могли знать правды, ведь для этого были необходимы годы поисков.

Почему же Харлампиев, несмотря на нашу размолвку, все-таки обратился ко мне? Причина, вероятно, была следующей. Незадолго до этого вышла в свет посвященная его отцу, Аркадию Георгиевичу Харлампиеву, книга «Этот неистовый русский», которую Эдуард Хруцкий написал по рассказам Анатолия Аркадьевича. Книга вызвала настоящий скандал из-за многих ошибок, ее главному герою были приписаны такие спортивные достижения и революционные заслуги, каких он в действительности никогда не имел. В отличие от ряда других, откровенно разгромных рецензий, я тоже написал тогда об этой книге, однако, достаточно корректно. Постаравшись объективно отметить, как грубые ошибки автора, так и вполне реальные и несомненные заслуги его героя. Думаю, это и стало причиной телефонного звонка Харлампиева ко мне. Та моя рецензия тоже до сих пор хранится в его архиве.

Я немало беседовал впоследствии с этим

очень интересным человеком и выдающимся специалистом. Узнал от него очень много нового и полезного, но частенько возникали у нас, да и не могли не возникать, серьезные разногласия. Однако же, я не думаю, что самые любимые и послушные из его учеников смогут похвастаться такой дарственной надписью, какую сделал мне Анатолий Аркадьевич на своей книге: «Б память наших полезных споров»...

Время от времени я печатал небольшие материалы по истории самбо, разумеется, не в рахтановской версии. Но только в самом начале восьмидесятых годов, уже после смерти Анатолия Аркадьевича, мне удалось, наконец, прорваться в большую спортивную печать. Издательство «Молодая гвардия», работавшее на высоком профессиональном уровне и считавшееся «элитным», опубликовало мою небольшую книжку, где я очень мягко и корректно поведал о подлинной истории создания самбо...

Когда десять лет назад я отдал «Красной звезде» свой очерк об Ошепкове, то один лихой редакционный полковник, не поинтересовавшись моим согласием, «сварганил» из него «интервью». Там «обозвал» эту мою книжку - «Десять тысяч путей к победе» - бестселлером и утверждал, что якобы она «выдержала десятки изданий». Но в действительности же первое и единственное издание эпатажной книги едва не стало вообще моей последней публикацией. Слишком большой она вызвала скандал...

Наша пресса очень много писала о том, как в былые времена «единодушному и гневному осуждению партии и широких масс трудящихся» подвергались «безыдейные» произведения известнейших литераторов: Зощенко, Ахматовой, Пастернака. Но вот, чтобы высочайший партийный гнев мог обрушиться на

скромную, чисто спортивную книжку, трудновато даже вообразить. И все же, как говорится, такой случай имел место. Не поймите превратно: у меня и в помине нет глупой мысли поставить себя в один ряд с названными корифеями высокой литературы. Однако же подобное трагикомическое происшествие случилось именно со мной, когда в 1982 году вышла в свет моя книга «Десять тысяч путей к победе». В ней я впервые смог приоткрыть покров тайны над механизмом фабрикации прочно утвердившегося и официально одобренного мифа о создании самбо А.А. Харлампиевым. И прямо назвал создателем этой замечательной борьбы и самозащиты его неблагодарно забытого учителя В.С. Ошепкова, репрессированного в 1937 году.

И тогда против меня единым фронтом ополчились ученики Харлампиева самых разных поколений. Даже сейчас, после всех бурных и не слишком приглядных событий у меня не может не вызывать уважения это благородное и вполне естественное побуждение защитить своего учителя. Все они, как один, не ведая истины, свято верили каждому слову Анатолия Аркадьевича, были убеждены, что самбо возникло именно так, как он это утверждал, и любое сомнение в этой аксиоме воспринимали лишь только как оскорбительное и кощунственное святотатство. Только вот, к сожалению, при всем этом довелось им лишний раз доказать очевидную истину: невозможно бороться даже за самую благородную цель нечистоплотными средствами.

Они начали борьбу не с концепцией, ошибочной, на их взгляд, а против высказавшего ее человека. Вместо того, чтобы смело доказывать мою неправоту в честной, открытой дискуссии, они просто-напросто накатали на меня пространный и достаточно некрасивый донос, отправив его «на самый верх» - в ЦК КПСС. Я, разумеется, знаю авторов этого беспардонного послания; там работала целая команда. Но с достаточной доказательностью могу назвать лишь фамилию некоего Жеглова, который впоследствии на заседании Федерации борьбы самбо СССР сам публично подтвердил этот факт.

В ответ на мои «происки» начальник спортсектора отдела пропаганды ЦК «сам товарищ Гончаров» заклеил мою работу на высоком издательском совещании, а его заместитель Рогатин повелел Госкомспорту обсудить мою книжку.

Сценарий подобных «обсуждений» отработан был давно и безотказно служил для разгрома журналов и книг, не моей чета. Да только вот, члены президиума Федерации самбо СССР доказали, что они были смелыми не только на борцовском ковре, и почти единодушно дали моей книжке, быть может, и не вполне заслуженную, весьма высокую оценку.

Взбесившаяся партократическая свора, разумеется, не могла не отомстить за такое «возмутительное» неповиновение. И главному тренеру сборной страны С.Ф. Ионову, который опубликовал положительную рецензию на мою работу, вклеили строгий партийный выговор «с занесением». Вот так трудно пробивались ростки подлинной, правдивой истории самбо сквозь глухой цемент угодной верхам традиционной официальной лжи...

Моя книжка была рассчитана только на молодого читателя: рассказы о боевых системах всего мира, а главным образом об истории самбо, перемежались в ней материалами для самостоятельного изучения этой борьбы. И меня очень удивило, что книжка совершенно неожиданно всерьез заинтересовала многих ветеранов самбо - тех, кто внес немалый вклад в дело его распространения, развития и совершенствования. Разумеется, их интересовали не заочные уроки: любой из них мог поучить меня самого и очень, очень многому. Привлекла внимание ветеранов история их вида спорта, впервые правдиво и более или менее полно описанная.

Отлично зная, как в действительности рождалось самбо, ветераны решили прийти на обсуждение и сказать там свое веское слово вне зависимости от того, как это будет встречено в верхах. Особую активность проявил двукратный чемпион Советского Союза, один из самых первых учеников Харлампиева, однако не пожелавший покривить душой ради этого, Андрей Александрович Будзинский. Он уже давно собирал материалы по истории своего любимого вида спорта, и со временем у него на квартире образовался настоящий музей самбо. Андрей Александрович не поленился даже притащить из своего «музея» на обсуждение в Госкомспорт громоздкие стенды со старыми фотографиями, наглядно подтверждавшими мою правоту в споре о создателе самбо. Сказали там свое убедительное слово и два других ветерана, чьи фамилии вы уже встречали на страницах этой книги: ученик Спиридонова, почетный динамовец и почетный судья по спорту В.С. Харитонов и ученик Василия Сергеевича, бывший однокурсник Харлампиева, кандидат педагогических наук Б.А. Сагателян.

Все невразумительные и совершенно бездоказательные заявления моих строгих обвинителей оказались совсем уже начисто стертыми после искренне взволнованных и убедительно обоснованных выступлений ветеранов. Этих уже немалых людей до глубины души возмущали продолжавшиеся попытки превратить белое в черное.

И вот еще один яркий довод за то, что у современной молодежи нет никаких оснований обвинять всех подряд представителей старшего поколения в том, что те в свое вре-

мя, якобы, лишь трусливенько отмалчивались и спешили угодливо поднимать руку при голосовании.

Нет, далеко не так! Конечно же, я был благодарен ветеранам, решительно выступившим на мою защиту. Но, пожалуй, еще в большей степени я испытывал гордость за всех этих настоящих людей, прославленных атлетов, которые когда-то в прошлом вели честную и бескомпромиссную борьбу на самбистском ковре и которые и в своей дальнейшей жизни не склонили головы перед столь выгодным криводушным конъюнктуры.

Этот критический эпизод закончился для меня вполне благополучно, но резонанс, вызванный книгой, не переставал меня удивлять. Неутомимый Будзинский на волне интереса к биографии самбо, пробудившегося в душах ветеранов, очень скоро создал Совет ветеранов этого вида борьбы. И очень важным было то, что интерес ветеранов имел отнюдь не пассивно-теоретический характер.

Вовсе нет! Они поднимали свои собственные личные архивы и архивы своих знакомых, обращались в государственные хранилища старых документов, отыскивали своих бывших коллег по спорту, которых осталось, к сожалению, совсем немного; списывались с музейными работниками даже таких отдаленных местностей, как остров Сахалин. И совсем неудивительно, что им удалось обнаружить целый пласт новых и очень ценных документов. Материалы, поднятые ими «на гора», оказались на редкость интересными. Они позволили не только существенно уточнить и расширить уже имевшиеся у меня данные, но принесли и совершенно неизвестные ранее факты. Все это дало возможность заново и со значительно большей точностью восстановить биографию самбо.

Материалы, относящиеся к этой проблеме, я отыскиваю и изучаю уже несколько десятилетий и, вроде бы, собрал немало ценных данных, но, положив руку на сердце, скажу, что в одиночку я никогда не достиг бы того, что по-

На совещании Совета ветеранов самбо (слева направо): Ларионов, автор книги, Сидоров, Будзинский и Звягинцев

могли сделать эти доблестные и бескорыстные рыцари истории самбо. Вот почему я считаю своей обязанностью выразить искреннюю и глубочайшую благодарность, к сожалению, уже покойным ныне чемпионам СССР первого призыва: мастеру спорта А.А. Будзинскому; заслуженному мастеру спорта и заслуженному тренеру СССР, профессору Е.М. Чумакову; ветеранам самбо: заслуженному тренеру СССР Н.М. Галковскому; заслуженному тренеру СССР В.М. Андрееву; одному из основоположников ленинградского самбо и неоднократно чемпиону этого города А.М. Ларионову; кандидату педагогических наук Б.А. Сагателяну; первому московскому ученику Ощепкова В.В. Сидорову; старейшему динамовскому самбисту В.С. Харитонову, а также и здравствующему ныне энтузиасту изучения истории самбо Л.С. Матвееву.

Думаю, что не без влияния выхода в свет «Десяти тысяч путей» и в противовес им Александр Харлампиев вскоре решил опубликовать посмертные мемуары отца «Два горизонта самбо», которые тот писал долгие годы и в которых пытался наиболее обстоятельно обосновать версию своего авторства. Не сомневаюсь, что сын действовал, как говорят юристы, под влиянием добросовестного заблуждения и неколебимо верил всему, что написал отец. В президиуме Федерации стало известно о предстоящем выходе этой книги, и вполне естественно, что с ее рукописью пожелали ознакомиться. Учитывая характер рукописи, для ее оценки была создана специальная компетентная комиссия.

Мне, как долгие годы специально занимавшемуся историей самбо, тоже довелось при-

нять участие в ее работе и отсидеть не одно бурное заседание. Во избежание обострения и без того слишком «оживленных» дебатов было решено разделить заслушать как сторонников, так и противников версии о харлампиевском авторстве. В то же время на каждом заседании представители и одной, и другой стороны вели непрерывную запись всего, что было сказано, на магнитофонную пленку. Ветеранов крайне возмущало то, что было изложено в рукописи, и что только в порядке эвфемизма можно было назвать мифом. Их прошло перед комиссией десятка три, и ни один не подтвердил авторства Харлампиева, но все говорили только об Ощепкове. Причем говорили отнюдь не голословно, а подтверждая свои слова документами, рукописями, печатными изданиями, фотографиями. Противная сторона выглядела куда как пожиже. От нее выступило всего лишь два человека: Александр Харлампиев и Жеглов, который в качестве «крупного специалиста» по истории самбо дал на рукопись благоприятную внутреннюю, то есть только для издательства, рецензию. О «рецензенте» сказать ровным счетом нечего, что же касается Харлампиева-младшего, то он не смог представить комиссии буквально ни одного документа, хотя бы косвенно подтверждавшего факт знакомства Анатолия Аркадьевича с борьбой в двадцатых - начале тридцатых годов. Все документальные материалы датировались ни в коем случае не ранее, чем 1934 годом, то есть временем, когда он уже начал получать уроки у Ощепкова. Решение комиссии было вполне понятным: публиковать рукопись можно только после того, как она будет переработана в точном соответ-

Собрались ветераны самбо. Сидят (слева направо): Портнов, Чухров, Галковский, Будзинский, Балашов, Чибичьян, Соколов. Стоят: Моисеев, Масолкин, Матвеев, Буренин, Подшибякин, Кожанчиков, Бубенов, Александров, Анисимов, Зарипов

вии с действительными фактами, К сожалению, материалы комиссии так и не были обнародованы, а они могли бы многое объяснить и снять все вопросы, вполне естественно возникающие у любителей самбо. В связи с этим я хочу, хотя бы очень коротко, рассказать о том, с чем встретила комиссия при своей работе.

Рукопись Харлампиева была полна самовосхвалением, причем похвала эта самому себе основывалась не только и не столько на действительных, сколько на вымышленных фактах. На сотнях страниц рукописи он пытался доказать, что именно он и в одиночку создал самбо; что был очень искусным и сильным борцом и, наконец, что принимал активное участие в боевых действиях на фронте во время Великой Отечественной войны. Ни одно из этих утверждений, как удалось достоверно установить комиссии, не соответствовало действительности.

Стремясь во что бы то ни стало доказать свое «авторство», Харлампиев беззастенчиво перечеркивал приоритет своего учителя, утверждая, что, якобы, «из основного ничего нового не узнал у Ошепкова». Выходило так, что и вообще к моменту встречи с этим своим выдающимся наставником в начале тридцатых годов Харлампиев уже успел не только создать «свою» борьбу, но даже и разработать методику преподавания - «ступени обучения».

При этом, правда, возникала весьма скользкая необходимость объяснить читателям, почему же абсолютно никто из его товарищей-борцов ровным счетом ничего не знал об уже созданной харлампиевской «интернациональной борьбе». А сокурсники по инфизкульту все были уверены, что он пришел в вуз к Ошепкову «стерильным новичком». Оказывалось, что Анатолий намеренно и очень искусно скрывал свои обширнейшие познания создателя новой борьбы, он всего лишь прикидывался на ковре абсолютным новичком. Такое, мягко выражаясь, странное объяснение, правда, вызывало новые и столь же недоуменные вопросы. Ведь перед этим сам автор рукописи очень подробно рассказывал, как он еще с двадцать пятого года регулярно проводил публичные доклады о якобы создаваемой им «интернациональной борьбе» в таком людном месте, как Воробьевы горы, на спортплощадке Общества строителей международного красного стадиона (ОСМКС). А принимала такие «отчеты» специальная комиссия во главе с Подвойским, в присутствии таких знаменитостей, как В.Э. Мейерхольд, киноактер и режиссер Борис Барнет, «генерал Ракин», представители Коминтерна и Спортинтерна. Как же могли оставаться тайной для московских спортсменов и для вездесущей прессы столь заметные события? Вот этого Харлампиев уже не объяснял. Зато объяснил заслуженный мас-

тер спорта И.И. Рогачев, бывший соратник Анатолия по ОСМКС, который категорически заверил, что ничего подобного никогда на Воробьевых горах вообще не происходило!

В рукописи также обильно цитировались записи Анатолия, которые он, якобы, систематически вел, «создавая» борьбу, в двадцатых годах, и которые удивительно напоминали уже послевоенные его же методические выкладки. Продемонстрировать комиссии эти цитированные записи отца Александр Харлампиев, однако, не смог, объяснив, что они пропали еще во время войны. Каким же образом, уже исчезнувшие, они, тем не менее, цитировались, он не объяснил.

Точно так же, в качестве изученных Анатолием еще 1923 году, цитировались источники, попавшие к нему лишь почти два десятилетия спустя.

Вместе с тем, сопоставление работ Харлампиева, созданных им по сорок девятый год включительно, с более ранними руководствами других учеников Ошепкова и с фотографиями, запечатлевшими технический арсенал самого Василия Сергеевича, убедительно показывают, что «создатель интернациональной борьбы» не дал почти ничего своего, а лишь добросовестно воспроизвел все то, что узнал от своего учителя, и то, что родилось в самбистской практике за истекшие одиннадцать лет.

Дневниковая запись второй половины двадцатых годов, сообщенная комиссии Александром Харлампиевым, доказывала, что его отец в то время вообще еще не думал посвящать свою жизнь созданию какой-либо борьбы, а мечтал стать известным музыкантом и объехать весь мир. Работа инструктором физкультуры в различных коллективах все это время лишь давала ему дополнительные средства. В точном соответствии со своими жизненными планами Анатолий окончил в начале тридцатых музыкальный техникум по классу валторны и лишь после этого, отказавшись от профессии музыканта, в инфизкульту вплотную познакомился с борьбой у Ошепкова.

И еще одна многозначительная деталь. Везде и всюду очень много говорилось и писалось о «заветных» харлампиевских тетрадах, хранивших открытые им тайны национальных видов борьбы. Тех бесценных кирпичиков, из которых он воздвиг невиданное, великолепное здание «советской борьбы вольного стиля». Казалось бы, такое убедительное и неопровержимое доказательство реальной работы Анатолия Аркадьевича: выложил их на стол комиссии, и конец всем спорам! Но Александр утаил от комиссии это «коронное» доказательство, потому что доказывало оно совсем обратное, и его обнародование было «смерти подобно». Я видел эти большие тетради, точнее так называемые амбарные книги. Их всего 3 или 4 и записано в них именно

то, что Анатолий узнал на институтских занятиях у Ощепкова, что подтверждает собственноручная надпись Анатолия на обложке первой их книг.

Очень показательным явился и такой эпизод в рукописи: автор утверждал, что отлично освоил подсечку еще в детстве, с помощью своего деда, а уже в 1926 году, в совершенстве зная этот бросок, умело парировал его в схватках с сильными грузинскими борцами. Однако В.В. Сидоров представил комиссии брошюрку Харлампиева с такой его красноречивой дарственной надписью: «Моему учителю по передней подсечке, от которой я летал...» И эти «полеты» совершал «ученик» Сидорова в 1935 году на первенстве столицы по дзю-до, когда, если верить рукописи, уже был отлично знаком и с самим этим броском, и с защитами от него.

Вероятно, не без влияния отца - старого боксера-профессионала у Анатолия сложилась уверенность, что хороший тренер - это непременно известный в прошлом спортсмен. Именно такой свой имидж создавал он и в жизни, и на страницах рукописи. Казалось, его высокие борцовские качества подтверждали и тот факт, что Харлампиев являлся заслуженным мастером спорта СССР. Многих журналистов гипнотизировало это звание, один даже сгоряча назвал Харлампиева «неоднократным чемпионом страны». Каждый знает, что это почетное звание присуждается только самым выдающимся спортсменам. Однако лишь немногие помнят, что до установления звания заслуженного тренера СССР в 1956 году заслуженными мастерами, наравне со спортсменами, становились и их тренеры. Именно так, вместе с большой группой других ведущих тренеров, стал заслуженным мастером и Анатолий Аркадьевич. Он был выдающимся тренером и специалистом в области самбо, а борцом являлся весьма средним. Значительно слабее своих учеников, которые завоевывали титулы чемпионов Советского Союза. Пределом его возможностей стали всего лишь два звания чемпиона Москвы, и это при не слишком-то большой конкуренции тех лет.

Однако особенно несправедливыми были претензии Анатолия Аркадьевича на то, что он, якобы, являлся непосредственным участником боев на фронтах Отечественной войны. В течение многих лет в периодической печати - от центральных изданий до многотиражек восторженно повествовалось о бесчисленных и совершенно неправдоподобных фронтовых и партизанских подвигах Харлампиева, который, якобы, очень ловко расправлялся с вооруженными гитлеровцами при помощи приемов самбо. Это очень хорошо ложилось в рамки столь желанного имиджа. Я приведу здесь только один, выходящий за геркулесовы столпы нелепости, эпизод, описанный со слов от-

ца Александром Харлампиевым в газетах «Алтайская правда» и «Энергетик»: «И вдруг, откуда ни возьмись, два фашиста с автоматами - скорее всего, разведчики, за «языком» пришли. Стал я руки поднимать, а по пути зацепил правым предплечьем ствол автомата, резко отбил его в сторону и вниз, левой рукой хватаю «своего» фашиста за правую ногу и тут же бью его головой в голову другого. Все это заняло две-три секунды».

В рукописи тоже рассказывалось о том, как автор доблестно воевал на передовой, встречал танковые атаки, сражал врагов в рукопашных схватках, отправлялся в тыл немцев к партизанам. Харлампиев сообщал и о своем тяжелом ранении, в связи с которым ему даже хотели ампутировать руку.

А теперь попытайтесь-ка представить, как вытянулись лица членов комиссии, когда она узнала, что автор всех этих героических мемуаров провел всю войну в качестве... скромного методиста лечебной физкультуры и в интендантском звании!

Было выяснено, что 3 июля 1941 года Харлампиев вместе со своими товарищами по «Крыльям Советов» действительно вступил в ополчение и отправился на фронт. Но все его бывшие однополчане в один голос заявили комиссии, что на передовой Харлампиева никогда не видели. Выяснилось, что в то время, когда все они засели в окопы, встречая немецкие атаки, в том числе и танковые, Анатолий оказался вовсе не там, а в составе... агитбригады. Он демонстрировал какие-то немудрящие акробатические номера и приемы обезоруживания. Именно во время одного из таких выступлений он действительно был случайно ранен своим напарником в руку ножом. (Справку об этом представил комиссии Александр.) Из-за этого Харлампиев попал в госпиталь, а после излечения так и остался там в качестве методиста лечебной физкультуры.

Во время войны были опубликованы фотографии. На них показывалось, как в специальном доме отдыха, вероятно, после госпиталя, «отдыхают и набираются сил командиры». Под одним из фото-подписи: «Техник-интендант второго ранга тов. Харлампиев проводит занятия по самозащите». Писатель Михаил Анчаров тоже писал в «Неделе», что в сорок третьем или сорок четвертом году у них - в одном из московских военных училищ - Харлампиев преподавал самбо. Анатолий Аркадьевич привел эту цитату в своей рукописи, но, чтобы она не противоречила его фронтовому «подвигам», убрал из нее даты. И предусмотрительно поставил ее в той части своей рукописи, где рассказывалось не о войне, а уже о послевоенных годах.

Впоследствии госпиталь, где служил Харлампиев, был передан в состав армии, которая вела бои за Кенигсберг. Вместе со своим госпи-

КОМАНДИРЫ ОТДЫХАЮТ

Фото № 1

Фото № 2

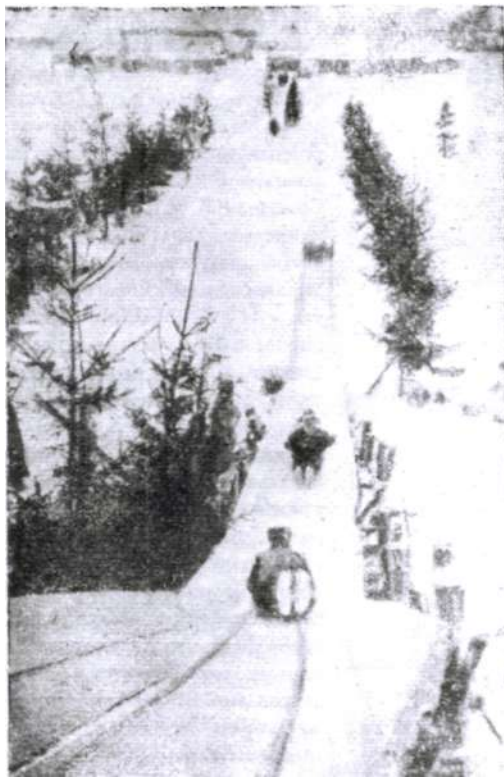

Фото я» 3

Снеговая горка, каток, снежный наст, испещренный лыжными следами. В этом селе дом отдыха для командиров. Сюда приезжают командиры отдохнуть, набраться новых сил. Дом отдыха, где начальником тоа. Фишкин, даёт отдыхающим самые разнообразные культурные развлечения. В уютных комнатах командиры играют в шахматы и домино, читают книги. По вечерам здесь бывают концерты, киносеансы, игры и танцы.

Днём отдыхающие много времени проводят на свежем воздухе. Техник-интендант 2 ранга тов. Харлампиев проводит занятия по самозащите (фото № 1); часто командиры бывают на катке (фото № 2); хорошо прокатиться со снеговой горки (фото № 3).

В «том доме отдыха заботливое отношение к отдыхающим и продуманная программа развлечений.

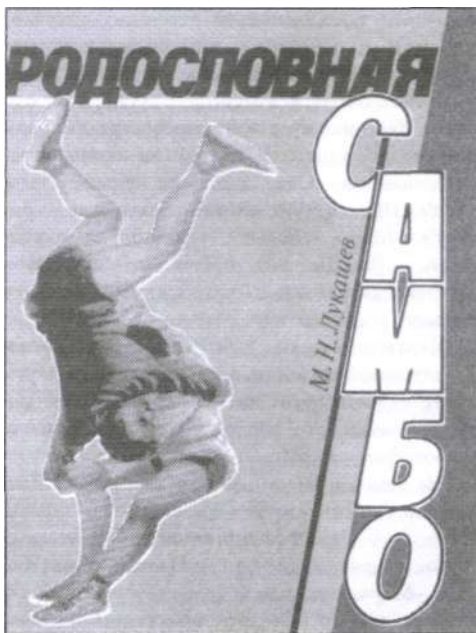
Текст и фото А. Зеловджева

талем побывал Анатолий Аркадьевич и в Китае в 1945 году. Служил он хорошо и был удостоен за это правительственных наград. Однако такая, подлинная его роль, вероятно, казалась ему слишком бледной и незаметной, плохо совместимой с ярким образом «основоположника».

В общем, после заключения комиссии издательству стало совершенно ясно, что выпустить мемуары Харлампиева в таком виде невозможно. А выпуск их уже стоял в плане. Вместе с тем, издательство испытывало достаточно неприятное давление со стороны Александра Харлампиева, который обращался с жалобами в высокие инстанции и писал о несправедливости по отношению к его отцу. Для того чтобы читатели все-таки получили анонсированную книгу, издательство в поисках приемлемого компромисса предложило Александру Харлампиеву, как ее публикатору,

внести в рукопись необходимые изменения, убрав из нее весь вымысел. Предполагалось также предпослать мемуарной части совершенно самостоятельное мое повествование о Спиридонове и Ощепкове, сделавших для самбо отнюдь не меньше Харлампиева и значительно раньше его. Как мне сказали, Александр поначалу согласился с подобным вариантом, но затем категорически отказался от него.

И вот тогда, спасая уже распубликованный на весь Советский Союз план, издательство «Физкультура и спорт» предложило мне написать книгу, изложив подлинные обстоятельства создания самбо. Бывший главный редактор издательства А.Э. Стародуб желал выйти из создавшейся сложной ситуации с наименьшими потерями и выпустить, пусть и другую книгу, но той же тематики и под тем же названием, которое уже было анонсировано. Стараясь также избавиться в будущем от очередного

потока жалоб заинтересованных лиц, он поставил мне и еще одно, неперемное условие: «Не писать о Харлампиеве ничего плохого».

От первого и явно непродуманного предложения мне удалось сравнительно легко откренститься. Я объяснил, что именно использование совершенно чуждого мне харлампиевского заголовка вызовет достаточно обоснованную жалобу в плагиате. А вот второе условие, которое было неперменным, мне все-таки пришлось принять. Тогда мне снова довелось решить встававшую передо мной дилемму: впервые написать обо всех имевшихся тогда у меня уже достаточно обильных фактах биографии Ощепкова (кроме его ареста), оставшая в стороне неприглядные действия Харлампиева, или же вообще отказаться от такого доказательного обоснования приоритета Василия Сергеевича, совершенно не зная, когда появится для этого новый подходящий случай, и появится ли он вообще...

Короче говоря, я немедленно, в августе 1986 года, взял очередной отпуск и, удобно расположившись в подмосковном санатории «Монино» - бывшем поместье знаменитого петровского сподвижника Брюса, принялся с максимальной поспешностью писать книгу «Родословная самбо». Дело в том, что существовало еще и третье условие, точнее настоятельное пожелание издательства: представить рукопись в максимально короткий срок, чтобы выпустить ее в свет, не нарушая запланированных сроков. Волей-неволей пришлось поставить рекорд «быстрописания» и в начале сентября уже сдать готовую рукопись. Столь же быстро она прошла редактуру, была набрана «молнией» и уже на рубеже нового года появилась на прилавках книжных магазинов. (Как тут не задуматься над тем, что существо-

вала же такая возможность сверхоперативного выпуска книг вместо привычного многогодного их «маринования»!).

Надежды главного редактора сбылись: ни одной жалобы на книгу не последовало. Мне говорили, что даже активный жалобщик Жеглов отозвался о ней одобрително. Мои надежды тоже сбылись: оспаривать авторство Ощепкова стало теперь если не невозможно, то достаточно затруднительно. Все то, что я написал в книге, было правдой, но, увы, не всей правдой в возможной ее полноте. Для ее обнаружения был нужен новый счастливый случай, который теперь потребовалось ожидать не так уж долго: всего года полтора. На этот раз мне позвонили из газеты «Советский спорт» и просили дать несколько очерков о незаконно репрессированных в годы сталинщины спортсменах и тренерах. Начиналось время, когда широкой волной выплескивалась на страницы газет и журналов давно наболевшая правда о мнимых врагах народа.

Я, разумеется, дал просимые материалы и, в первую очередь, о Василии Сергеевиче, в которых впервые получил возможность рассказать всю правду о трагической судьбе подлинного основоположника самбо и о ловком сотворении харлампиевского «автомифа». Жалею только о слишком большой порции отсебятины редакции, которая прямо-таки взахлеб пользовалась только что открывшейся возможностью печатать все, что только заблагорассудится...

Ветераны сразу же после решения комиссии о харлампиевских мемуарах опубликовали в «Спортивной жизни России» коллективное открытое письмо о его откровенном плагиате. После их выступления и моих документированных публикаций в «Советском спорте», а в 1991 году и в «Физкультуре и спорте», миф, казалось, приказал долго жить. Выяснилось, однако, что существует немало людей, которые мечтают его реанимировать, и время от времени в отдельных публикациях Анатолия Аркадьевича все еще почтительно именуют «отцом самбо». Появилось даже кинематографическое воплощение живучей легенды - фильм «Непобедимый», прямо посвященный беллетризованной биографии «основоположника». После всего этого можно только пожалеть, что мемуары не были опубликованы. Ведь любой, прочитавший их, без труда распознал бы заведомую фальсификацию: уж очень она была примитивна. Вплоть до того, что, якобы, Ощепков, в конце концов, одобрил «борьбу», созданную Анатолием и сказал, что будь он помоложе, то непременно пошел бы вслед за новатором.

В девяностых годах Александр Харлампиев имел полную возможность без каких-либо помех напечатать мемуары отца: любое «самокройное» коммерческое издательство оторвало

бы их с руками, но он не сделал этого, потому что понял: обнародовать их - значит похоронить миф по первому разряду!

Накануне шестидесятилетнего юбилея самбо, уже в 1998 году, президиум Федерации рассмотрел мои статьи о подлинной истории «сотворения» этого замечательного боевого спорта и опубликовал их в своем официальном органе «Самбо России».

В том же юбилейном году малоизвестный журнал «Черный пояс», позаимствовавший громкое название у своего заокеанского именитого коллеги, изменил своей традиционной восточной тематике и опубликовал главы будущей книги вице-президента Московской федерации самбо Н. Журавлева, который всеми силами пытается реанимировать усопший харлампиевский миф. Написаны главы забавно напыщенным, многословным и претензионным слогом, который, вероятно, представляется автору особо эмоциональным и выразительным. В заголовке - та же самая претензионность и мнимая суперзначительность...

О мастерстве Журавлева создавать заголовки стоит сказать особо. Через «Литературную газету» он обратился с обличительным открытым письмом к В.В. Путину. Господин вице-президент обвинял президента в чрезмерном внимании к японскому дзюдо и недопустимом забвении нашего самбо, которому, по мнению обвинителя, угрожает полная и беспросветная японизация. Гневное послание озаглавлено очень оригинально: «Луский богатиль - это холосо»...

Если вы не только не способны проникнуться всей гневно-сатирической прелестью мудреного заголовка, но даже не можете понять его смысла, я поясню. Заключает письмо душераздирающая сценка из нашего печального ближайшего будущего: токийский сэнсэй, восхищенный нашей полной, сплошной и бесповоротной японизацией, «будет похлопывать по плечу нашего атлета и приговаривать: «Русский богатырь - это хорошо!»» В этой цитате я позволил себе перевести слова коварного сэнсэя на русский язык. Дело в том, что в своем обличительном раже вице-президент начертил эту фразу с тем японским акцентом, каким он себе его представляет. Однако же, увы, журавлевская филиппика приобретает от этого неприлично юмористический характер. Он не знает, что японцы не могут произносить именно чуждый им звук «л» и заменяют его звуком «р». Даже фамилия уважаемого автора в японском произношении лишится звука «л». Так что, ювеналов бич не только обидно промакнулся, но и больно хлестнул самого «эрудированного» сатирика...

Разумеется, и на заголовок своей «гениально задуманной, но пока еще не написанной» книги, Журавлев тоже не пожалел творческих сил, почерпнув вдохновение из нашего пре-

словитого телевидения. А кто-то из докучливых телерекламщиков наткнулся вдруг на громозвучную цитату некогда модного поэта Евтушенко: «Поэт в России - больше, чем поэт!!!». И пошли гулять по многострадальному голубенькому экрану сплошные евтушенковские аллюзии: «Отец в разводе - больше, чем отец!», «Чудо-йогурт «Био» - больше, чем йогурт!», «Марс» - больше, чем шоколад!», «Ваниш» - больше, чем просто отбеливатель!», «Новые сверхтонкие прокладки котексы - больше, чем защита!»

Журавлев не смог пройти мимо такой завлекательной находки и использовал ее в названии своего труда на 150 % «Борьба в России - больше чем борьба (Очерки истории и философии самбо)».

Не теряя времени, он обрушивает на головы бедных читателей «высокоинтеллектуальный» квазифилософский винегрет, в котором густо замешаны Сократ и Платон; Кант, Гегель, Маркс, который «их всех «снимает»; Ницше и Сартр с его экзистенциализмом; «высокофилософский нобелевский роман Томаса Манна», «вечная философская асимптота», «мудрые стихи Пастернака», тайна загадочной русской души и русской фонетики и даже «идиотизм толстовского опрощения»!..

Очень может быть, что такая вот показная шумно-ярмарочная «эрудиция» вполне способна «ушибить» среднего читателя, как «ушибла» она простодушные редакционные «черные пояса». Важен, однако, не этот отлакированный словесный мусор, а само существо вопроса.

Автор обвиняет меня во всех смертных грехах, вплоть до того, что это, якобы, из-за моих «интриг» самбо не было включено в программу московской Олимпиады! В то же время, не решается «анализировать» всю алогичность построений Лукашева и грозит сделать это только лишь в своей грядущей философической книжке.

Отвечать на личные выпады, тем более такие лживые и неумные, я, разумеется, не собираюсь. Но вот, разговора по существу вопроса (при всей моей «алогичности») философу от самбо избежать, все-таки, не удастся. Хотя я и очень опасаюсь, что это будет разговор с глухим. Ведь для того, чтобы вести дискуссию, необходимо, как минимум, знать существо спорного вопроса. А вот этим-то уважаемым оппонент, к сожалению, и не обладает. Не хочу употреблять грубоватое слово «невежество», ограничусь эвфемизмом - «полное незнание истории своего вида спорта ответственным лицом столичной федерации». Судите сами: Журавлев наивно убежден, что все подряд русские специалисты рукопашного боя изучали национальные виды борьбы и включали их приемы в свои системы: «Но приоритета и в этом вопросе у Спиридонова

и Ошепкова нет. Почему, в таком случае, постоянно забываются и Лебедев, и Короновский, и прочие авторы, писавшие о необходимости изучать национальные виды борьбы (почему же их лишают лавров основоположников: ведь их мысли - и здравые, и верные, а по времени высказывания более оригинальные)? В чем причина такой персональной избирательности?»

А причина «несправедливой» избирательности в том, что на самом деле ни Лебедев, ни Короновский, ни «прочие авторы» ровным счетом никакого отношения к национальной борьбе не имели и писать о необходимости ее изучения никак не могли. И.В. Лебедев в своем руководстве для полиции использует лишь приемы французской борьбы и джиу-джитсу, а Короновский вообще не имел абсолютно никакого отношения к борьбе, не говоря уже о ее национальных видах. В трех книгах он опубликовал только лишь переводные статьи о боксе и фехтовании. То же самое и у «прочих авторов»...

Даже «привилегированный» Спиридонов, вопреки убеждению вице-президента, никакого интереса к национальным видам не испытывал, а формировал свою систему из совершенно других ингредиентов... Вот подлинный критерий эрудиции велеречивого вице-президента!

За спиной бойкого реаниматора явно маячит тень сына «основоположника» - Александра Харлампиева. «Черные пояса» благодарят его за любезно предоставленные иллюстрации, однако его закадровая роль отнюдь не ограничивается «иллюстративными функциями». Хотя и фотографии использованы с большим лукавством. Под одной из них подпись: «Анатолий Харлампиев с учениками (конец 30-х годов)». Наивный читатель придет в восторг: «советская вольная борьба» только-только создана, а вокруг «создателя» уже толпятся его ученики - победители во всех весовых категориях, в чемпионских майках с гербом СССР на груди. В действительности же снимок сделан более чем на десять лет позднее, когда Анатолий работал в «Динамо» и смог собрать там сильнейших борцов страны. И отнюдь не только своих учеников. Только тогда и появились гербы на груди борцов и значок заслуженного мастера на лацкане харлампиевского пиджака, запечатленные на фото...

Но главное, конечно, - не в подтасовке фотографий, а в использовании недобросовестного метода, который Харлампиев-старший пытался применить еще в 1964 году в своей книге. И вице-президент напористо наступает, стараясь «затоптать», «усреднить» учителя, создавшего Харлампиева как специалиста. Доказать, что таких, как Ошепков, было много, и все они делали немудрящее одно и то же, было о национальной борьбе.

Журавлев уже не рассказывает заплесневев-

шую байку об опасных вояжах отважного «основоположника» - коллекционера национальных приемов. Не мудрствуя лукаво, он прямо заявляет: «Так все-таки о чем речь? Что есть что, и кто есть кто? Кто что создал? Что, в конце концов, утвердил упоминавшийся Приказ № 633 от 16 ноября 1938 года? Как бы там ни было, но касался он борьбы, созданной именно Анатолием Харлампиевым...» (подчеркнуто мною - М. Л.). Из чего следует, что Журавлев предпочитает умалчивать о том, что в приказе об Анатолии не было сказано ни слова!

И снова, вместо доказательств - сомнительная, но напористая «аксиома»: «Известно также, что основоположник борьбы самбо - выдающийся спортивный деятель Анатолий Аркадьевич Харлампиев», «...Все первые по времени, развернутые, законченные и, прежде всего, объединенные в систему определения новой борьбы (подчеркнуто мной - М.Л.) принадлежат Харлампиеву...». «Харлампиева не раз сравнивали с Менделеевым... Он многое взял у своих учителей и предшественников. А точнее сказать: он взял у них все и открыл механизм, некий алгоритм, позволивший невероятное разнообразие систем единоборств свести к чему-то единому, цельному, осмысленному и, главное, качественно новому... И на поверку все оказалось очень просто - как все гениальное». Вот так! Ни более, ни менее!

Теперь уже, согласно данной модернизированной версии, Анатолий «создал» новый вид борьбы, сидя за письменным столом, с помощью ручки, чернильницы и листа бумаги. Точь-в-точь, как Персиваль Лоуэлл, о котором говорили, что он открыл Плутон на кончике своего пера, вычислив закономерность существования этой планеты еще до того, как ее обнаружили астрономы.

Вот и оказывается, что для того, чтобы создать новый вид борьбы, вполне достаточно дать ее «развернутые в систему определения»: терминологию и классификацию. То есть разложить по полочкам приемы, уже сконструированные или отобранные, проверенные и усовершенствованные другими специалистами, и дать названия этим приемам (кстати, некоторые и до Харлампиева уже широко использовали). Ну, а методика обучения, тактика использования приемов, вопросы психологии боя и многое другое - это такие мелочи, на которые едва ли стоит обращать внимание!

В качестве «бесспорного» доказательства авторства фигурируют те же «представленные Александром Харлампиевым иллюстрации»: «Страницы из рабочих тетрадей Харлампиева по систематизации приемов единоборств (1935-38 гг.)». Нельзя не сказать, что несмысловатое содержание этих пресловутых «рабочих тетрадей» нигде и никогда не обнару-

валось, хотя говорилось о них очень много как о совершенно неопровержимом доказательстве. Но вот о первой из таких тетрадей, которых всего четыре, а не «огромное количество», конечно, умалчивается. Потому что прямо на ее обложке рукой Анатолия указано, что это записи студента Центрального института физкультуры Харлампиева по курсу «дзю-до». Внизу почему-то он указал свой адрес и проставил дату - 1934 год. То есть именно время начала его обучения у Ощепкова. О том, что Ощепков обучил Анатолия, Журавлев то ли вообще не знает, то ли просто предпочитает помакивать.

Опровергая очевидное авторство Василия Сергеевича, «историк и философ самбо» вопреки фактам использует излюбленный довод харлампиевских адептов: «документальный вакуум». Однако здесь я убедительно восполню собственный - журавлевский не только «документальный», но и «информационный» вакуум. Представляю, как ошеломляюще удивит его этот, совершенно не знакомый ни ему, ни любому из его единомышленников материал.

Работу по систематизации приемов Анатолий Харлампиев начал, вероятно, еще с 1935 года, с момента поступления на работу во Дворец физкультуры (ДФК) завода «Авиакхим», так как к сентябрю 1936-го была уже зафиксирована тысяча приемов.

Работа носила коллективный характер, а приемы брались из арсенала борьбы в одежде, которую Ощепков преподавал под названием «дзю-до». И едва ли есть необходимость доказывать, что вся эта работа проходила под его руководством, наблюдением и с его непосредственной помощью. Разве мог он устраниваться от работы по сбору и классификации своих приемов, которые должны были появиться на страницах его книги, уже находившейся в работе?

Убедиться в этом очень легко. Нужно лишь ознакомиться с «Протоколом № 9 общемосковского собрания дзюудистов 5 сентября 1936 года», где дословно зафиксированы выступления и Ощепкова, и Харлампиева, и других участников...

Из «доклада т. Харлампиева»: «Была проведена большая методическая работа, заключавшаяся в том, что коллектив ДФК разработал большую ПОЛНУЮ систему ДЗЮУ-ДО, что преподавал В. С. Ощепков (подчеркнуто мной - М. Л.), таким образом, у нас в настоящее время имеется до 1000 спортивных приемов. Означенная работа в дальнейшем будет продолжаться».

Думаю, что этот документ куда как весомее журавлевского риторического вопроса о Харлампиеве: «Почему именно его (а не Галковского, Ларионова, Школьников) назначили старшим тренером сбора в 1938 году, почему именно он сделал основные доклады на кон-

ференции?»

Да по той простой причине, уважаемый вице, что спасительно хитрый национальный ход предложил именно Анатолий. И именно у него на руках была сделанная коллективно, под руководством Ощепкова, классификация преподававшихся последним приемов, на которую ловкий Анатолий потом получит справочку, как своего рода «авторское свидетельство».

Что же касается Галковского, то он вполне обоснованно, как ближайший сотрудник Василия Сергеевича, опасался ареста и старался отдалиться от этого вида борьбы. Однако его тоже старались «втереть» в недостойную комедию, поручив доклад на самую «скользкую» тему: «История развития борьбы вольного стиля», то есть «история» фантома, придуманного несколько дней назад. Но Галковский не попался на эту нехитрую удочку и вообще не участвовал в околоспортивном политическом фарсе, сославшись на срочную необходимость готовить студентов Инфизкульты к близящемуся Всесоюзному физкультурному параду...

Имеется много документов, свидетельствующих о том, что именно Ощепков явился подлинным основателем самбо. Аналогичных документов в отношении Харлампиева нет. Зато есть множество безответных вопросов. Хотелось бы узнать, чем ответит «философия самбо» на такие вопросы.

Чем конкретно, кроме «национальной формы и социалистического содержания», превосходила «созданная» Харлампиевым «советская борьба» ту борьбу, которой обучил его и еще целую армию спортсменов Василий Сергеевич Ощепков? Чем отличалась от нее? Почему нигде, никогда и никем, включая и самого Анатолия, до декабря 1947 года он не провозглашался создателем «советской борьбы вольного стиля» (самбо)? И справочкой-то официальной он в 1938-ом предумышленно запасся только насчет классификации и терминологии, о чем и шла речь на конференции. Хотя даже это являлось плодом коллективного творчества, направлявшегося В.С. Ощепковым, уже работавшим над своей книгой.

Почему и в эти годы, и впоследствии целый ряд ведущих и знающих специалистов, разумеется, не упоминая Ощепкова, утверждали, что вольная борьба была сконструирована на основе дзюдо и некоторых приемов национальных видов борьбы? Приведу цитаты:

«Данная борьба выросла на базе завезенной к нам японской системы «Дзю-до» и материале ряда приемов национальной борьбы» (Волков В.П. Курс самозащиты без оружия «Самбо». М., 1940, с. 26).

«...Существующая теория, что система «Самбо» создавалась (синтезировалась) из элементов национальных борьб Советского Союза, также ошибочна. Создавать боевую систему борьбы «Самбо», как систему подготовки,

даже при помощи «синтеза» элементов национальных борб нельзя» (Волков В.П. Воспоминания. Машинопись).

«С 1930 г. в Московском государственном Ордена Ленина институте физической культуры им. Сталина было введено преподавание самозащиты без оружия по японской системе дзю-до. В 1932 г. самозащита была введена во II ступень комплекса ГТО. Это послужило большим толчком в развитии самозащиты без оружия и положило начало развитию нового вида спорта - вольной борьбы. Дальнейшее знакомство с национальными видами борьбы народностей СССР показало много общего в этих видах борьбы и прикладную ценность их приемов. Это заставило внести существенные изменения в технику, а также и в методику вольной борьбы» (Галковский Н.М. Вольная борьба. М., «ФиС», 1940, с. 6).

«В конце 1938 года в Москве состоялся Всесоюзный методический учебно-тренировочный сбор и за ним - Первая методическая конференция, которая единодушно решила переименовать борьбу дзю-до (подчеркнутой мной - М.Л.) в связи с тем, что она переросла из японской борьбы, с которой мы начинали, расширив ее за счет приемов всех видов национальной борьбы народов СССР...» (Рубанчик А.М., председатель Секции борьбы дзю-до, а затем борьбы вольного стиля СССР, непосредственный участник и организатор упомянутого спортивно-политического шоу и соавтор Харлампиева в написании приказа от 16 ноября 1938 г. «О развитии борьбы вольного стиля». Воспоминания. Машинопись, 1958 г.).

Почему версия о создании Харлампиевым самбо стала достоянием исключительно периодики, «легкой» спортивно-популярной литературы или кинобоевика, но буквально ни разу не появилась в научных трудах, спортивных учебниках и других серьезных работах? Почему также авторами подобных «мифологических» повествований выступают только родственники, ученики, ученики учеников Харлампиева или как-то связанные с ним люди, а еще не слишком компетентные журналисты?

Это далеко не все вопросы без ответа, но для начала и их, пожалуй, больше, чем достаточно!

Давно и неукоснительно вступила в свои права неколебимо железная альтернатива: либо ломать старый лживый миф, спорить и доказывать, неизбежно задевая при этом не самые лучшие стороны личности Харлампиева, либо оставить этот миф в неприкосновенности, признать, что Харлампиев - мудрый основоположник, а его учитель - где-то там, за кулисами, сбоку, если вообще для него находится место.

При этом я вовсе не желаю, как это представляется сторонникам Анатолия Аркадьевича, незаслуженно бросить на него сомнитель-

ную тень. Нет и нет! Никогда, ни прежде, ни теперь я не пытался перечеркнуть или замолчать его огромные заслуги в области самбо. Всегда не только говорил о них, но и специально подчеркивал это. Думаю, что даже свою громкую славу и популярность, пришедшие к нему несколько преждевременно, он честно «отработал» в последующие три десятилетия. На надежном ощепковском фундаменте Анатолий Аркадьевич, вместе со своими коллегами, деятельно продолжил строительство нового замечательного вида борьбы, развивал самбо и умножал его несомненные достоинства. Но именно потому, что у него вполне достаточно своих и подлинных заслуг, ему не следует приписывать чужие, отнимая их, к тому же, у его первого учителя.

Один из учеников Анатолия Аркадьевича - тренер детской спортивной школы возмущенно сказал мне:

- У нас висит стенд, посвященный Харлампиеву, ребята сами сделали. А после вашей книжки они уже у меня спрашивают: «Как же так? Значит, самбо создал не Харлампиев?» Ну, что я им на это должен говорить?

Действительно, что же говорить всей этой ребятне?

Пришло время говорить правду! И, наверное, тот тренер должен вполне искренне сказать своим ученикам:

- Анатолий Аркадьевич очень много сделал для развития нашей замечательной борьбы! Но самбо, в действительности, он не создавал, а был способным и трудолюбивым продолжателем дела своего учителя, Василия Сергеевича Ощепкова - истинного основоположника самбо!

P.5.

Когда я уже успел закончить работу не только над этой главой, но и над всей книгой, мне пришлось возвратиться к написанному, поставив здесь эпистолярную аббревиатуру P.5., и сказать еще несколько слов. Виною тому новый сеанс реанимации харлампиевского мифа вопреки той истине, что далеко не всякого покойника можно вылечить. Только что Александр Харлампиев опубликовал капитальную книгу «Система самбо», в которой собрал слегка отредактированные работы отца по спортивному и боевому самбо. Кроме как позитивно, оценить эту публикацию никак нельзя. Очень хорошо, что широкая читательская аудитория получила возможность ознакомиться не с рассказами о книгах, выходивших под известным грифом, а непосредственно с самим их текстом. И это несмотря на то, что харлампиевская техника, возможно, в какой-то степени уже устарела: ведь это все реквием эпохи ощепковской борьбы и рукопашного боя...

А вот «Краткий исторический очерк», напи-

санный Александром, положительной оценки, к сожалению, отнюдь не заслуживает. Хотя пресловутый харлампиевский миф у него сильно сдал с лица, побледнел, съезжился и уже не сверкает былыми яркими рахтановскими красками. А «руководящий» Подвойский вообще присутствует всего лишь в виде фотографии своей дочери, приглашенной на харлампиевский мемориал. Теперь сообщения, скорее даже намеки, на харлампиевское авторство осторожненько вкраплены в текст. Но на протяжении всего «Исторического очерка» назойливо, словно шаманское заклинание, твердится «СИСТЕМА, СИСТЕМА, СИСТЕМА»! И совершенно не понятно, почему система - это только у Харлампиева? Потому что прописными буквами? Или потому, что Анатолий (а вовсе не участники конференции, как пишет Александр!) саморекламно сравнил свою работу с таблицей элементов Менделеева? А у Ощепкова, Ознобишина - уже не системы? Потому что «СИСТЕМА» - это харлампиевская монополия, эксклюзив, если даже она всего лишь виртуальная?

Из отцовского текста 1964 г. Александр предусмотрительно вычеркнул упоминание о якобы проводившихся с 1935 г. московских «общегородских соревнованиях по борьбе самбо», а также убрал абзац о деятельности Ощепкова исключительно как дзюдоиста, а отнюдь не основоположника будущего самбо. Теперь публикатор всячески расхваливает Василия Сергеевича и умилительно именует его не иначе как «Учитель» - с большой буквы! Похоже, что Александр не понимает, что его слащавая, но сильно припозднившаяся патетика очень плохо сочетается с тем «домашним арестом», которому на многие десятки лет его отец своеобразно подверг все оказавшиеся в его руках материалы любимого «Учителя»!

Перед Александром, как прежде и перед его отцом, стояла сверхзадача: объяснить скоропалительное рождение СИСТЕМЫ - точно к дню начала Всесоюзного сбора по дзюдо. Ведь Александр сам говорит, что «революционный переворот в области спортивной борьбы и самозащиты для всех в то время явился неожиданностью...». Что касается Анатолия Аркадьевича, то он писал в мемуарах, что, якобы, «творил» в глубокой тайне, скрывая от всех свою подвижническую деятельность, даже специально притворялся новичком на ковре. У Александра тоже проходила хитренькой строчкой, что, якобы, даже ученики не подозревали, что их тренер-подпольщик преподает им не «чистое дзюдо», а собственное великолепное творение. Просто какие-то чудеса в решете: ученики, зарабатывавшие «мастера» раньше преподавателя, оказались такими тупыми, что просто были не способны увидеть разницу между простенькой техникой ощепковских «дзюдоистов» и своей «системой Ста-

ниславского»!

Стараясь доказать недоказуемое, Александр не раз, словно за соломинку, хватается за слова А.М. Ларионова, который на конференции одобрил работу Анатолия и предложил «...официально зафиксировать авторство таблиц систематики советской борьбы вольного стиля за т. Харлампиевым». Заметьте: не авторство по отношению к борьбе, а всего лишь ее «систематики». (Выписка из протокола конференции, которую поспешил получить Анатолий, и которую Александр все время публикует в качестве своеобразного аргумента об авторстве отца, тоже говорит вовсе не о борьбе, а лишь о «систематике и терминологии борьбы вольного стиля»!)

Что же касается подлинного мнения Ларионова о реальном основоположнике нынешнего самбо В.С. Ощепкове, то оно четко и отнюдь не двусмысленно сформулировано на страницах 14-16 его книжки «Развитие рукопашного боя в вооруженных силах СССР», в чем очень легко убедиться!

И вот для того, чтобы придать дополнительный вес своему традиционному, но сомнительному аргументу, Александру даже пришлось слегка «передернуть»: в книге он приводит желанную цитату уже не до конца, а ее последнюю фразу заменяет своими словами: «Далее Ларионов предложил официально зафиксировать за Харлампиевым авторство СИСТЕМЫ»! Чувствуете разницу? Ведь в тексте «Краткого исторического очерка» 19 раз употреблено слово «СИСТЕМА» и только в смысле «СИСТЕМА САМБО». Поэтому, приписывая Ларионову использование в его высказывании этого слова, Александр придает диаметрально противоположный смысл подлинному мнению Андрея Михайловича.

И, наконец, всего лишь ироническую улыбку способны вызвать какие-то прямо-таки детские измышления автора «Очерка» о том, что после победы изобретенной его отцом СИСТЕМЫ дзюдоистские «интриганы» напуганно уползли в подполье («...Сталинская структура НКВД... была пугалом для желающих подать голос в защиту дзюдо»!!!). А вот когда это благодетельное пугало потеряло свою желанную силу, и пришла «оттепель», коварные сторонники японского дзюдо вылезли из своих нор на свет божий, чтобы начать вредить папиной СИСТЕМЕ. Такой пассаж, право же, могли бы оценить по заслугам только лишь в юмористическом журнале!

Увы! Но мифологическое творчество по-прежнему процветает, как придорожная белезна, и не только нипочем не сдает своих позиций, но и явно набирает темпы. И рядом с обломками грандиозного харлампиевского мифа-долгожителя, старинного мифа-рекордсмена, уже резвится множество разнокалиберных новорожденных «мификов» («мифят?»).

Имя им - легион, и перечислить хотя бы часть из них - задача заведомо невыполнимая. И я приведу здесь всего лишь два наиболее выразительных и свеженьких примера.

Добрые дяди-мифотворцы не могли допустить, чтобы детишки были лишены радости общения со спортивными волшебными сказками, и в богато изданном специальном толстенном спортивном томе «Энциклопедии для детей» издательства «Аванта» появляется убогое повествование о самбо и дзюдо журналиста Валерия Раджабли, который, насколько мне известно, никогда и никакого отношения к истории этих спортивных дисциплин не имел. Не удивительно, что, путано поведав о самбо, он «забыл» упомянуть его основоположника В.С. Ощепкова. Зато умудрился превратить в ближайших сподвижников двух абсолютно чуждых и даже враждебных друг другу самбистов: «...Самбо - вид спорта, который в 30-х гг. был создан по инициативе В. Спиридонова и А. Харлампиева» (стр. 382). А вспомнив об Ощепкове лишь как о дзюдоисте, который, якобы, «знакомил с основами ведения рукопашного боя без оружия и элементами дзюдо командный состав армии и милиции», этот эрудит утверждает: «В 20-х гг. дзюдо как «продукт капитализма» запретили, и на его основе возникла борьба САМОЗ (!!! - М.Л.), в 1946 г. ее переименовали в самбо».

Это «мифический» образец примитивного невежества. А вот уже и классический пример наглого и, я бы сказал, одухотворенного вранья. Так, чтобы ахнули не только простодушные читатели, но и закаленные в редакционных «заварушках» журналисты!

Выше я упоминал доктора педнаук А. Иванова-Катанского, который не очень честным путем завладел моей рукописью и пересказал ее своим «ученым», но уж очень жалким языком в двух книгах. Но этим, конечно, дело кончиться не могло. По железному закону «бикфордова шнура», который царствует в современном «коллективном творчестве», когда один автор торопливо переписывает другого,

тут же нашелся еще один захребетник - некий А. Юркин. Он поспешил утилизировать «научный» иваново-катанский пересказ, находчиво «гибридизировав» его со вздорными вымыслами приснопамятного Г. Панченко. И его потрясающую подборку «Великие мастера рукопашного боя» прямо-таки с руками оторвало некое петербургское издание «Секретные материалы XX века», которое успешно мимикрирует под популярную газету «Совершенно секретно».

Воздавая должное юркинскому дарованию, нельзя не признать, что он очень умело расцвел тусклое повествование своих «соавторов» яркими блестками собственного необыкновенного таланта. Оказалось, что «русский богатырь» Спиридонов «боготворил Уэсибу и Дэгучи», о которых тогда в Советском Союзе вообще еще ничего не знали.

В подборке «досталось» многим «великим мастерам», но больше всех повезло, конечно, В.С. Ощепкову: «В Москве его арестовали как «агента японского милитаризма». Готовился шумный процесс о насаждении в СССР «американской боевой борьбы». Как и большинство людей, сильных духом, Ощепков морально был готов к любым ложным обвинениям и многолетнему прозябанию в Казахстане. Но на десятый день заключения следователи НКВД решили проверить эффективность «системы Ощепкова» - принялись истязать заключенного, не сняв наручники с окровавленных запястий. На несколько часов тюремные коридоры превратились в арену чудовищной схватки. На подавление бунта одного заключенного (!) были привлечены десятки охранников. По факту массового членовредительства проводилось особое секретное расследование. Дознаватели не находили слов в попытках убедить Иосифа Сталина в причастности одного человека к переломанным конечностям и разбитым головам вымуштрованных охранников...»

«Что я могу еще сказать?» Умри, Денис, но смешнее не придумаешь!!!

Вместо эпилога

Восстановить и отстоять несправедливо попранный приоритет В.С. Ощепкова - это, разумеется, хорошо, но только вот достаточно ли? Воздали ли ему по заслугам мы, все те, кто пожинает богатые плоды его самоотверженного творческого труда, оплаченного ценой самой жизни? Конечно же, нет!

Возьмите хотя бы совсем недавний весьма наглядный пример. В ноябре прошлого года, по инициативе журнала «Додзё», я написал заметку о намерении Федерации дзюдо России отмечать... тридцатилетие отечественного дзюдо. На хлопотливом фоне подготовки к празднику весь официоз как-то совершенно запамятовал о сто десятилетнем, исполнявшемся в том же декабре 2002 г. юбилее основоположника российского дзюдо и самбо! И юбилей этот, точно так же, как столетний, девяностолетний, восьмидесятилетний и все прочие годовщины ощепковского дня рождения прошел незамеченным. И лишь тот же журнал «Додзё» оказался единственным, отметившим достопамятную дату, выпустив посвященный памяти Василия Сергеевича номер.

Подобная поразительная всеобщая беспамятность, когда В.С. Ощепков пребывает в незаслуженном забвении и в пренебрежении, особенно непростительна на фоне той шумихи, в которой уже не первый год проводятся международные состязания памяти его ученика второго поколения, «позаимствовавшего» у «любимого» учителя

«авторское право» на создание самбо.

Думаю, что это именно «то, что я должен сказать», и по возможности именно тем, от кого зависит воздание должных почестей родоначальнику отечественного дзюдо и самбо.

Мне говорили, что это будет заведомо холостой выстрел: денег ни у кого нет, да и «расшевелить» вышестоящих - просто непосильная задача. Все это я отлично понимал, но чувствовал себя обязанным использовать даже самый ничтожный шанс. Ведь под лежащий камень даже вода не течет.

И 11 января сего года опубликовал в московском выпуске газеты «Советский спорт» открытое письмо, адресованное непосредственно президенту России, имея в виду не только давнее расположение Владимира Владимировича и к самбо, и к дзюдо, но и то, что большие заслуги В.С. Ощепкова перед страной имели не только оборонно-спортивный, но и военно-разведывательный характер. Поэтому я просил рассмотреть вопрос как о спортивно-мемориальных мероприятиях в честь В.С. Ощепкова, так и о посмертном награждении его одним из орденов России. И очень хочу надеяться, что это справедливое ходатайство, в котором соединились пожелания многих тысяч российских спортсменов, будет услышано!

Вниманию читателей!

В издательстве «Будо-спорт» готовится к публикации книга «В.С. Ощепков. Жизненный путь и творческое наследие основоположника советского дзюдо». В книгу вошли десятки уникальных архивных документов, публикаций в отечественной и зарубежной прессе, фотографий, запечатлевших все вехи жизненного пути выдающегося специалиста по самозащите и педагога, основателя советского дзюдо и разведчика-нелегала Василия Сергеевича Ощепкова (1892-1937). В их числе - разведывательные отчеты Ощепкова и характеристики на него Разведупра, его публикации по дзюдо, конспекты его лекций и множество других интереснейших документов, раскрывающих многогранную личность этого необычайно талантливого человека, оставившего огромный след в истории отечественного рукопашного боя и спортивной борьбы. Подавляющее большинство материалов публикуется впервые!

